КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XXXVII.

1892 г.

ІЮНЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1892.

ЮБИЛЕЙНЫЯ ПРАЗДНЕСТВА НА ВОЛЫНИ.

(ВПЕЧАТЛѢНІЯ ОЧЕВИДЦА).

Въ половинѣ истекшаго мая Волынь праздновала девятисотлѣтній юбилей учрежденія въ ней православной епископіи или, что тоже, окончательнаго утвержденія здѣсь христіанства при св. равноапостольномъ князѣ Владимірѣ. Въ теченіе трехъ дней (10—12 мая) во всѣхъ городахъ и селахъ волынской губ. совершались по этому поводу нарочито-торжественныя церковныя службы, крестные ходы, отправлялись панихиды по древнимъ волынскимъ князьямъ, православнымъ епископамъ и всѣмъ ревнителямъ православія изъ старинныхъ княжескихъ и дворянскихъ родовъ волынскихъ, причемъ епархіальнымъ начальствомъ циркулярно было предписано священникамъ „вести въ юбилейные дни собесѣдованія съ прихожанами объ исторіи Волыни и о древнихъ священныхъ ея памятникахъ". Главное празднество происходило въ г. Владимірѣ-Волынскомъ, какъ древней столицѣ волынскаго княжества и первоначальной каѳедрѣ волынскихъ епископовъ. Сюда принесенъ былъ ко дню юбилея чудотворный образъ Божьей Матери изъ Почаева, что привлекло во Владиміръ значительную массу богомольцевъ (тысячъ до 20-ти), какъ мѣстныхъ, такъ и изъ сосѣднихъ, губерній, люблинской и гродненской. Интеллигентной публики съѣхалось человѣкъ до 200, между ними преобладающая численная роль принадлежала духовенству. По программѣ празднества дворянству принадлежала самая выдающаяся роль; однако же на празднество прибыли только предводители (и то не со всѣхъ уѣздовъ), и человѣкъ 20 православныхъ дворянъ.

Мѣстныя и столичныя газеты своевременно оповѣстили обо всемъ, что происходило на этомъ торжествѣ, и намъ нѣтъ

надобности повторять подробности, по всей вѣроятности, уже извѣстныя нашимъ читателямъ. Празднество носило исключительно церковный характеръ: торжественныя архіерейскія служенія и необыкновенно пышные крестные ходы съ участіемъ войскъ—въ этомъ главнымъ образомъ и состояло юбилейное торжество. Правда, 10-го числа въ тѣсной и неудобной залѣ мѣстнаго съѣзда мировыхъ судей состоялось публичное собраніе, на которомъ, между прочимъ, проф. кіевской дух. академіи И. И. Малышевскимъ была произнесена рѣчь объ историческихъ заслугахъ стариннаго волынскаго дворянства; но если принять во вниманіе, что это происходило непосредственно послѣ продолжительнѣйшаго богослуженія и двухъ крестныхъ ходовъ, что рѣчи предшествовало чтеніе многочисленныхъ адресовъ и поздравленій мѣстному владыкѣ, и что въ биткомъ наполненной залѣ подъ конецъ собранія нечѣмъ было дышать, тогда сдѣлается понятнымъ, почему почтенный профессоръ-ораторъ вынужденъ былъ до нельзя сократить свою интересную рѣчь и ограничиться лишь краткимъ резюме того, что онъ имѣлъ въ виду сказать собравшимся на празднество гостямъ. Это было единственное историческое чтеніе, предложенное при томъ весьма немногочисленной публикѣ, какая могла помѣститься въ небольшой залѣ. Для простого народа мѣстное Братство также устраивало чтенія съ туманными картинами, но на темы, ничего общаго съ юбилеемъ неимѣющія.

Тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы многочисленныя толпы народа, равно какъ и интеллигентная публика, посѣтившая празднества, не унесли глубокихъ, хотя и не въ одинаковой мѣрѣ сознательныхъ, историческихъ впечатлѣній изъ такого города, гдѣ пріѣзжаго человѣка со всѣхъ сторонъ обступаютъ тѣни прошлаго. Современный Владиміръ-Волынскій—городъ ничтожный во всѣхъ отношеніяхъ, но въ немъ сохранились памятники глубокой древности, краснорѣчиво говорящіе о тѣхъ отдаленныхъ временахъ, когда этотъ, нынѣ захудалый, городъ былъ столицей обширнаго и могущественнаго Волынскаго княжества и достигалъ такого процвѣтанія, что приводилъ въ восторгъ и удивленіе иностранцевъ. Самымъ драгоцѣннымъ изъ этихъ памятниковъ несомнѣнно долженъ быть признанъ полуразрушенный,

почти сто лѣтъ стоящій въ запустѣніи, но все еще несокрушимый и величественный древній Мстиславовъ храмъ, изображеніе котораго прилагается къ настоящей книжкѣ нашего журнала. Онъ построенъ въ половинѣ XII в. волынскимъ княземъ Мстиславомъ Изяславичемъ, правнукомъ Владиміра Мономаха, и съ тѣхъ поръ въ теченіе шести съ половиною столѣтій служилъ каѳедрой волынскихъ епископовъ—сначала православныхъ, а съ конца XVI ст. уніатскихъ. Въ немъ похоронены древніе волынскіе князья, начиная съ его строителя, а равно епископы и представители почти всѣхъ знатныхъ родовъ волынскихъ. Когда въ 1796 г. была закрыта владимірско-брестская уніатская каѳедра, Мстиславовъ храмъ былъ отобранъ отъ уніатовъ, но не возстановленъ, а преданъ въ жертву запустѣнію, и въ этомъ печальномъ положеніи оставался до 1886 г., когда поднятъ былъ вопросъ о его возобновленіи, въ ожиданіи котораго храмъ былъ очищенъ, подверженъ подробному археологическому изслѣдованію, и нынѣ, благодаря заботливости мѣстнаго Братства, приведенъ по возможности въ приличный видъ, подобающій христіанской святынѣ [1]). И во дни минувшихъ юбилейныхъ торжествъ развалины Мстиславова храма болѣе всего привлекали къ себѣ вниманіе всѣхъ прибывшихъ на празднество. Съ утра и до глубокой ночи толпы народа въ благоговѣйно-созерцательномъ настроеніи собирались подъ открытыми сводами этой вѣковой волынской святыни и съ любопытствомъ прочитывали прибитые по стѣнамъ листы, на которыхъ вкратцѣ выписаны главнѣйшія событія изъ исторіи храма. Въ сѣверной части паперти, обставленной зеленью, въ глубокихъ нишахъ, гдѣ когда-то находились велико-княжескія гробницы, теплились лампады предъ иконами; народъ усердно ставилъ здѣсь свѣчи, и было что-то трогательное въ его безмолвной молитвѣ предъ гробницами стародавнихъ правителей Волыни, самыя имена которыхъ ему пока не вѣдомы. 10-го мая, послѣ литургіи въ монастырской и васильевской церквахъ, къ храму Мстислава направился крестный

[1]) Весьма обстоятельно исторія Мстиславова храма изложена въ недавно вышедшей въ свѣтъ брошюрѣ „*Историческое описаніе Владиміро-Волынскаго храма, построеннаго въ половинѣ XII в. кн. Мстиславомъ Изяславичемъ*“, составленной постояннымъ сотрудникомъ нашего журнала О. И. Левицкимъ.

ходъ съ участіемъ кіевскаго митрополита и четырехъ епископовъ. Около ста священниковъ двумя рядами стали отъ паперти до глубины бывшаго алтаря и дружнымъ хоромъ запѣли: „Христосъ воскресе“. Это былъ невыразимо величественный моментъ. Казалось, древнія стѣны вѣковой руины дрогнули отъ звуковъ торжественной пѣсни, вѣщающей побѣду жизни надъ смертью и разрушеніемъ. Стаи галокъ въ испугѣ и смятеніи вылетѣли изъ своихъ гнѣздъ, свитыхъ подъ арками храма, и стали безпокойно кружиться надъ головами присутствующихъ. Началась великая панихида по древнимъ волынскимъ князьямъ и епископамъ. Странно звучали изъ устъ протодіакона непривычныя имена Мстислава, Изяслава, Василька, Любарта и др.; историческіе лица и образы отдаленныхъ эпохъ, обыкновенно представляемые нѣсколько абстрактно, вдругъ какъ-бы пріобрѣтали плоть и кровь и точно живые вставали изъ мрака минувшаго; чувствовалось, что ихъ тѣни незримо витаютъ подъ этими самыми сводами, гдѣ они когда-то молились и гдѣ многіе изъ нихъ нашли для себя послѣдній пріютъ. „Еще молимся—продолжалъ протодіаконъ—о упокоеніи рабовъ божіихъ православныхъ христіанъ: князей Острожскихъ, князей Четвертинскихъ, Сангушковъ, Вишневецкихъ, Чарторыйскихъ“...—и въ памяти присутствующихъ вставали образы дѣятелей другихъ эпохъ изъ исторіи Волыни. Вообще изъ всѣхъ юбилейныхъ актовъ ни одинъ не произвелъ такого глубокаго впечатлѣнія, какъ эта всенародная панихида по давно отжившимъ историческимъ дѣятелямъ, совершенная среди полуразрушенныхъ стѣнъ ихъ сверстника—Мстиславова храма.

Волынскій юбилей, какъ и слѣдовало ожидать, послужилъ поводомъ къ появленію нѣсколькихъ изданій, посвященныхъ исторіи Волыни; таковы, напримѣръ: уже упомянутое нами Историческое Описаніе Мстислава храма, О. И. Левицкаго, изданное Владиміро-Волынскимъ Братствомъ; объемистый сборникъ статей, относящихся къ исторіи православія на Волыни, изд. мѣстнымъ епархіальнымъ вѣдомствомъ, и нѣсколько небольшихъ брошюръ. Объ этихъ изданіяхъ редакція намѣрена дать библіографическій отчетъ въ одной изъ ближайшихъ книжекъ журнала.

ВЪ ДВУХЪ ПАНСІОНАХЪ.

(Изъ дѣтскихъ воспоминаній моей матери).

I. Частный пансіонъ г-жи Кóзаковой.

Однажды въ теплый осенній день 183... года, къ дому г-жи Кóзаковой, содержательницы частнаго женскаго пансіона въ с. Крапивно, полтавской губуберні, подъ ѣхала шестерней съ форейторомъ дорожняя коляска, изъ которой, съ помощью доморощеннаго лакея, проворно соскочившаго съ козелъ, вышла пожилая, средняго роста, полная дама въ траурѣ, съ двумя дѣвочками, девяти и семи лѣтъ, тоже въ траурѣ. За ними слѣдомъ вылѣзла изъ своего уютнаго сидѣнья позади экипажа и ихъ горничная, крѣпостная дѣвка, облеченная въ пестрое, клѣтчатое, домашняго тканья платье, въ темное пальто, платокъ и въ грубые башмаки на босую ногу.

На встрѣчу пріѣзжимъ, выбѣжала на крыльцо прелестная дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, съ длинными, черными, меланхолическими глазами, одѣтая въ сѣрое, полутраурное платьице, съ наброшенной сверху на скорую руку, пунцовой, шелковой мантильей, — что необыкновенно шло къ ея оригинальному, смугло-оливковому, съ тонкими чертами личику и изсиня-черным густымъ волосамъ, гладко зачесаннымъ назадъ.

— Дома m-me Козакова?—спросила дама, слегка дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

— Мамаша дома,—отвѣчала дѣвочка, окидывая мягкимъ, сострадательнымъ взглядомъ траурный нарядъ посѣтительницъ,—пожалуйте!—прибавила она и повела ихъ черезъ сѣни во внутренніе покои дома.

Въ гостинной пріѣзжихъ привѣтствовала сама хозяйка—высокая, полная и красивая женщина лѣтъ сорока, съ величавой осанкой, съ бѣлымъ, румянымъ лицомъ, добрыми карими глазами и темными слегка вьющимися отъ природы волосами... На ней была бѣлая батистовая распашная блуза, съ богатой вышивкой, и кружевной чепчикъ, подвязанный у подбородка пышнымъ бантомъ.

Дама отрекомендовалась Матреной Васильевной Б—ой, вдовой-помѣщицей ч—ой губ., и просила г-жу Кóзакову принять ея дѣвочекъ къ себѣ въ пансіонъ.

Но на это Ольга Ивановна отвѣчала мягкимъ, хотя и категоричнымъ отказомъ, такъ какъ, по ея словамъ, у нея уже есть десять воспитанницъ и больше держать она не будетъ.

Но когда она услышала, что Матрена Васильевна, обратившись чего-то къ старшей дочери, назвала ее „Наденькой", она вдругъ заплакала и сразу перемѣнила свое рѣшеніе, объяснивъ, что она недавно потеряла уже взрослую дочь такого же имени; и что пусть эта Наденька будетъ ей напоминать ту, которой она больше не увидитъ... При этомъ она указала на висѣвшій на стѣнѣ портретъ, обернутый чернымъ крепомъ.

Такимъ образомъ Наденька и Сашенька, благодаря случайно произнесенному дорогому имени, остались въ пансіонѣ, и г-жа Кóзакова съ первыхъ же дней выдѣлила ихъ, какъ своихъ любимицъ, между другими воспитанницами.

Матрена Васильевна, послѣ дружественнаго, сердечнаго пріема Ольги Ивановны, сразу сблизившаго этихъ двухъ совершенно незнакомыхъ женщинъ, въ тотъ-же день, пообѣдавъ только здѣсь, уѣхала домой.

Пансіонъ г-жи Кóзаковой, вдовы полковника, находился въ ея собственномъ имѣніи; держала она его исключительно

для своей дочери Ашеньки, такъ какъ въ средствахъ она не нуждалась.

Обширная усадьба была живописно расположена на холмѣ надъ кручею, за которою, верстахъ въ двухъ, темнѣла густая дубовая роща.

Одноэтажный, съ желѣзной зеленой крышей домъ фасадомъ выходилъ въ огромный дворъ, посреди котораго зеленѣла бархатистая лужайка, отдѣленная низенькой рѣшеткой отъ усыпанной пескомъ дороги, идущей отъ воротъ къ дому и широкой лентой окаймляющей ее вокругъ.

Вправо отъ дома находился флигель,—а далѣе за домомъ великолѣпный, полуфруктовый садъ, красивыми террасами спускавшійся къ большому, глубокому пруду, гдѣ на берегу была устроена купальня для воспитанницъ.

Выходъ изъ дома въ садъ былъ черезъ балконъ, увитый плющемъ, и отъ него прямо лежала широкая дорожка, по сторонамъ которой возвышались среди газона яркія, пестрыя клумбы всевозможныхъ цвѣтовъ... Передъ окнами флигеля была разбита цѣлая площадка, засѣянная однѣми душистыми гвоздиками, самыхъ разнообразныхъ колеровъ... На нижней террассѣ стояли качели. Была еще въ саду, въ глубинѣ сбоку, подъ самымъ заборомъ, какая-то таинственная аллея изъ желтой акаціи, сильно запущенная, гдѣ случилось когда-то что-то ужасное, и воспитанницы боялись туда ходить... Словомъ, тутъ для дѣтей лѣтомъ было не житье, а рай!...

Въ домѣ обитала сама Ольга Ивановна со своимъ меньшимъ сыномъ Игоремъ, (ея старшій сынъ, Володенька, служилъ на Кавказѣ въ гусарскомъ полку), а во флигелѣ былъ собственно пансіонъ, состоявшій подъ непосредственнымъ надзоромъ Ашеньки, которая тамъ и жила вмѣстѣ съ воспитанницами.

Въ лѣтнее время дѣти вставали въ 5 ч. утра, (зимою въ 6 ч.) и тотчасъ шли къ пруду купаться (зимою обтирались холодной водою) въ сопровожденіи Ашеньки и Арины—крѣпостной довѣренной горничной г-жи Козаковой, дѣвки лѣтъ сорока, рябой и некрасивой, но которая, между прочимъ, вы-

шла впослѣдствіи замужъ за чиновника, благодаря скопленнымъ ею себѣ въ приданное за свою долголѣтнюю службу десяти тысячамъ!... (большею частью она получала дорогіе подарки отъ богатыхъ родственниковъ воспитанницъ).

Иногда барышенъ сопровождала престарѣлая ключница Марьюшка—мать Арины.

Выкупавшись, дѣвочки принимали по нѣсколько капель скипидару и бѣгали въ саду или на лужайкѣ, пока не согрѣются. Тогда имъ давали на завтракъ чернаго хлѣба съ молокомъ, послѣ чего онѣ отправлялись для какой-нибудь работы въ саду, напр., рвать малину, но съ обязательнымъ условіемъ не ѣсть ни одной ягодки: онѣ потомъ угощались ею со сливками.

Въ 9 ч. утра начинался классъ, продолжавшійся до 12, т. е., до обѣда. Послѣ обѣда сейчасъ всѣ дѣвочки ложились на голомъ полу на спинѣ минутъ на двадцать, чтобы „лопатки не выдавались“... Для этой-же цѣли имъ продѣвали сзади за локти линейку.

Отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ дѣти опять учились, а отъ 6 приготовляли уроки на завтра.

Во время рекреацій воспитанницы бѣгали въ саду или на лужкѣ передъ домомъ; зимою катались съ ледяныхъ горъ или занимались рукодѣльемъ: вышиваньемъ по бумажной канвѣ, вязаньемъ кошельковъ изъ гарусу и шелку, и т. п...

Въ 8 ч. ужинали и въ 9 ложились спать.

Въ дортуарѣ, довольно большой комнатѣ, съ трехъ сторонъ, изголовьемъ къ стѣнѣ, стояли рядами кровати, и въ промежуткахъ между ними по одному стулу для платья. Постель состояла изъ сѣнника, подушки, двухъ простынь и одѣяла: лѣтомъ бѣлаго, пикейнаго, зимою ватнаго, ситцеваго, съ турецкими цвѣтами. Все было здѣсь чисто, опрятно и уютно.

Кровати Наденьки и Сашеньки, какъ привиллегированныхъ особъ, стояли отдѣльно въ углу, за ситцевой занавѣской, повѣшенной на длинномъ, кругломъ бревнѣ, конецъ котораго выступалъ впередъ и служилъ для гимнастическихъ упражненій: каждая пансіонерка, вскочивъ утромъ съ постели, подбѣгала къ бревну, прицѣплялась къ нему руками и висѣла та-

кимъ образомъ нѣсколько мгновеній, пока выдержитъ. Тутъ-же стоялъ продолговатый деревянный ящикъ, вродѣ сигарнаго, куда дѣвицы становились въ первой позиціи на нѣкоторое время...

По одну сторону дортуара была конурка Марьюшки, по другую—комната Ашеньки, куда дверь всегда была открыта и гдѣ всю ночь горѣла у образовъ лампадка.

Классная служила также и столовой. Обѣдъ состоялъ всегда изъ трехъ блюдъ, ужинъ—изъ двухъ. Лѣтомъ полагался легкій полдникъ, а по воскресеньямъ прилежнымъ ученицамъ подавалась къ завтраку чашка шоколаду. Вообще кормили здѣсь вкусно и сытно, и провизія была первой свѣжести.

Лѣтомъ пансіонерки ходили въ платьяхъ какого угодно цвѣта и матеріи, только обязательно декольте и въ бѣлыхъ передникахъ съ нагрудникомъ; зимою-же платье должно было быть непремѣнно шерстяное, зеленое или коричневое, передникъ черный, и на обнаженныя шею и руки надѣвались бѣлая пелеринка и такіе-же рукава. Поверхъ лифовъ воспитанницы носили корсажи, синіе бархатные или пунцовые сафьянные, зашнуровывающіеся сзади, со вставленными съ каждой стороны на лопаткахъ наискось по пяти косточекъ китоваго уса. Спереди былъ только высокій поясокъ, тоже зашнуровывавшійся, а грудь оставалась свободной.

Учителей было три: учитель русскаго языка, учитель нѣмецкаго и вмѣстѣ музыки, и учитель рисованья; кромѣ того, былъ еще регентъ, учитель пѣнія. Но въ воспоминаніи моей матери (Наденька) остались только Ѳома Яковлевичъ, учитель нѣмецкаго языка и музыки, добрѣйшій и симпатичнѣйшій старичокъ—нѣмецъ, да учитель русскаго языка, который, между прочимъ, когда однажды Ольга Ивановна куда-то уѣхала, въ ея отсутствіе каждый день напивался пьянъ и колотилъ учениць линейкой по плечамъ, такъ что одна изъ воспитанницъ, Катя Линькевичъ о которой рѣчь еще будетъ впереди, не иначе являлась въ классъ на его урокъ, какъ въ мѣховой шубкѣ.

Возвратившись и узнавъ о безобразіяхъ учителя, г-жа Козакова тотчасъ его уволила и на его мѣсто приняла другого.

Французскимъ языкомъ занималась сама Ольга Ивановна, а также слѣдила и за другими предметами. Когда-же она выѣзжала изъ дому, то на свое мѣсто приглашала одну старую знакомую нѣмку, по имени Еву Федоровну, но какъ ея фамилія—мать рѣшительно не помнитъ.

Распредѣленіе уроковъ въ теченіе недѣли было такое:

Русскій языкъ—понедѣльникъ и четвергъ.

Французскій яз.—вторникъ и пятница.

Нѣмецкій яз.—среда и суббота.

По четвергамъ былъ также танцклассъ подъ руководствомъ Ашеньки, причемъ на скрипкѣ игралъ крѣпостной человѣкъ, данный на время въ пансіонъ однимъ бѣднымъ помѣщикомъ, въ видѣ платы за ученіе его дочери.

По русски говорить вовсе не дозволялось, даже съ прислугой: надо было сперва сказать по французки, а потомъ перевести по русски. (Исторію, географію и священную исторію учили по французски). Нарушительницѣ этого правила надѣвалась на шею на шнуркѣ квадратная деревянная дощечка, съ надписью крупными буквами: „Pour avoir parler russe“, и виновная лишалась послѣдняго блюда за обѣдомъ. Обыкновенно какая нибудь изъ воспитанницъ, которой это блюдо было не по вкусу, принимала на себя дощечку... Само собою разумѣется, такія продѣлки были извѣстны начальницѣ, но она, по своей обычной добротѣ, сквозь пальцы смотрѣла на это...

Каждая ученица дежурила по очереди недѣлю, т. е. она должна была смотрѣть за порядкомъ въ классѣ, приготовлять разныя учебныя принадлежности, линеять тетради, чинить карандаши, чинить перья, наливать чернило и т. п. Какъ знакъ своего дежурства, она носила на правомъ плечѣ кокарду изъ голубой ленты.

Большинство воспитанницъ имѣли своихъ горничныхъ, привезенныхъ изъ дому. У Наденьки и Сашеньки была нѣкая Авдотья, старая дѣва, страшно безобразная, скупая и злая, но,

какъ собака, преданная своимъ господамъ и яростно защищавшая интересы барышенъ, даже иногда противъ ихъ собственной воли и желанія.

Такъ напр., однажды Наденька дала надѣть въ церковь свою мантилью одной бѣдной сироткѣ-ученицѣ, гардеробъ которой былъ весьма скуденъ. Узнавъ объ этомъ, Авдотья побѣжала за несчастной дѣвушкой и подъ самой церковью сорвала съ нея злополучную мантилью.

Въ другой разъ какъ-то, въ отсутствіе г-жи Казаковой, дѣти собрались подлѣ качели. Ашенька и другая дѣвочка качались, а Наденька, стоя позади, подталкивала качели. Въ это время Ева Федоровна проходила мимо и крикнула имъ:

— Ради Бога, дѣти, поосторожнѣй!.. я за васъ отвѣчаю...

Испуганная внезапнымъ окликомъ, Наденька сразу остановилась, забывъ отскочить назадъ, и въ тоже мгновеніе, качели, сильно раскачавшись, съ розмаху ударили ее въ голову и она упала безъ сознанія, обливаясь кровью.

Ашенька такъ и слетѣла сверху, чуть не сломавъ себѣ ноги, и бросилась къ безчувственной дѣвочкѣ.

Наденьку отнесли къ пруду и стали олтивать водой.

Первыя ея слова, когда она пришла въ себя, были:

— Что скажетъ Авдотья?!..

Дѣйствительно, во что бы то ни стало, надо было скрыть отъ нея это печальное приключеніе!...

Рану перевязали, и, чтобы не такъ было замѣтно, Наденька прикрыла голову, какъ бы отъ солнца, Сашенькинымъ газовымъ платочкомъ.

Но не тутъ то было!.. Авдотья подняла страшный крикъ, что платочекъ „полиняетъ“, рѣзко сорвала его съ головы Наденьки, но увидѣвъ рану, заголосила на весь дворъ, что всѣ „обижаютъ ея маленькихъ барышенъ“!...

Она была до того скупа, что напр., починяя барышнямъ платья, клала заплаты изъ лоскутковъ совсѣмъ другой матеріи, выпрошенныхъ ею у кого нибудь; обрѣзки-жъ отъ платьевъ она

бережно прятала къ себѣ въ сундукъ—конечно, не для кого иного, какъ опять таки для своихъ же „барышень“, про всякій случай...

Участь Авдотьи вышла подъ конецъ довольно печальна, вслѣдствіе неожиданно совершеннаго ею скандала: въ 45 лѣтъ, будучи дѣвицей, она родила, и была за это изгнана на вѣчныя времена изъ милыхъ ея сердцу барскихъ покоевъ...

По воскресеньямъ воспитанницы отправлялись въ кухню учиться кулинарному искусству, и даже сами носили для этого дрова; а на обязанности дежурной лежало также хлопотать въ домѣ при пріемѣ гостей.

Въ награду за прилежаніе и хорошее поведеніе, полагалась, какъ я уже говорила, чашка шеколаду къ завтраку по воскресеньямъ; кромѣ того, Ольга Ивановна брала лучшихъ воспитанницъ къ себѣ въ коляску на свою обычную праздничную прогулку въ дубовую рощу, и наконецъ, онѣ получали въ свое полное распоряженіе по нѣсколько кустовъ ягодъ. Такъ напр., Наденька и Сашенька—каждая имѣла по 14 кустовъ черной и красной смородины и крыжовнику.

Эти маленькія радости, сами по себѣ незначительныя, имѣютъ большой смыслъ въ жизни дѣтей и чрезвычайно какъ ихъ поощряютъ...

Вообще, Ольга Ивановна была прекрасная воспитательница, близко знакомая съ природой ребенка, и тепло, по матерински, относилась въ ввѣреннымъ ея попеченіямъ чужимъ дѣтямъ. За то и воспитанницы, въ буквальномъ смыслѣ слова, ее обожали, и не было для нихъ большей радости, какъ поцѣловать, хоть украдкой, бѣлую, полную красивую руку ихъ „maman“...

Ашеньку тоже очень любили за ея необыкновенно кроткій и тихій нравъ, имѣвшій оттѣнокъ какой-то мягкой, нѣжной меланхоліи. Развита и серьезна она была не по лѣтамъ.

Ея меньшой братъ Игорь, наоборотъ, былъ капризный и своенравный мальчикъ и далеко не пользовался общими симпатіями.

У него была сломана нога еще въ раннемъ дѣтствѣ, и онъ ходилъ на костыляхъ; — это было для него привиллегированнымъ положеніемъ, которымъ онъ сильно злоупотреблялъ. Такъ напр., онъ заставлялъ воспитанницъ каждый день катать себя вокругъ стола въ классной, на огромной, грифельной доскѣ, запрягая ихъ по три въ рядъ по очереди. Если импровизированные кони плохо бѣжали, онъ расправлялся съ ними костылемъ...

На головѣ онъ носилъ всегда красную, вязанную изъ гаруса шапочку, и когда его ставили на колѣни за какую нибудь провинность—что, къ слову сказать, случалось съ нимъ весьма не рѣдко—онъ снималъ ее съ головы и подкладывалъ подъ больное колѣно.

Лицомъ онъ походилъ на мать и былъ такихъ лѣтъ, какъ Сашенька. Сашеньку онъ только и удостоивалъ своей дружбы, и то вѣроятно, потому что ихъ связывали общіе интересы: у нихъ была галка, которую они гдѣ-то подняли искалѣченной и держали ее въ землянкѣ, выкопанной ими-же въ саду, куда они носили ей, подъ покровомъ непроницаемой тайны, пищу... Кромѣ того, въ концѣ сада, въ яру было множество полудикихъ яблонь, съ которыхъ они собирали фрукты, закапывали ихъ въ землю, и затѣмъ ѣли ихъ приморожеными, что было очень вкусно.

Такимъ образомъ, благодаря этой почетной дружбѣ, Сашенька одна была избавлена отъ общей повинности катать маленькаго деспота на грифельной доскѣ, или на опрокинутыхъ стульяхъ, когда доску разбили.

Мать видала впослѣдствіи Игоря уже студентомъ Нѣжинскаго лицея. Онъ ходилъ уже безъ костылей, только съ тросточкой, и едва замѣтно хромалъ.

Изъ подругъ врѣзалась въ ея память болѣе другихъ Катя Линькевичъ, о которой я уже упоминала.

Ее привезли черезъ два года послѣ поступленія Б—хъ въ пансіонъ. Она была также лишней противъ положеннаго числа пансіонерокъ, но Ольга Ивановна приняла ее, склонившись на мольбы и просьбы ея матери.

Катенькѣ было тогда лѣтъ десять; собою хорошенькая, миловидная блондинка, но страшно лѣнивая... Она совсѣмъ не учила своихъ уроковъ, и на всѣ замѣчанія учителей, съ наглымъ видомъ отвѣчала:

— Да сто—зъ, езели я знаю!—и, конечно, ничего не знала.

Говорили, что мать ея, очень богатая женщина (у Катеньки былъ великолѣпный гардеробъ), не любила почему-то дѣвочки и держала ее на кухнѣ, пока ей не посовѣтовали отвезти ее въ пансіонъ Козаковой.

Помнится моей матери такой эпизодъ.

Однажды, когда г—жа Линькевичъ пріѣхала навѣстить Катеньку и ей пожаловались на нее, она, ко всеобщему изумленію, сняла съ головы чепецъ, подошла къ образамъ и торжественно стала проклинать дочь...

Нѣтъ ничего удивительнаго, что ребенокъ, при такихъ нечеловѣческихъ отношеніяхъ къ нему родной матери, выросъ ненормальнымъ!.. Дѣйствительно, Катенька была неисправимо порочна. Особенно въ ней была сильно развита склонность къ воровству. Никакія наказанія не дѣйствовали!.. Ее лишали послѣдняго блюда за обѣдомъ, лишали чашки шоколада въ воскресенье, ее не брали на прогулку въ рощу... Наконецъ, ее наряжали въ шутовской костюмъ и ставили на колѣни — высшая мѣра наказанія,—ничто не дѣйствовало... Она плакала, просила прощенія, и затѣмъ опять принималась за свое...

Однажды какъ-то вечеромъ Катенька стояла на колѣняхъ въ дортуарѣ за какую-то подобную провинность. Для вящаго позора на ней былъ надѣтъ шутовской нарядъ, состоявшій изъ длиннаго парусиноваго балахона и бумажнаго колпака съ ослиными ушами.

Въ это время пріѣзжаютъ гости—три сына графа Д—на, соученики Володеньки, старшаго сына г—жи Козаковой, и, не зная расположенія комнатъ во флигелѣ, (домъ тогда перекрашивался) по ошибкѣ прямо входятъ въ дортуаръ. Захваченная врасплохъ въ столь неавантажномъ видѣ, Катенька (большая кокетка) быстро срывается съ мѣста и прячется подъ кровать. Когда гости удалились, Катенька стала умолять Наденьку,

чтобы она походатайствовала за нее передъ начальницей, обѣщая, въ случаѣ успѣха, подарить ей давно соблазнявшую ее шкатулочку, украшенную цвѣтами изъ фольги подъ стекломъ. (Такія шкатулочки продавались тогда въ большомъ количествѣ на мѣстныхъ ярмаркахъ)

Ольга Ивановна долго не соглашалась на просьбы своей любимицы, но наконецъ сказала:

— Хорошо, я ей позволяю выйдти, но помните, Наденька, если еще разъ подобное повторится, я *васъ* накажу.

Катенька, какъ ни въ чемъ не бывало, вышла, по обыкновенію рисуясь, къ гостямъ, но въ ту-же ночь украла у Наденьки подаренную шкатулочку, увѣренная что та въ собственныхъ же интересахъ не пожалуется на нее.

Впрочемъ, надобно сказать, тамъ вообще не было въ обычаѣ „ябедничать“, и даже это считалось позорнымъ.

Помнятся еще матери двѣ сестры Ольшанскія, Улинька и Сонечка, генеральскія дочки.

Старшая Улинька, уже взрослая дѣвушка и замѣчательная красавица, съ синими глазами и черными, какъ смоль, волосами, была, къ несчастью, глуха, и съ нею надо было говорить черезъ рожокъ. Однако, не смотря на свой тяжкій, физическій недостатокъ, она отлично училась, прекрасно играла на фортепьяно и была очень добра.

Сонечка — меньшая, маленькая, худенькая и блѣдная съ некрасивымъ лицомъ дѣвочка, въ противоположность старшей сестрѣ, была сущій бѣсенокъ, такъ-что ее не терпѣли въ пансіонѣ. Между прочимъ, въ своихъ стычкахъ съ Наденькой и Сашенькой, она постоянно ихъ дразнила словомъ „пампу́шка“, а онѣ её — „вода̀“... Дѣло въ томъ, что у Б—хъ одинъ изъ братьевъ назывался „Помпей“ („пампу́шка“), а у Сонечки былъ братъ „Вадимъ“ (вода̀).

Однажды ночью, когда всѣ уже спали, пріѣхалъ Володенька, котораго нѣкоторыя воспитанницы еще не видали.

Очень смуглый, съ неправильными, но пріятными чертами лица, черными, огненными глазами и черными кудрями, стат-

ный и высокій, двадцатилѣтній юноша хоть кого могъ очаровать. Когда онъ вышелъ утромъ на крыльцо въ своей полной гусарской формѣ—голубой шитый серебромъ мундиръ, съ небрежно наброшеннымъ краснымъ отороченнымъ чернымъ барашкомъ ментикомъ и въ киверѣ,—воспитанницы такъ и ахнули отъ восторга, а одна изъ нихъ, Текла Мосіенкова, сельская, простодушная панночка, закрывъ глаза руками, въ какомъ-то экстазѣ воскликнула:

— Де въ мене очи!...

Конечно, нечего и говорить, что всѣ безъ исключенія барышни были влюблены въ красавца—гусара.

Въ другой разъ Володенька неожиданно пріѣхалъ вечеромъ, когда воспитанницы еще только ложились спать. Какъ разъ въ ту пору флигель передѣлывался, и пансіонъ на время былъ переведенъ въ домъ. Не зная ничего объ этихъ перемѣнахъ, Володенька направился въ залу, открылъ двери и остановился на порогѣ пораженный. Его изумленнымъ взорамъ представилась слѣдующая картина:

Предполагаемая зала оказалась дѣвичьимъ дортуаромъ, и воспитанницы, собираясь ложиться, были болѣе или менѣе дезабилье и въ самыхъ непринужденныхъ позахъ... Однѣ изъ нихъ уже лежали въ постели, другія бѣгали въ однѣхъ сорочкахъ, ловя другъ дружку, третьи съ пронзительнымъ визгомъ и хохотомъ боролись и барахтались на кроватяхъ, и т. д. Словомъ—непринужденность полная!.. При видѣ неожиданнаго посѣтителя, шалуньи подняли отчаянный крикъ, и—sauve qui peut!—попрятались кто куда могъ...

Молодой человѣкъ растерянно стоялъ нѣсколько мгновеній не двигаясь съ мѣста, и потомъ, какъ бы внезапно рѣшившись, быстро и не глядя по сторонамъ, прошелъ черезъ комнату и вышелъ въ противоположную дверь. Послѣ этого, онъ тотчасъ прислалъ дѣвицамъ по огромному, румяному яблоку, вѣроятно въ утѣшеніе за невольно причиненный испугъ.

На другой день Володенька, какъ ни въ чемъ не бывало, встрѣтился съ пансіонерками и братски расцѣловалъ каждую,

но онѣ чувствовали себя съ нимъ очень неловко послѣ вчерашняго приключенія, хотя, конечно, были теперь влюблены въ него болѣе чѣмъ когда либо. Такъ напр., онѣ рѣшились не умываться, чтобы не смыть *его поцѣлуя*, и только Ольга Ивановна, случайно узнавъ объ этомъ, заставила ихъ перемѣнить свое намѣреніе.

Въ другой разъ Сашенька потеряла въ саду свой газовый лиловый съ мушками платочекъ, и Володенька, нашедши его, отдалъ ей.

— Счастливица!.. счастливица!... зашептали съ завистью ученицы и просили Сашеньку дать имъ поцѣловать этотъ платочекъ, который побывалъ въ *его* рукахъ. Но Сашенька не согласилась на такую жертву и ревниво спрятала его къ себѣ подъ подушку.

Между тѣмъ, Володенька заболѣлъ—у него сдѣлалась обморочная лихорадка—и онъ, подавъ рапортъ о болѣзни, остался дома до выздоровленія.

Такъ какъ въ комнатѣ его было холодно, то онъ перебрался въ Ашенькину, которая была смежна съ залой, гдѣ стоялъ рояль.

Однажды вечеромъ Наденька, вообще со способностями къ музыкѣ, играла мазурку—и должно быть, очень хорошо играла, такъ какъ Володенька, когда она кончила, съ восторгомъ крикнулъ ей изъ своей комнаты:

— Еще!.. еще!.. повторите!...

— (Счастливица!.. счастливица!.. зашептали подруги вокругъ).

Наденька, поощренная, расшалилась, и, проигравъ еще разъ, вскочила, подбѣжала къ дверямъ, и, махая руками, крикнула, копируя горничную:

— Панычу, васъ барыня клычуть!....

Володенька ничего не сказалъ, но велѣлъ позвать къ себѣ Ашеньку.

На другой день, во время класса, когда Игорь и Наденька должны были отвѣчать урокъ, входитъ Володенька, суровый и мрачный, какъ туча, и заявляетъ, что онъ желаетъ присутство-

вать при урокахъ, такъ какъ онъ слышалъ, что не всѣ учатся какъ слѣдуетъ. При этомъ онъ сдѣлалъ выговоръ Ашенькѣ, что она плохо присматриваетъ за ученицами.

Ольга Ивановна, сильно встревоженная, спросила въ чемъ дѣло.

— Да это-жъ все Наденька!... закоренѣлая мужичка!... съ сердцемъ отвѣчалъ Володенька

— (Счастливица!.. счастливица!.. послышалось со всѣхъ сторонъ).

Очень взволнованная Наденька страшно путалась и сбивалась въ урокѣ и ее поставили въ уголъ. Что касается Игоря, вообще плохо учившагося и даже умудрявшагося какъ-то во время уроковъ помѣшать написанные отвѣты позади Ольги Ивановны, то Володенька самъ взялся заниматься съ нимъ, что было весьма прискорбно для послѣдняго, такъ какъ его новый учитель оказался очень строгимъ, взыскательнымъ, да и къ тому же, послѣ болѣзни, нестерпимо раздражительнымъ.

Игорь въ ту пору былъ такой жалкій, тихій, вѣчно заплаканный, что его даже искренно жалѣли его бывшіе враги!....

Впрочемъ, Володенька скоро уѣхалъ.

Случился въ пансіонѣ однажды такой скандалъ.

У Ольги Ивановны была на послугахъ крѣпостная дѣвочка Сонька, лѣтъ четырнадцати.

Воспитанницы шутя ее выучили французскому языку, французскимъ баснямъ и танцовать „цыганку“;
но русской грамотѣ она не знала.

Какъ-то ключница Марьюшка перехватила любовное письмо къ лакею, отъ имени Соньки, но неизвѣстно кѣмъ писанное.

Вышелъ страшный переполохъ.

Примѣчаютъ дѣти, что случилось что-то необыкновенное, ужасное, зловѣщее, но что—не знаютъ, а только мучаются различными догадками и предположеніями....

Наконецъ ихъ зовутъ въ домъ къ начальницѣ и кто-то изъ воспитанницъ шепчетъ:

— Тамъ Марьюшка съ розгами!...

Это производитъ панику... Дѣти дрожатъ и едва могутъ идти.. Только одна Людмила, дочь эконома С—го, которую мѣсяцъ тому назадъ взяли учить русской грамотѣ, какъ ни въ чемъ не бывало скачетъ на одной ногѣ и сама себѣ бойко припѣваетъ: „тятя, тятя, наши сѣти притащили мертвеца"!..

Ее останавливаютъ, но она продолжаетъ свое ...

Вошли въ домъ, ввели ихъ въ гостинную, гдѣ на диванѣ сидитъ начальница—больше никого нѣтъ. Дѣвочекъ поставили по росту посреди комнаты. Наденька была выше всѣхъ и потому съ нея начался допросъ.

Ольга Ивановна медлено поднялась съ дивана, подошла къ Наденькѣ, и, показывая ей какое-то письмо, которое она держала въ рукѣ, суровымъ, столь несвойственнымъ ей тономъ, спросила, не знаетъ-ли она, кто это писалъ?

Наденька тотчасъ узнала руку Людмилы, но не желая выдавать подруги, отвѣтила, что она не знаетъ кто—и въ тотъ-же моментъ, замѣтивъ въ сосѣдней комнатѣ черезъ открытую дверь Марьюшку съ розгами, вся вспыхнула и смѣшалась,—что подало поводъ заподозрить, что она то именно и есть та виновница... Однако, сколько ни убѣждала ее Ольга Ивановна сознаться, она только плакала—и не сознавалась....

Стали допрашивать другихъ—тотъ же результатъ: виновной не оказывалось.

Тогда позвали Соньку и она, громко рыдая, указала на Людмилу. Людмилѣ волей—неволей пришлось сознаться и въ оправданіе свое она сказала, что не знала кому пишетъ.

Тѣмъ не менѣе, ее постигло неслыханное еще въ стѣнахъ пансіона наказаніе: Марьюшкѣ приказано было ее высѣчь, причемъ Ольга Ивановна замѣтила ей въ видѣ поученія, что розги были принесены только для острастки, и еслибы она сразу созналась и не подвергала другихъ опасности быть наказанными вмѣсто нея, ее не постигло бы столь позорное наказаніе...

На праздники обыкновенно дѣтей забирали родственники домой, но одну зиму, по причинѣ страшной мятели, Наденька

и Сашенька, а также Катенька Линькевичъ остались на Рождество въ пансіонѣ.

Когда непогода утихла, Ольга Ивановна рѣшила поѣхать погостить къ родственникамъ, причемъ забрала съ собой и дѣтей.

Помѣстились они всѣ въ огромномъ возкѣ (съ ними, конечно, и Ариша)—и отправились въ дорогу по прекрасному снѣжному пути.

Сперва погостили они у графа Д—на. Онъ былъ тогда уже вдовъ и изъ трехъ его сыновей дома находился только меньшой, Саша, лѣтъ пятнадцати, да его племянникъ такого-же возраста.

Здѣсь дѣти провели время очень весело и пріятно. Графъ Д—нъ, маленькій, живой и веселый старичокъ, очень любилъ дѣтей и не разъ собственной персоной участвовалъ въ ихъ играхъ... Между прочимъ, онъ научилъ ихъ играть въ „войну“

Но Катенька Линькевичъ и тутъ отличилась: она украла какое то украшеніе у большихъ бронзовыхъ часовъ; горничная замѣтила—и вышелъ скандалъ.

Отъ графа Д—на они поѣхали къ С—мъ, затѣмъ направили свой путь къ В—ой, крестной матери Ашеньки.

Г-жа В—ая была очень богатая, но бездѣтная помѣщица, вдова-генеральша, нѣмка по происхожденію. Высокая, худая и прямая, какъ жердь, чопорная старуха, она была страшно скупа, педантична и чванлива. Ходила она всегда сильно затянутая въ корсетъ, въ черномъ шелковомъ платьѣ, въ очкахъ, и носила букли подъ кружевнымъ чепцомъ.

У нея была такая-же старая и чрезвычайно на нее похожая компаньонка и попугай, который каждому кричалъ „дуракъ“.

Дѣтямъ отвели отдѣльную комнату и туда имъ носили обѣдъ, причемъ кушанья подавались въ такомъ скромномъ количествѣ, а хлѣбъ рѣзался столь тонкими—до прозрачности—ломтиками, что они были постоянно впроголодь и съ нетерпѣніемъ ожидали той минуты, когда наконецъ оставятъ этотъ негостепріимный домъ.

Ольга Ивановна отъ времени до времени навѣдывалась къ дѣтямъ и, видя ихъ скучными и унылыми, со вздохомъ повторяла:

— Бѣдные, бѣдные дѣти!...

Но горю ихъ помочь не могла...

Здѣсь они пробыли дней пять.

Въ послѣдній годъ пребыванія Б—хъ въ пансіонѣ Козаковой, Ашенька и Наденька стали учиться ѣздить верхомъ подъ руководствомъ опытнаго берейтора.

Помнится матери слѣдующій эпизодъ, чуть не имѣвшій трагическихъ послѣдствій.

Однажды, когда Ашенька только что устроилась на сѣдлѣ, лошадь чего-то испугалась и понесла. Ольга Ивановна упала въ обморокъ. Но берейторъ не потерялъ присутствія духа и, вскочивъ на коня, стрѣлой помчался за Ашенькой вслѣдъ и изо всѣхъ силъ кричалъ ей:

— Не спрыгивайте съ лошади, или вы никогда больше не сядете на нее!...

Ашенька послѣдовала его совѣту и случай этотъ прошелъ благополучно.

Наденька и Сашенька пробыли въ пансіонѣ три года и съ глубокой печалью должны были оставить его по причинѣ тяжкой болѣзни г-жи Козаковой, которая уѣхала въ Одессу лечиться, а воспитанницъ распустила. Правда, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она возвратилась, и ученицы стали было уже собираться, какъ вдругъ ей сдѣлалось опять хуже, и она вскорѣ умерла.

Разсказывали, что Ашенька съ безпредѣльной любовью и самоотверженіемъ ухаживала за больною матерью. Но лекарство, взятое изъ аптеки по рецепту доктора, производило странное дѣйствіе: больная принявъ его, въ буквальномъ смыслѣ слова лѣзла на стѣну отъ нестерпимаго страданія и кричала, что ее хотятъ отравить...

Но Ашенька глубоко вѣрила въ цѣлебную силу этого лекарства, и на колѣняхъ, со слезами, умоляла мать принимать его дальше.

Богъ знаетъ, что это было за лекарство и не былъ ли это одинъ изъ тѣхъ ужасныхъ случаевъ ошибки аптекаря, которые и теперь нерѣдко повторяются у насъ!...

По смерти матери, Ашенька, совсѣмъ убитая горемъ, уѣхала съ братомъ на Кавказъ къ дядѣ. Говорили, что она вскорѣ, по желанію родственниковъ, вышла замужъ за одного доктора, человѣка уже не молодого, была несчастлива, и года черезъ два умерла.

Вообще эта кроткая, прелестная дѣвушка, съ печатью нѣжной меланхоліи на серьезномъ личикѣ, оталась въ воспоминаніи матери, какъ существо „не отъ міра сего“...

Катенька Линькевичъ вышла замужъ за богатаго старика—генерала. Улинька Ольшанская тоже вышла замужъ и была счастлива съ любимымъ человѣкомъ.

II. Пансіонъ г-жи Принцлейнъ.

Барышни Б—ія пробыли дома нѣсколько времени вслѣдствіе болѣзни матери, а потомъ Матрена Васильевна отвезла ихъ въ Конотопъ въ аристократическій пансіонъ г-жи Принцлейнъ, рекомендованный ей Кочубеемъ.

Сперва онѣ поѣхали только посмотрѣть и попали какъ разъ на танцкласссъ.

Всѣ дѣвицы были одѣты въ бѣлыя, кисейныя платья съ широкими рукавами, подобранными бантами изъ шелковой голубой ленты, и въ изящныхъ шелковыхъ голубыхъ передникахъ, составленныхъ изъ трехъ раздѣленныхъ полосъ, перехваченныхъ между собою такими-же бантами. Выходило очень эфектно!...

Наденька и Сашенька были въ восторгѣ и стали просить мать помѣстить ихъ здѣсь,—на что Матрена Васильевна, сама очарованная блестящей картиной, согласилась безъ труда.

Условіе было заключено: 500 руб. ассигн. въ годъ съ каждой (въ пансіонѣ Козаковой—300)—а черезъ недѣлю дѣвочекъ отвезли.

Это было зимою. Тутъ онѣ пробыли годъ.

Пансіонъ г-жи Принцлейнъ находился, какъ помнится матери, въ центрѣ города, но на какой улицѣ—она не помнитъ.

Домъ былъ большой, одноэтажный, съ высокими, свѣтлыми и просторными комнатами. Въ огромной залѣ, гдѣ происходили танцклассы, стоялъ рояль, и вокругъ стѣнъ тянулись длинные, безъ спинокъ, диваны, обитые ситцемъ. Такіе-же диваны были и въ классной, тоже очень большой комнатѣ, съ тремя столами посреди, скамьями, креслами для учителей и классныхъ дамъ и огромной черной доской на ножкахъ у стѣны.

Дортуары находились въ трехъ огромныхъ смежныхъ комнатахъ. Кровати, всѣ выкрашенныя въ зеленую краску, стояли въ два ряда изголовьемъ къ стѣнѣ, и всегда были покрыты, лѣтомъ и зимою, бѣлыми пикейными одѣялами.

Въ углу каждаго дортуара, за ширмами, находилась кровать классной дамы.

Вообще вся внѣшняя обстановка здѣсь имѣла внушительный, но холодный, непріютный видъ казеннаго зданія.

Форма пансіонерокъ состояла лѣтомъ изъ розовыхъ и голубыхъ платьевъ, надѣваемыхъ въ перемежку черезъ недѣлю, и, конечно, декольте; зимою—платья были шерстяныя, зеленыя, бѣлый передникъ съ лифомъ, доходившимъ до горла, и бѣлыми-же рукавами.

Ученицъ всѣхъ было тридцать шесть, три классныхъ дамы и три учителя—не считая законоучителя и танцмейстера. Два учителя были приходящіе, а одинъ, учитель музыки, жилъ въ пансіонѣ.

Г-жа Принцлейнъ — нѣмка — небольшаго роста, средней полноты женщина, весьма непріятной и даже отталкивающей наружности. Одѣта она всегда была въ шелковое, темное платье, всегда очень затянута, въ нарядной куафюрѣ и сильно молодилась, не смотря нъ свои преклонные лѣта и постоянную зубную боль, отъ которой она стонала и кричала на весь пансіонъ.

Мужъ г-жи Принцлейнъ, бывшій гораздо моложе ея, выглядывалъ, по воспоминанію матери, какимъ-то простымъ ремесленникомъ и не имѣлъ никакого значенія въ пансіонѣ. Это былъ маленькій, толстый и круглый человѣчекъ, съ добродушной, хотя тоже непріятной физіономіей, боявшійся, какъ огня, своей ревнивой супруги и не выходившій никуда безъ ея разрѣшенія изъ своихъ аппартаментовъ. Только изрѣдка, въ видѣ особой милости, позволялось ему поиграть въ „кошки и мышки“ съ ученицами.

Дѣтей у нихъ, кажется, не было.

Наденькѣ и Сашенькѣ, послѣ пансіона Козаковой, приходилось здѣсь только непріятно удивляться и удивляться безъ конца!...

Первое, что ихъ поразило, это то—что одна изъ классныхъ дамъ оказалась бывшей подругой Ашеньки, которой двѣнадцатилѣтняя Наденька сама не разъ поправляла ошибки во французскомъ языкѣ.

Встали онѣ на другой день своего пріѣзда, какъ и въ пансіонѣ Козаковой, въ 6 ч. утра, и, совершивъ свой туалетъ, конечно съ помощью Авдотьи, отправились вмѣстѣ съ другими пансіонерками въ классную на молитву: ихъ поставили въ ряды, и одна, выступивъ впередъ, громко читала молитву, а другія повторяли вполголоса за нею.

Окончивъ молитву, сѣли завтракать.

На завтракъ полагалась тарелка розмазни на двухъ...

Ни Наденька, ни Сашенька, избалованныя хорошей пищей, не притронулись къ этому завтраку, чѣмъ возбудили всеобщее удивленіе,—и порція ихъ въ одинъ мигъ была расхватана.

На закуску подали, подъ громкимъ названіемъ „чая“, по чашкѣ какой-то тепловатой, слегка подслащенной и приправленной снятымъ молокомъ водицы. Хлѣба-же къ завтраку вовсе не полагалось.

Когда оканчивали уже чай, вошла г-жа Принцлейнъ.

— Chère, maman!... chère, maman!... — повскакивавши со своихъ мѣстъ, въ одинъ голосъ радостно закричали воспитан-

ницы, только что ругавшія ее на чемъ свѣтъ стоитъ, и бросились всѣ на перебой цѣловать ей руку.

Пораженныя такимъ невиданнымъ лицемѣріемъ, Наденька и Сашенька точно прикипѣли къ своимъ стульямъ, и только, когда начальница совсѣмъ близко проходила мимо нихъ, онѣ молча поднялись, сдѣлали ей реверансъ и также молча сѣли на свои мѣста. (Онѣ, впрочемъ, и впослѣдствіи никогда не цѣловали ей руки).

Конечно, г-жа Принцлейнъ прекрасно замѣтила такое непочтеніе, оказанное ей новыми воспитанницами при всемъ классѣ, однако ничего не сказала, но только *приняла во вниманіе.*

Начались уроки. Б — хъ посадили въ приготовительный классъ, и съ ними никто не занимался, исключая законоучителя, который задалъ имъ урокъ изъ священной исторіи.

Такъ было и впослѣдствіи. Можетъ быть, желала г-жа Принцлейнъ наказать такимъ образомъ продерзость Наденьки и Сашеньки, но скорѣй это слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что послѣднія слишкомъ много знали, гораздо больше, чѣмъ ея старшія ученицы, а это выходило, конечно, далеко не въ пользу ея заведенія; а тутъ черезъ полгода должны были быть экзамены, такъ не мѣшало-бы имъ нѣсколько призабыть... — разсуждала г-жа Принцлейнъ. Какъ-бы то ни было, фактъ тотъ, что ихъ не учили, не смотря на ихъ просьбы, и даже прятали отъ нихъ учебники.

Въ 12 ч. обѣдали. За столъ вмѣстѣ съ воспитанницами сѣли также и классныя дамы и учителя — въ креслахъ. Сама г-жа Принцлейнъ помѣстилась въ концѣ перваго стола, и обѣдъ ей подавался отдѣльный.

Разливала супъ одна изъ классныхъ дамъ, причемъ четыре куска говядины, находившіеся въ суповой чашкѣ, предназначались исключительно учительскому персоналу — воспитанницамъ же мяса вовсе не полагалось.

На второе блюдо подали какой-то оригинальный соусъ, состоящій изъ смѣси варенаго картофеля и гречневыхъ галушекъ, слегка приправленныхъ протухлымъ масломъ. Это блюдо, какъ узнали впослѣдствіи горькимъ опытомъ Наденька и Са-

шенька, было изъ лучшихъ, но теперь онѣ отнеслись къ нему не съ меньшимъ пренебреженіемъ, чѣмъ и къ завтраку.

За обѣдомъ, между прочимъ, произошла слѣдующая трагикомическая сцена, произведшая на нихъ удручающее впечатлѣніе.

Въ пансіонѣ были, какъ имъ уже успѣли сообщить новыя подруги, двѣ воспитанницы—Черняева и Кирилленкова, страдающія „собачьимъ голодомъ", худыя и страшныя, какъ скелеты.

Кирилленкова не знала въ этотъ день своего урока—спряженія французскихъ глаголовъ—и въ наказаніе ее лишили послѣдняго блюда.

Доведенная мучительнымъ голодомъ до отчаянія, она вдругъ вскочила съ мѣста, повернулась лицомъ къ г-жѣ Принцлейнъ, и, ударяя въ тактъ по столу кулакомъ, стала громко спрягать:

— Je ne mange pas des galouches!... (галушки).

— Tu ne manges pas des galouches!.. etc., etc.

Скандалъ вышелъ огромный!... Г-жа Принцлейнъ была страшно взбѣшена и тотчасъ поставила дѣвочку на колѣни. Но та не угомонилась и, стоя на колѣняхъ, продолжала все таки свое...

На полдникъ горничная принесла на большомъ подносѣ ломти чернаго хлѣба, посыпанные солью, и роздала ихъ воспитанницамъ.

(Когда бывалъ танцклассъ, дѣвицамъ не давали полдника, чтобы онѣ легче танцовали).

Наденька и Сашенька отказались отъ своей порціи и принялись кушать бублики, которые имъ купила на базарѣ Авдотья за ихъ собственныя-же карманныя деньги. Но лишь это замѣтили старшія воспитанницы, какъ мигомъ набросились на дѣвочекъ и отняли у нихъ бублики. Которая-то невольно вскрикнула при этомъ насиліи; Авдотья услышала, разъяренной тигрицей вскочила въ комнату и чуть не расправилась собственноручно съ обидчицами.

Онѣ ея боялись послѣ этого, какъ огня, и никогда больше не смѣли уже обижать ея „маленькихъ барышень"...

На ужинъ подали кулишъ, и въ 9 ч. воспитанницы легли спать, предварительно спѣвъ хоромъ „Боже Царя храни" и „Коль славенъ"...

Постели Б—хъ какъ разъ пришлись подлѣ кровати классной дамы Ч—ой, изъ ихъ родного городка. Это была милая, симпатичная дѣвушка, съ оригинальнымъ, очень смуглымъ неправильнымъ лицомъ, но узкими, какъ щелочки, черными, блестящими, смѣющимися глазами.

Она была любима всѣми въ пансіонѣ за свой добрый, веселый нравъ, и ея близкое сосѣдство было сущимъ благодѣяніемъ для Наденьки и Сашеньки.

Жизнь воспитанницъ въ пансіонѣ Принцлейнъ была просто нестерпима. Кормили ихъ всегда впроголодь и отвратительной, несвѣжей пищей. Былъ, напр., такой случай.

Однажды подали на ужинъ супъ съ плававшими въ немъ червями и издававшій ужасное зловоніе... Конечно, никто къ нему не прикоснулся, кромѣ Черняевой и Кирилленковой, которыя пожирали его со своей обычной жадностью. Позвали начальницу, благоразумно не появившуюся на этотъ разъ къ столу. Пришедши, она обрушилась страшнымъ гнѣвомъ на воспитанницъ и потребовала, чтобы онѣ ѣли супъ,—кто-же не желаетъ, пусть встаетъ и отходитъ въ сторону. Наденька, какъ болѣе строптивая, отказалась ѣсть, но Сашенька пыталась было повиноваться, и только поднесла ложку ко рту, ей сдѣлалось дурно... Г-жа Принцлейнъ круто повернулась и вышла изъ комнаты, не сказавъ ни слова... Этимъ дѣло и кончилось, но конечно дѣти остались безъ ужина.

Громадныя комнаты плохо отапливались, а въ зимніе долгіе вечера, когда не было уроковъ, также плохо освѣщались.

Дрожа отъ холода въ своихъ легкихъ платьяхъ, дѣвочки сбивались группами по угламъ диванов въ классной и залѣ, и шепотомъ передазали другъ другу разныя легенды о привидѣніяхъ, мертвецахъ, встающихъ изъ гроба, и т. п., и наконецъ о какихъ-то таинственныхъ собакахъ, будто-бы бродившихъ по вечерамъ въ полумракѣ этихъ огромныхъ, холодныхъ, пустынныхъ комнатъ.

Малѣйшій шорохъ, малѣйшій стукъ, заставлялъ дѣтей нервно вздрагивать, пугливо озираться, прижимаясь тѣснѣе

другъ къ дружкѣ, и смертельнымъ холодомъ леденилъ ихъ и безъ того окоченѣвшіе члены.

Взаимныя отношенія воспитанницъ тоже не были здѣсь простыя и дружескія, какъ въ пансіонѣ Козаковой — здѣсь дѣвицы „влюблялись“ одна въ другую, „обожали“ избранницу своего сердца, доходили чуть не до безумія въ припадкахъ ревности... У Наденьки, напр., были двѣ обожательницы—Катя Нестеренкова, очень некрасивая, рыжая, въ веснушкахъ, дѣвочка, и прелестная Ольга Филонова, приходящая, дочь учителя. Наденька, въ свою очередь была страстно „влюблена“ въ десятилѣтнюю Маню Никольскую, большую капризницу, которой она отдавала всѣ свои лакомства, и которая ею помыкала, какъ хотѣла...

Словомъ, здѣсь и „духъ“ былъ совсѣмъ иной...

Незадолго передъ экзаменами Наденька заболѣла сильно горячкой. Никакого спеціальнаго ухода за нею не было, и лежала она въ общемъ дортуарѣ, днемъ—одна одинешенька, предоставленная вполнѣ самой себѣ, ночью—среди спящихъ дѣтей. Только и ухаживала за нею во время болѣзни Ольга Филонова, дѣйствительно искренно привязавшаяся къ ней...

Когда Наденька очнулась наконецъ отъ своего долгаго забытья, она замѣтила при сумракѣ вечера, стоявшую у ея кровати на колѣняхъ фигуру дѣвочки, которая, положивъ голову на руки, горько плакала.

Это была Оля.

Потомъ, когда Наденька стала выздоравливать, она носила ей тайкомъ въ карманѣ копченыя сельди, соленые огурцы, сухія вишни, и другія незатѣйливыя, но кажущіяся необыкновенно вкусными послѣ болѣзни, лакомства... Надо еще сказать, что родители Оли были далеко не богатые люди, и эти затраты на подругу стоили ей несомнѣнно извѣстныхъ лишеній...

Мать живо помнитъ ея тонкое, изящное личико, съ большими, карыми глазами и густѣйшими, темными волосами, но что съ нею сталось впослѣдствіи—она не знаетъ...

Мѣжду тѣмъ, начались экзамены—сперва частные, такъ сказать пробные, безъ посторонней публики, а потомъ настоящіе, оффиціальные.

Первою вызвалъ директоръ Сашеньку—можетъ быть потому, что она была очень хорошенькая, бѣленькая, свѣженькая, съ темными глазами и волосами—и спросилъ, сколько она времени здѣсь?

— Полгода,—отвѣчала Сашенька.

Тогда онъ велѣлъ ей прочитать что-то изъ французскаго а потомъ перевести это по русски.

И то, и другое Сашенька исполнила блистательно, безъ ошибки.

Директоръ пришелъ въ восторгъ и разсыпался въ самыхъ лестныхъ комплиментахъ передъ г-жею Принцлейнъ, говоря что если эта воспитанница такъ много знаетъ за полгода, то другихъ и спрашивать даже не стоитъ.

За тѣмъ онъ обратился къ Сашенькѣ и сказалъ ей, что она необыкновенный ребенокъ, если знаетъ столько за такое короткое время своего пребыванія въ пансіонѣ.

Но Сашенька наивнѣйшимъ образомъ возразила, что не здѣсь вовсе она пріобрѣла эти знанія, а въ пансіонѣ Козаковой, гдѣ онѣ съ сестрой пробыли три года.

У директора физіономія сразу вытянулась, онъ поднялся, холодно раскланялся и удалился, не сказавъ ни слова.

Когда г-жа Принцлейнъ, кусавшая себѣ губы отъ безсильной ярости и смущенія, проводила директора и возвратилась назадъ, первымъ дѣломъ она подбѣжала къ Сашенькѣ, бѣшено схватила ее за руку, покрутила и бросила на колѣни. Тоже самое она продѣлала и съ другой ученицей, и съ третьей... словомъ со всѣми, исключая Наденьки и еще одной, которыя случайно находились въ другой комнатѣ.

Какъ разъ въ это время пріѣзжаютъ гости и застаютъ весь классъ на колѣняхъ...

Г-жа Принцлейнъ казалась очень сконфуженной и мотивировала свою строгость тѣмъ, что дѣвицы будто-бы заглядывали въ журналъ.

На оффиціальномъ экзаменѣ, гдѣ присутствовало много посторонней публики, всѣ воспитанницы были одѣты какъ и на танцклассѣ, т. е. въ бѣлыхъ кисейныхъ платьяхъ и голубыхъ шолковыхъ передникахъ что, конечно, выходило очень красиво и производило блестящій эффектъ.

Одна бѣдная Наденька, только что вставшая послѣ горячки, при своемъ не по возрасту высокомъ ростѣ, худая, желтая (еще Игорь въ пансіонѣ Кòзаковой называлъ ее „гробовой доской"), съ огромными, черными глазами, въ этомъ бѣломъ, воздушномъ платьѣ и въ бѣломъ съ желтыми, креповыми лентами чепчикѣ на бритой головѣ, была положительно ужасна и обращала на себя общее, далеко не лестное вниманіе...

Застѣнчивая и безъ того до дикости, теперь, когда ее вызвали, она ничего не видала вокругъ себя и едва сознавала, что говоритъ... Только и помнитъ, будто сквозь сонъ, что ей со всѣхъ сторонъ кричали:

— Довольно!.. довольно!.. она совсѣмъ больна!...

Тѣ воспитанницы, родственники которыхъ предупредительно привезли начальницѣ передъ экзаменами дорогіе подарки, получили награды. Наденька-же и Сашенька, также какъ и другія незаплатившія обычной дани,—только похвальные листы.

Помнятся матери два выдающихся эпизода изъ жизни ихъ въ пансіонѣ Принцлейнъ.

Однажды пріѣхали какія-то три дамы въ глубокомъ траурѣ съ плерезами, и одна изъ нихъ молоденькая дѣвушка поразительной красоты, но какая-то странная... Ихъ сопровождалъ пожилой, сановитый господинъ.

Переговоривъ съ начальницей, загадочные посѣтители уѣхали, но черезъ недѣлю привезли дѣвушку и оставили ее въ пансіонѣ.

Новую воспитанницу звали Машей. У нея были чудные, черные глаза, блѣдное, съ тонкими, правильными чертами лицо, и длинѣйшіе — до пятъ, черные, какъ воронье крыло, волосы... Она держалась особнякомъ, была очень печальна, и вообще казалась какой-то странной, ненормальной...

Въ тотъ-же вечеръ, когда Наденька и Сашенька съ подругами забрались въ свой излюбленный уголокъ на диванѣ въ залѣ (это было зимою) и бесѣдовали тихо о привидѣніяхъ, бродячихъ собакахъ, мертвецахъ, и т. п., — онѣ вдругъ услышали въ классной испуганные крики, суету, какой-то переполохъ, и къ ихъ неописанному ужасу, въ гостинную вбѣжала Машенька, съ распущенными волосами, дико горящими глазами, и, махая руками, будто крыльями, какъ безумная, промчалась черезъ всю комнату и исчезла за дверьми.

Дѣвочки чуть не умерли отъ страха.

Ночью повторилось тоже самое. Дѣвушка бродила по дортуару, какъ привидѣніе, въ одной сорочкѣ и съ распущенными волосами, что-то бормотала и заглядывала въ лицо спящимъ...

Паника достигла крайней степени. Дали знать родственникамъ, и на другой день Машеньку увезли. Говорили, что она продѣлывала тоже самое и въ другихъ пансіонахъ, гдѣ ее помѣщали, и осталось подъ сомнѣніемъ, была-ли она дѣйствительно помѣшанная (она потеряла недавно кого-то изъ близкихъ), или она только выдавала себя за таковую, не желая учиться?..

Другой эпизодъ—не столь печальнаго свойства.

Однажды, когда дѣвицы, по обычаю, пѣли передъ отходомъ ко сну гимны, къ ихъ дѣвичьимъ голосамъ неожиданно присоединились мужскіе басы. Оглядываются—и съ изумленіемъ видятъ двухъ юныхъ офицеровъ въ бѣлыхъ кителяхъ, должно быть, незамѣтно пробравшихся черезъ черный ходъ...

Конечно, дѣвицы подняли пронзительный визгъ и разбѣжались въ разныя стороны, а дерзновенныхъ попросили тотчасъ удалиться, пригрозивъ имъ въ противномъ случаѣ тѣмъ, что ихъ выведутъ...

На Рождество нѣкоторые изъ родственниковъ, пріѣхавъ въ пансіонъ за воспитанницами, вынуждены были переждать нѣсколько дней, пока не утихнетъ страшная мятель, свирѣпствовавшая тогда. (Въ эту мятель погибло много народу, и въ томъ числѣ, 30 рекрутъ, которыхъ везли закованными на крестьянскихъ подводахъ).

Между родственниками были и богатые купцы, навезшіе къ празднику начальницѣ, кромѣ другихъ цѣнныхъ подарковъ, много всякой дорогой, вкусной снѣди: стерлядей, осетрины, закусокъ, сластей, и т. п.

Волей — неволей пришлось г—жѣ Принцлейнъ, скрѣпя сердце, угощать этимъ оставшихся воспитанницъ—чего она никогда не сдѣлала бы при другихъ обстоятельствахъ.

А тутъ еще какой нибудь почтенный бородачъ, накладывая дѣвочкѣ полнѣе тарелку, добродушно приговариваетъ.

— Кушай, матушка, кушай!.. хватитъ на всѣхъ!..

Между тѣмъ, мятель успокоилась, и за Наденькой и Сашенькой пріѣхалъ старшій братъ, чтобы взять ихъ домой на праздники. Онъ только что возвратился изъ Петербурга и до сихъ поръ не имѣлъ понятія о пансіонѣ г—жи Принцлейнъ. Теперь же, побывавъ здѣсь лично и наслушавшись о немъ разсказовъ, онъ взялъ сестеръ совсѣмъ изъ пансіона, находя, что гувернантка въ домѣ будетъ для нихъ гораздо полезнѣе.

Над. М. Кибальчичъ.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.[1]

П. В. Ивановъ.

Въ новѣйшей малорусской этнографіи Петръ Васильевичъ Ивановъ занимаетъ видное мѣсто. Его этнографическіе сборники отличаются полнотой содержанія и ясной системой распредѣленія матеріала. Біографическихъ данныхъ о г. Ивановѣ у насъ нѣтъ, и дѣло г. Иванова, если онъ, по скромности, нигдѣ не далъ хотя бы краткихъ автобіографическихъ сообщеній. Изслѣдователю современной малорусской этнографіи нужно, однако, опредѣлить тѣ стороны въ личной обстановкѣ и дѣятельности нашего этнографа-собирателя, которыя объясняютъ своеобразный характеръ его этнографическихъ трудовъ. Нужно знать, напримѣръ, чѣмъ обусловлено то характерное обстоятельство, что г. Ивановъ ограничивается предѣлами одного уѣзда Харьковской губерніи и въ этихъ скромныхъ предѣлахъ опирается на многихъ полезныхъ сотрудниковъ изъ мѣстной среды, преимущественно, изъ народныхъ учителей и учительницъ. Дѣло въ томъ, что г. Ивановъ былъ инспекторомъ народныхъ училищъ и по выходѣ въ отставку, поселился на мѣстѣ своей прежней служебной дѣятельности въ г. Купянскѣ (въ 116 в. отъ г. Харькова) и сохранилъ связи со своими прежними сослуживцами—учителями и учительницами народныхъ школъ. Г. Ивановъ возбудилъ въ нихъ интересъ къ этнографическимъ работамъ, снабдилъ ихъ программами и сдѣлался средоточіемъ, объединителемъ и орга-

[1]) Кіевск. Стар. 1892 г. № 5.

низаторомъ ихъ этнографической дѣятельности. На этнографическое поприще г. Ивановъ вступилъ недавно, въ 80-хъ годахъ. Ранѣе онъ былъ извѣстенъ своими трудами по изученію мѣстной фауны; сочиненія его по этой части печатались въ изданіяхъ харьковскаго общества естествоиспытателей.

Этнографическія изслѣдованія г. Иванова представляются весьма любопытными въ томъ отношеніи, что они являются, такъ сказать, результатомъ цѣлой школы мѣстныхъ этнографовъ; на нихъ лежитъ печать коллективнаго труда многихъ почтенныхъ дѣятелей, близко стоящихъ къ народу. Какъ важна такая общественная организація этнографическихъ изученій, краснорѣчивымъ доказательствомъ служатъ превосходные сборники г. Иванова. За четыре, пять лѣтъ г. Ивановъ далъ массу новаго, оригинальнаго и цѣннаго матеріала.

Если не ошибаюсь, первой этнографической замѣткой г. Иванова была „*Вирша на Рождество Христово*“ въ XI кн. Кіев. Старины 1882 г.—текстъ вирши, записанный бывшимъ учителемъ купянскаго духовнаго училища Лавровскимъ и маленькій къ ней комментарій г. Иванова. Вирша—бурсацкое произведеніе и къ народной поэзіи не имѣетъ никакого отношенія. Она относится къ юмористическимъ схоластическимъ виршамъ объ Адамѣ и Евѣ. Въ IV кн. „Кіев. Старины“ 1892 г. П. И. Житецкій подвергъ научному анализу эту и другія родственныя ей вирши объ Адамѣ и Евѣ.

Въ XII кн. „Кіев. Старины“ 1885 г. П. В. Ивановъ помѣстилъ небольшую статью „*Знахарство, шептанье и заговоры* въ старобѣльскомъ и купянскомъ уѣздахъ харьковской губерніи“. Это сборникъ заговоровъ и шептаній съ интересными поясни-тельными бытовыми комментаріями. Въ краткомъ предисловіи г. Ивановъ говоритъ: „Живя долгое время въ одной и той же мѣстности и находясь въ частыхъ сношеніяхъ съ народомъ въ раіонѣ двухъ уѣздовъ харьковской губерніи, купянскаго и старобѣльскаго, я, съ помощью близкихъ мнѣ лицъ, успѣлъ собрать массу этнографическаго матеріала и въ томъ числѣ до 150 шептаній и заговоровъ, изъ которыхъ болѣе половины неизвѣстны въ печати, а остальные являются болѣе или менѣе—

цѣнными варіантами"... Для образца и помѣщено около двухъ десятковъ заговоровъ и шептаній, именно, шептанія надъ водой, отъ сглазу и разныхъ болѣзней. Сборникъ этотъ составляетъ полезное дополненіе къ сборнику „Малорусскихъ заклинаній" П. С. Ефименка. Литература заговоровъ весьма обширна, если считать не изслѣдованія, какихъ почти нѣтъ (Крушевскій, О. Миллеръ), а сборники, какихъ много (главные Майкова, Романова и Ефименка). На литературѣ предмета здѣсь не останавливаюсь, и отсылаю интересующихся этимъ дѣломъ къ моему библіографическому указателю заговоровъ, изданному въ 1892 г.

Въ 1890 г. П. В. Ивановъ представилъ свой *сборникъ заговоровъ* въ этнографическій отдѣлъ Географическаго Общества. Извѣстный этнографъ П. В. Шеинъ, разсматривавшій сборникъ г. Иванова, въ своемъ о немъ отзывѣ, между прочимъ, говоритъ: „Сборничекъ г. Иванова состоитъ изъ весьма дѣльнаго введенія и 122 заговоровъ и шептаній. Введеніе и первые 10 заговоровъ были уже напечатаны въ Кіевской Старинѣ... заговоры и шептанія можно раздѣлить на слѣдующія рубрики: 1) противъ разныхъ болѣзней у людей и домашняго скота, 2) обереги отъ воровъ, клеветы, змѣи, таракановъ и пр. и 3) на разные случаи, чтобы быть въ почетѣ, передъ судомъ и т. п. Къ заговорамъ присоединенъ весьма интересный свадебный обрегъ съ обстоятельнымъ при немъ изложеніемъ фактическихъ данныхъ... Многимъ заговорамъ предшествуетъ описаніе обстановки, условій или реальныхъ средствъ; заговоръ примѣняется къ больному или случаю и т. п. По своему содержанію заговоры, записанные г. Ивановымъ и его сотрудниками, отличаются двоевѣрнымъ характеромъ... Въ сборникѣ и помимо этого найдется много любопытнаго для изслѣдователей народнаго быта и старины..." Въ заключеніе своей рецензіи г. Шеинъ признаетъ сборникъ г. И. „цѣннымъ вкладомъ въ этнографическую науку" и находитъ, что „трудъ этотъ вполнѣ заслуживаетъ, чтобы его напечатали цѣликомъ". Этнографическое отдѣленіе опредѣлило имѣть въ виду этотъ сборникъ для изданія и наградить г. Иванова серебряной медалью (*Живая Старина* 1891 III).

Въ VI кн. Кіевской Старины 1886 г. П. В. Ивановъ помѣстилъ статью *„Кое-что о вовкулакахъ и по поводу ихъ“*. Авторъ знакомъ съ сборниками Аѳанасьева, Чубинскаго и Драгоманова и сообщенія его представляются дополненіями. Въ статьѣ приведено три свадебныхъ оберега и нѣсколько способовъ возвращенія вовкулакамъ человѣческаго вида. Далѣе, приведены народные разсказы, чѣмъ питаются вовкулаки. Статья небольшая, но полезная при довольно скудной и крайне разбросанной литературѣ о вовкулакахъ. Главные сборники и статьи о вовкулакахъ указаны мной въ „Культурныхъ переживаніяхъ“ § 121 и подробнѣе въ разныхъ мѣстахъ библіографическаго указателя статей о колдунахъ и вѣдьмахъ (1891 г.).

На ярославскомъ археологическомъ съѣздѣ 1887 г. покойный проф. О. Ѳ. Миллеръ доложилъ и разобралъ докладъ П. В. Иванова *„Краткій очеркъ воззрѣній крестьянскаго населенія купянскаго уѣзда харьковской губерніи на душу и на загробную жизнь, составленный по словамъ стариковъ и старухъ“*. Этотъ докладъ, сколько мнѣ извѣстно, не вошелъ въ изданные томы трудовъ седьмаго археологическаго съѣзда, и о содержаніи его мы можемъ судить по протоколу засѣданія 13 августа, когда этотъ докладъ былъ прочитанъ. Похваливъ г. Иванова за его начитанность въ избранномъ вопросѣ и за умѣніе записывать народныя сказанія, Миллеръ сказалъ нѣсколько словъ вообще о народныхъ воззрѣніяхъ на загробную жизнь, какъ они выражаются въ произведеніяхъ устной народной словесности, и затѣмъ перешелъ къ изложенію воззрѣній купянскихъ крестьянъ, нерѣдко весьма оригинальныхъ и доселѣ не отмѣченныхъ въ другихъ мѣстахъ Россіи. Онъ выяснилъ представленіе души въ образѣ крылатаго существа (пчелы) или въ видѣ пара. Такой образъ душа имѣетъ, пока не вселится въ тѣлесную оболочку. Войдя въ тѣло, душа растетъ вмѣстѣ съ нимъ, питаясь паромъ отъ той пищи, какою питается человѣкъ. Хотя душа живетъ въ тѣсной связи съ тѣломъ, ѣстъ, пьетъ, чувствуетъ жаръ, холодъ, наслаждается и страдаетъ, однако, при потерѣ какой-либо части тѣла, человѣкъ не теряетъ соотвѣтствующей части души. Родившійся съ ка-

кими-нибудь физическими недостатками имѣетъ и душу не вполнѣ совершенную. Впрочемъ, въ будущей жизни, по мнѣнію крестьянъ, всѣ органическіе недостатки будутъ восполнены. Одни представляютъ себѣ душу существомъ, проникающимъ и наполняющимъ все тѣло; другіе считаютъ мѣстопребываніемъ ея грудь, третьи—утробу; иные представляютъ ея мѣсто въ горлѣ и, наконецъ, подъ правой рукой. У разбойниковъ и вѣдьмъ души нѣтъ: душа изъ нихъ вышла и ими овладѣлъ злой духъ. Родившіеся мертвыми или умершіе некрещеными младенцы превращаются въ русалокъ („лоскотовки"), представляемыхъ то въ человѣческомъ, то въ животномъ образѣ. Некрещеные младенцы принимаются Богомъ въ особый для нихъ назначенный рай, но отдѣльно отъ душъ дѣтей, умершихъ крещеными и живущихъ съ ангелами. Умирающаго кладутъ на землю, на которой умирать легче. Умершаго кладутъ на лавку, въ головахъ зажигаютъ свѣчу; на стѣнѣ вѣшаютъ рушникъ; на окно ставятъ воду или медъ. При смерти вѣдьмы дѣлаютъ отверстіе въ потолкѣ для выхода души. Въ гробъ кладутъ деньги для покупки мѣста на томъ свѣтѣ; въ могилу ставятъ бутылку съ водкой; ленту, которой были связаны ноги покойника, берегутъ какъ лѣчебное средство. На томъ свѣтѣ живутъ мужчины съ мужчинами, женщины съ женщинами, а по мнѣнію другихъ, попарно. До 40 дней душа покойника посѣщаетъ домъ; за тѣмъ надъ ней совершается судъ, и она получаетъ опредѣленное мѣстопребываніе. На поминальные обѣды душа является и послѣ 40 дней. Душа скупаго на томъ свѣтѣ алчетъ и жаждетъ, а души праведниковъ имѣютъ во всемъ изобиліе. Есть адъ вѣчный, есть и временный, онъ подъ землею; въ немъ мракъ; души грѣшниковъ питаются въ немъ пепломъ. Рай—зеленый садъ, по которому течетъ рѣка. На томъ свѣтѣ мужъ не узнаетъ жены и наоборотъ, а родичей и знакомыхъ душа узнаетъ. Отецъ и мать не узнаютъ своихъ дѣтей, а крестные узнаютъ. Тамъ души не разговариваютъ между собою. Г. Ивановъ приводитъ разсказы „замиравшихъ" старухъ о загробномъ мірѣ, разсказы крестьянъ о явленіи мертвецовъ и нѣсколько плачей.

Изложивъ передъ слушателями на съѣздѣ всѣ сообщенія г. Иванова, Миллеръ взвѣсилъ ихъ относительныя научныя достоинства, указалъ, что въ нихъ встрѣчается новаго и, сопоставивъ это новое съ прежними сообщеніями, призналъ собранные г. Ивановымъ матеріалы въ высшей степени любопытными и важными для характеристики южно-русскаго крестьянства. (*Отчеты о засѣд. съѣзда*).

Въ отчетѣ о рефератѣ Миллера не указано, какія онъ упоминалъ „прежнія сообщенія". Можно догадываться, что были указанія на труды Котляревскаго, Аѳанасьева и Барсова. Малорусская похоронная причеть только въ новѣйшее время стала обращать на себя вниманіе этнографовъ. Въ видѣ полезныхъ дополненій къ статьямъ П. В. Иванова о душѣ (1887 г.), о вѣдьмахъ (1891) и о долѣ (1892 г.), гдѣ также разбросано много замѣтокъ и матеріаловъ относительно малорусскихъ народныхъ повѣрій о душѣ, могутъ еще служить замѣтки:

С. Брайловскаго, о похоронныхъ причитаніяхъ южнорусскаго края, въ „Русск. Филол. Вѣстникѣ" 1884, т. XII.

С. Брайловскаго, „Малорусская похоронная причеть и миѳическое ея значеніе въ Кіевской Старинѣ 1885, IX, 74—84.

М. К. Васильева, О малорусскихъ похоронныхъ обрядахъ въ Кіевск. Стар. 1889, VI, 635 и въ Кіевск. Стар. 1890, VIII, 317—322.

Ziemba, Zwyczaje pogrzebowe w okolicach Uszycy na Podolu, w Zbiór Wiadomości 1888, XII, 227—230.

Хр. Ящуржинскаго, Малорусскія причитанія надъ умершими, въ Кіевской Старинѣ 1888, I, 11—16.

Хр. Ящуржинскаго, Остатки языческихъ обрядовъ, сохранившіеся въ малорусскомъ погребеніи, въ Кіев. Стар. 1890, I, 130—132.

Сравнительно болѣе подробная статья г. Брайловскаго въ Кіевской Старинѣ не свободна отъ поспѣшныхъ миѳологическихъ выводовъ. Такъ, на основаніи одного только выраженія „зашло мое сонечко красное" г. Б. говоритъ о миѳическомъ отождествленіи жизни человѣка съ солнцемъ. Можетъ быть, когда нибудь и было такое отожествленіе, но въ малорусской причети

оно не оставило слѣдовъ, и опровергаемое авторомъ мнѣніе Чубинскаго о бѣдности фактическаго содержанія въ малорусской причети сохраняетъ вполнѣ свое значеніе. Напрасно также сдѣланъ Чубинскому упрекъ (на стр. 74) въ недостаткѣ „спеціальной подготовки“. Заслуги Чубинскаго, какъ изслѣдователя, заслонены его громадными заслугами, какъ собирателя.

Въ Харьковскомъ Сборникѣ 1888 г. (приложеніе къ Харьковскому календарю) г. Ивановъ напечаталъ небольшую статью (19 стр.) „*Народныя представленія и вѣрованія, относящіяся къ внѣшнему міру*“—матеріалы для характеристики міросозерцанія крестьянскаго населенія Купянскаго уѣзда. Въ небольшомъ введеніи г. Ивановъ различаетъ въ народныхъ обычаяхъ, вѣрованіяхъ и сказаніяхъ двѣ стороны, оригинальную и заимствованную, причемъ высказываетъ слѣдующее основательное замѣчаніе: „при собираніи и изученіи этнографическихъ данныхъ, прежде чѣмъ обращаться къ далекимъ сближеніямъ и сравненіямъ, необходимо прочно установиться на родной почвѣ тщательнымъ изслѣдованіемъ мѣстнаго матеріала. Затѣмъ, кромѣ записыванія изъ устъ народа сказаній его и объясненій бытовыхъ подробностей, необходимо извлечь изъ напечатанныхъ уже памятниковъ древней письменности соотвѣтствующій матеріалъ, Онъ можетъ послужить къ болѣе правильному освѣщенію существующихъ народныхъ обычаевъ и міросозерцанія народа, вообще указаніемъ тѣхъ измѣненій въ нихъ, какія внесены на глазахъ исторіи въ бытовую жизнь народа временемъ и измѣнившимися условіями гражданственности.... Встрѣчаясь при изслѣдованіи народнаго міросозерцанія съ нелѣпыми и безсмысленными взглядами и понятіями, не должно относиться къ нимъ съ пренебреженіемъ, а слѣдуетъ, подобно естествоиспытателю, внимательно выслушивать, точно записывать и всесторонне изучать, потому что въ кажущейся нелѣпости могутъ иногда скрываться драгоцѣнныя для характеристики народнаго быта черты изъ первобытной культуры или фактъ, могущій содѣйствовать разрѣшенію одного изъ вопросовъ о древнихъ международныхъ сношеніяхъ“.

Замѣчаніе г. Иванова о необходимости извлеченія изъ старинныхъ памятниковъ письменности этнографическаго матеріала заслуживаетъ полнаго вниманія, особенно въ приложеніи къ старинной украинской письменности, почти не затронутой съ этой стороны. Я раза два—три предпринималъ съ такой цѣлью экскурсіи въ южнорусскую схоластическую литературу. Такъ, изъ „Лиѳоса“ Петра Могилы мной извлечены кое-какія черты о свадебныхъ обычаяхъ и бракосочетаніи первой половины XVII в. (напеч. въ Кіев. Старинѣ 1883, XI, 510—514), изъ сочиненія Петра Могилы, Іоанникія Галятовскаго и Лазаря Барановича извлечено около двухъ десятковъ пословицъ (напеч. въ VIII кн. Кіевской Старины 1887 г.) и затѣмъ изъ старинныхъ актовъ кое-что извлечено о принесеніи разныхъ предметовъ въ церковь (въ Культ. переживаніяхъ § 2). Но предметъ этотъ настолько интересенъ, что заслуживаетъ полнаго вниманія и цѣльной монографіи. Несомнѣнно, что кое-что любопытное въ бытовомъ отношеніи можно извлечь изъ старинныхъ южнорусскихъ актовъ, напр., клятвы въ духовныхъ, названія одежды и жилищъ, религіозныя легенды и т. п. Не слѣдуетъ, однако, возлагать преувеличенныхъ надеждъ на старинную украинскую письменность. Большой поживы она не можетъ дать, наприм., такой поживы, какую чешскій ученый Зибртъ въ послѣднее время извлекъ изъ памятниковъ старинной чешской литературы, обильной многими любопытными въ фольклорномъ отношеніи проповѣдями.

Г. Ивановъ представляетъ въ своей статьѣ сводъ мѣстныхъ повѣрій о небѣ, землѣ, громѣ, молніи, вѣтрѣ, о разныхъ животныхъ, птицахъ и растеніяхъ. Въ южнорусской этнографической литературѣ такого рода свѣдѣнія были ранѣе въ значительномъ числѣ подобраны въ сборникахъ Чубинскаго и Драгоманова, въ польской литературѣ — въ сборникахъ Густавича, Сярковскаго и друг. Въ сборникѣ г. Иванова мало новаго. Значеніе этого сборника опредѣляется не обиліемъ и новизной записей, а мѣстной группировкой ихъ, на что указываетъ самъ собиратель. „Въ извѣстныхъ сборникахъ Чубинскаго и Драгоманова, говоритъ г. И., приведено весьма много подобнаго же матеріала, но, стекаясь съ огромнаго района, этотъ матеріалъ слишкомъ, такъ

сказать, расплывлется по обширному пространству, не даетъ поэтому яснаго представленія о міровоззрѣніи малоросса опредѣленной мѣстности". Съуживая границы изслѣдованія матеріаломъ, собраннымъ въ двухъ—трехъ селахъ, г. И. даетъ довольно ясную картину міросозерцанія крестьянъ этихъ селъ.

Въ сборникѣ г. И. есть любопытныя мелочи. Было бы долго перечислять ихъ здѣсь и опредѣлять ихъ научное значеніе. Ограничиваюсь двумя, тремя: „Солнце на гору зайцемъ бѣжитъ, а спускается тройкой коней" — характерное во многихъ отношеніяхъ повѣрье, близкое къ литовскимъ повѣрьямъ о близости зайца къ солнцу, о чемъ подробно смотр. въ ст. *Н. Сумцова* „Заяцъ въ народной словесности". Легенды о царѣ Папаримѣ—оригинальный варіантъ апокрифа объ избіеніи младенцевъ. Эта легенда вызвала спеціальное изслѣдованіе *г. Драгоманова* о сказаніяхъ на мотивъ о пожертвованіи своего ребенка въ „Сборникѣ за народни умотворенія" 1890 г. Повѣрья о созданіи земли и горъ, отмѣченныя въ сборникѣ г. Иванова, представляютъ варіанты космогоническаго сказанія, подробно разобраннаго въ послѣднее время акад. *А. Н. Веселовскимъ* въ цѣломъ рядѣ статей. Весьма интересно, между прочимъ, сказаніе о Донѣ Ивановичѣ и Донцѣ Ивановичѣ, относящееся къ мало разработанному въ наукѣ циклу сказаній и пѣсенъ о южнорусскихъ рѣкахъ.

Въ „Харьковскомъ Сборникѣ" 1889 г. П. В. Ивановъ помѣстилъ обширную статью „*Народные обычаи, повѣрья, приметы, пословицы и загадки, относящіеся къ малорусской хатѣ*" (30 страницъ). Несомнѣнно, это самый подробный, вообще лучшій изъ существующихъ сборникъ повѣрій, связанныхъ съ хатой. Собранные въ статьѣ матеріалы записаны въ Купянскомъ уѣздѣ г. Ивановымъ и сотрудниками его, учителями и учительницами сельскихъ училищъ. Въ началѣ статьи г. И. говоритъ о семейныхъ раздѣлахъ у малороссовъ и объ участіи въ нихъ женщинъ, о выборѣ мѣста для хаты, гаданіяхъ „закладчинѣ" и обхожденіи съ плотниками, обрядномъ подниманіи сволоки („сволоковщинѣ"), о плотникахъ—знахаряхъ, о „клинцованіи" (вбиваніи клинчиковъ и обмазкѣ глиной) и побѣлкѣ хаты и о пе-

реходѣ въ новую хату. Далѣе идетъ весьма обстоятельный обзоръ частей хаты: печи, двери, порога, окна, и обзоръ повѣрій, относящихся къ мебели и посудѣ. Въ заключеніе приведено сто загадокъ, относящихся къ хатѣ и хозяйству малоросса. Въ статью вошло нѣсколько легендарныхъ разсказовъ, какъ Богъ научилъ людей строить хату, а ап. Петръ кузнечному ремеслу. Особенно много интересныхъ повѣрій о печкѣ, повѣрій, отчетливо отражающихъ въ себѣ древній культъ огня. При этомъ отмѣченъ рядъ лѣченій болѣзней—съ помощью печи. Въ числѣ загадокъ попадаются новыя или варіанты извѣстныхъ, интересные по миѳологической основѣ, напр., „поле немиряне, вивци нещитани, пастухъ рогатый“ (звѣзды и луна). Эта загадка легла въ основу прекраснаго стихотворенія В. А. Жуковскаго.

На пажити необозримой,
Не убавляясь никогда,
Скитаются неисчислимыя
Сереброрунныя стада.
Въ рожокъ серебряный играетъ
Пастухъ приставленный къ стадамъ;
Онъ ихъ въ златую дверь впускаетъ
И счетъ ведетъ имъ по ночамъ.

И надочета имъ не зная,
Пасетъ онъ ихъ давно, давно.
Стада поитъ вода живая
И умирать имъ не дано.
Они одной дорогой бродятъ
Подъ стражей пастырской руки.
И юноши ихъ тамъ находятъ,
Гдѣ находили старики.

Въ статьѣ г. Иванова нѣтъ внѣшняго описанія хаты, и въ этомъ отношеніи нужно обращаться къ 7 тому „Трудовъ“ Чубинскаго, а при широкихъ изученіяхъ и къ нѣкоторымъ другимъ сборникамъ, напр., къ I т. „Pokucie“ Кольберга, къ изданному херсонскимъ земствомъ описанію с. Покровскаго (Балай-тожъ) и др. Литература о хатѣ невелика и разбросана по разнымъ изданіямъ, большею частью малоизвѣстнымъ и малодоступнымъ. Особенно мало рисунковъ.

Малорусская хата не подвергалась историческому и сравнительно этнографическому изученіямъ. Если не ошибаюсь, мои замѣтки „Къ исторіи хаты“, Надписи на сволокахъ“, „засовка“, „Печь и огонь, какъ талисманы“—замѣтки, вошедшія въ „Культурныя переживанія“, представляются пока единственными попытками такого рода изученія хаты. Предметъ этотъ, однако, настолько интересенъ во многихъ отношеніяхъ, что заслуживаетъ спеціальной монографіи, въ которой были-бы собраны,

провѣрены и разобраны факты филологическіе, историческіе и сравнительно-этнографическіе, которые въ совокупности объяснили-бы, въ какой послѣдовательности и подъ какими вліяніями сложился типъ крестьянской малорусской хаты. Для такой работы матеріалъ и пособія подготовлены западно-европейскимъ фольклоромъ, давшимъ въ послѣднее время цѣлый рядъ статей и замѣтокъ объ устройствѣ жилищъ. Иностранная литература указана извѣстнымъ чешскимъ ученымъ *г. Зибртомъ* въ 4 № „Česky lid“ 1892 г. (сочиненія Мейцена, Лася и Геннинга по исторіи нѣмецкаго дома, Гейкеля—о домѣ финновъ и черемисовъ, Беценбергера—о литовскомъ, Карловича—о польскомъ и др.). О польскихъ и литовскихъ хатахъ много замѣтокъ въ журналѣ „*Wisła*“ за послѣдніе два—три года, о французскихъ—въ журналѣ *Revue* des traditions populaires. На сочиненіе *г. Тихова* о болгарскомъ домѣ мы уже указывали при обзорѣ сочиненія А. А. Потебни „Къ исторіи звуковъ“.

Возвращаясь къ статьѣ г. Иванова о повѣрьяхъ, связанныхъ съ хатой, мы должны замѣтить, что въ этой спеціальной области, т. е. относительно повѣрій, этотъ трудъ г. Иванова отличается полнотой содержанія и представляется цѣннымъ вкладомъ въ этнографію.

Въ томъ-же 1889 году П. В. Ивановъ помѣстилъ въ III кн. Этнографическаго Обозрѣнія статью „*Сила родительскаго проклятія* по народнымъ разсказамъ Купянскаго уѣзда Харьковской губ.“ (41—53). Въ статьѣ приведено 11 народныхъ разсказовъ о силѣ родительскаго проклятія. Проклятый быстро чахнетъ и умираетъ, или превращается въ дерево, или въ животное (волка). *Н. А. Янчукъ* въ примѣчаніи къ статьѣ г. И. останавливается на двухъ мотивахъ о дѣвушкѣ—тополѣ и о томъ, что проклятаго сына земля не принимаетъ. При разсмотрѣніи перваго мотива г. Я. указываетъ на тѣ повѣрья о превращеніяхъ въ растенія, которыя нашли мѣсто въ „Метаморфозахъ“ Овидія. О превращеніяхъ въ растенія см. еще замѣтку Н. Сумцова въ III кн. Этнограф. Обозрѣнія 1889 г. (о розмай-зильѣ) и обширное сочиненіе *г. Мандельштама* „Опытъ объясненія обычаевъ“ (1882 г.). Г. Янчукъ

повѣрья о томъ, что земля не принимаетъ проклятаго родителями, сближаетъ съ польскимъ сказаніемъ, что дитя, осмѣлившееся поднять руку на родную мать по смерти выставляло изъ могилы руку, пока мать, по совѣту священника, не высѣкла розгою виновную руку. Розга, воткнутая въ землю, выросла въ большое дерево, причемъ все сказаніе пріурочено было къ одной плакучей березѣ подъ Грыжиной близъ Косцяны въ Познани. Интересная статья *г. Карловича* объ этомъ сказаніи напечатана въ „Вислѣ“ 1888 г. Можетъ быть, это сказаніе проникло къ полякамъ отъ нѣмцевъ, у которыхъ сказаніе о рукѣ изъ могилы весьма популярно (*Ziebrecht*, Zur Folkskunde, 343; *Krause*, Zeitschr. f. Ethnol. 1883 стр. 83, *Decke*, Lübische Sagen § 153).

Помимо частныхъ мотивовъ, заслуживаетъ вниманія общая мысль, проникающая всѣ разсказы, мысль о высокомъ значеніи родительской власти, въ особенности материнской молитвы или проклятія. Въ народныхъ сказаніяхъ, сообщенныхъ г. И., отражается, очевидно, та-же мысль, которая ранѣе, въ періодъ расцвѣта народнаго поэтическаго творчества, выразилась въ превосходныхъ думахъ объ Алексѣѣ Поповичѣ и бурѣ на Черномъ морѣ, о вдовѣ и трехъ ея сыновьяхъ, объ Ивасѣ Вдовыченкѣ (или Коновченкѣ)—это въ южной Руси, а въ Руси сѣверо-восточной—въ былинахъ объ отъѣздѣ Ильи Муромца, въ особенности характерно въ Повѣсти о Горѣ—Злосчастіи, безыменный герой которой наказуется за то, что не послушалъ наставленій родителей, ни добрыхъ людей, какъ Коновченко наказуется за то, что не послушалъ совѣтовъ ни матери, ни полковника. Этотъ народно-поэтическій мотивъ былъ такъ силенъ, что наложилъ свою руку и на старинные литературные памятники, на Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ неизвѣстнаго автора и на современную ей духовную драму Симеона Полоцкаго о блудномъ сынѣ.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ СЕМЕЙНАГО АРХИВА.[1]

II. СТИХОТВОРЕНІЯ ЕВСТАФІЯ ПЕТРОВИЧА РУДЫКОВСКАГО (1784-1851).

VIII.

Казка.

Давнымъ давно я обищавъ,
Та й доси слова не здержавъ,
Вамъ росказаты тую казку,
Якъ визъ перевернувсь чумацькій на каляску.
Такъ слухайте-жъ теперъ,
Поки я ще не вмеръ;
А вмру, то будете мене вы спомынаты,
Якъ въ рукы визьмете сю казочку чытаты.

—

Давно те дiялось,—ище малымъ я бувъ,
Та въ памьять вризалось, що й доси не забувъ.

—

Одъ Кыева сельце блызенько есть Глеваха.
Хто въ грязь поиде тамъ, побачыть въ очи страха;
Такій тамъ глей, таке багно,
Що чортъ йому тамъ знайде й дно.
Тонуть-бы вже—такъ легче въ мори,
А въ сій грязи,—безъ горя—горе!

---

[1]) Кіевск. Стар. 1892 г. № 5.

За те-жъ капуста тамъ, и рипа, й гарбузы,
Хочь цилый рикъ що день до Кыива возы.
За те-жъ тамъ мужыкы богаты,
Городъ свій всякъ зъоре, та йде чумаковаты.

—

Одынъ чумакъ такій тамъ жывъ,
Що все у Крымъ по силь на трохъ возахъ ходывъ.
Ходывъ винъ и на Динъ по рыбу осятрыну,
И грошей щось прыдбавъ,—що вже не лизлы въ скрыню.
Такій богатый ставъ,
Що й самъ не памятавъ
Винъ, скилько грошей мавъ.
Вси кажуть,—що йому нечыстый помагавъ.

—

На решти дума: атъ! Що те чумацтво? Кепство!....
Часъ намъ уже теперъ принятьця за купецство.
До Кыева, въ майстратъ,—чумакъ нашъ и купець.
Уже й панивъ ззыва до себе на ралець.
А дали и полизъ винъ въ откупы, въ пидряды.
Куды-бъ винъ на поригъ, йому якъ батьку ради.
Кому головкою кывне винъ, чи моргне,
Той заразъ передъ нымъ въ дугу себе зогне.

—

Чумакъ нашъ изъ Юрка зробывся Юрій Савычъ.
До його вси повзуть, злитаютця якъ галычь,
Якъ мухы,—де почують струпъ,
Такъ вси коло його: тупъ! тупъ!...
А винъ соби якъ ставъ грошыма брязкотиты,—
Панъ на всю губу ставъ, и панынята диты.

—

А жинка?—що й казать!
Не знають люде, якъ и звать.
Въ сели вона була—Горпына,
Теперь, бачь, стала Аграфына,
А люде вси вовуть—Графыня,—

Графыня Власовна! (Бо батько бувъ Уласъ,
Старый,—що череду въ Глеваси довго пасъ).

—

Отъ!—наша Аграфына
Зачванылась, сопе—якъ паньская дытына.
Не знае въ чимъ ходыть,—вся въ золоти, въ шовкахъ!....
Каминня дороге блещыть на ій,—ажъ страхъ!....
На шіи, и въ ушахъ,
И на обохъ рукахъ.

—

Отъ наша пани все сыдыть соби въ свитлыци.
Сыдила довго,—а потимъ—
Якъ то трапляетця и всимъ,—
Маркотно стало молодыци,
Раденька-бъ зъ дому,—такъ куды-жъ?
Робыла-бъ що, такъ-же яки-жъ
Для панеи такой тутъ знайдутця роботы?....
Пишла-бъ пекты, варыть,
Взяла-бъ що прясты, шыть,—
Такъ до мужыцькыхъ дилъ не стало билышъ охоты.

—

Пишла до дзеркальця, поговорыла зъ нымъ,
Побачила себе въ намысти дорогимъ,
Побачила, що якъ вона похорошила!....
Та й засоромылась — що ажъ почервонила;
А слизонькы зъ обохъ и брызнулы очыць....
Занудылась! Нема знакомыхъ молодыць!....
А хочъ тамъ паньи й понаходять, —
Не знать по якому говорять, —
Ще билышую нудьгу наводять.

—

А Юрій Савычъ де? Нема його давно!
Зъ рикъ буде, якъ пустывсь на золоте винъ дно.
То сямъ, то тамъ соби винъ тысячки все удыть,
А жинка на мишкахъ червонцивъ свитомъ нудыть.

Хотила-бъ вже й назадъ изъ города въ село,
Де такъ колысь еи все весело було;
Хотилось-бы еи въ Глеваху,
Куму побачыть, титку, сваху,
Щобъ имъ усеньке росказать:
Що въ неи на сердци; а потимъ показать
Свое намыстечко и золоти сережкы,
И сукни, и хусткы, и паньски вси мережки,
Такы увесь свій скарбъ и вси свои перстни,—
Ничого безъ того не варты, бачь, воны.

—

А якъ-же ій туды? Пишечкомъ?... Збавы Боже!
Щобъ пани пишкы йшла? Отце, якъ то буть може?
А ихаты-жъ на чимъ?.... Стоить чумацькій визъ,—
Ище стоить,—що ихъ до Кыева прывизъ.
На вози тимъ изъ повсти будка,
Не змокла-бъ наша въ ней голубка,
И сонце тамъ не докуча.
Такъ не заманышь-же, хоть дай и калача.
И зъ будкою чумацькій визъ
Теперь доводыть насъ до слизъ:
Ну, румсать наша Аграфына
И въ день, и въ ничъ. Лыха годына!...

—

Надъихавъ нашъ купець. Що-жъ? Жинчины очки
Не осушаютця,—роздулысь, мовъ баньки.
Пытае жиночку купчына:
Яка тому плачу прычына?
А жиночка мовчыть, неначе якъ нима.
Не знаю, каже, я й сама,
Що въ мене на сердци, чого мени такъ нудно,
Нудьга така,—що жыть мени на свити трудно.

—

Ззывають миськыхъ дохтуривъ,
Нимецькыхъ всихъ оптекаривъ.....
Ти вси по своему шваргочуть,

Горпыну выличыты хочуть,
И вси кругомъ неи хлопочуть.....
Попы отчытують, щобъ часомъ въ цей недугъ
Не вкравсь якій нечыстый духъ,—
И все еи що разъ святою
Покропляють водою,
А все полегкости ни на волосъ нема.

—

Графыня Власовна вже бачыть и сама
Свою лыху годыну,
Що треба лизты въ домовыну,
Що всихъ зъ ума звела и муженька-купчыну,
А ще хотилось жыть,—вхопылась за зилья,
Злякалась, чы не давъ хто часомъ ій данья,
Що таки находылы якись на неи страхи,
Неначе чорты, якись злиталысь птахи.
Давай вона все пыть чортополохъ-траву,
Курытьця ремезомъ. Смалыла и сову,
За пазуху соби уживъ, гадюкъ, жабъ клала,
И все, що знахарка яка еи казала.
Що-жъ! Все жахаетця!—скризь сонъ, и наяву!—

—

На решти снытця ій, щобъ кынуты вси лики,
Та знахаркы пытать—безносои каликы.
Росказуе свій сонъ. Никому не въ догадь,
Де-бъ знахарку таку зискать.
Пыталы, не знайшлы. Послалы до Глевахи,
Щобъ вси пріихалы и родычи, и сбахы,
Та радоньку свою далы,
Чы знахаркы такои нема де въ ихъ сели,—
Якъ тутъ вона и есть! Безносая Грищиха,
Чы чари, чы прыстритъ, чы трясця, чы бешыха,—
Одъ всякого вона порадыть заразъ лыха.

—

Давай вона чымъ дужъ шептать
И въ воду угольки три-девять накыдать [1]);

[1]) *Вар.*: Девять разъ кидать.

Вода та въ горщечку потрошечку булькоче,
Шепнула ще: разъ, два!... вже якъ въ котли клекоче!....
„Ой! Панійка чогось притьмомъ бажа... и хоче!!...
„Та тутъ того намъ не достать,
„Що може сю биду прогнать....
„Чы то-бъ сказать: такее тилько зилье
„Росте въ лису... коло Трипилья.
„Його я тилько покажу
„И якъ копаты роскажу,
„А пани вже сама соби тамъ накопае
„И, не оглянувшись, митью назадъ втикае.
„Намъ треба ихаты у той конечно лисъ.
„Сидаймо, панійко, въ одинъ зъ тобою визъ".

—

—Охъ! не прыводь мене ты, знахарко, до злосты.
У визъ сидать?!! Мои рострусятця вси кости!....
Якъ тилько спамятаю визъ!!....
За серце стысне ажъ до слизъ!.... [1])
Тутъ зморщылась вона, скрывылась,
Здаетця й духу вже пустылась,
А потимъ трошкы одыйшла,
И ричь такую почала:

—

„Юрасю, серденько! Зробы мени ты ласку
„Ще передъ смертью разъ—купы мени каляску!....
„Уже-жъ мени, якъ бачь, оттакъ не пропадать,
„Поихать ще разъ въ лисъ, та зилля накопать.
„Гляды-жъ! каляска та була-бъ щобъ дуже паньска,
„Щобъ не трясла ныякъ—Виденьска, чы Варшавська.
„А той проклятый твій, оттой чумацькій визъ,
„Спалы ты на огни, щобъ винъ згоривъ и зслызъ,
„Щобъ винъ мени уже не попадавсь на очи...
„И знай, я не брешу, не примхи се жиночи.

---

[1]) *Вар*: Зариже въ животи до слизъ!...

„Той визъ мени — той визъ удався добре въ знакъ!....
„Винъ зачар-о-в-а-н-н-ы-й!!!...“ [1])

—

Визъ круть!—и сякъ, и такъ!....
Крутнувсь сюды й туды, а дали на опакъ....
Ще жиночка слаба не доказала казку,
Якъ визъ перевернувсь чумацькій на каляску
И коней хтось запригъ лыхую четверню —
Изъ низдръ, зъ ушей, зъ копытъ дають воны огню.
Въ каляску ту скикъ! скикъ! изъ видьмою Горпына,
Помчалысь, ажъ гуде по-надъ Днипромъ долына.... [2])
Въ короткій курточци бувъ кучеръ тутъ съ кота,
Якъ нимчыкъ выглядавъ зъ рижкамы безъ хвоста,
Червона шапочка на бакерь на рижкахъ,
Коротка люлечка вертилася въ зубкахъ,
А винъ знай вижкы натягае,
Та цупко коней поганяе.
А одъ осей, та одъ колисъ
Трышчить и падае весь лисъ....
Та якъ въ трисця воны помчалысь,
То ще и доси не верталысь.

—

Безъ воза-жъ, безъ свого, збанкрутывсь нашъ купець.
И що-жъ? — Повисывся, и казци тутъ конець.

Окт. 10 дня 1840,
въ Кыеви.

---

[1]) *Вар.*: Хтось чары зъ нымъ робывъ (или: мовъ чары въ йомъ поклавъ) упырь чы вовкулакъ.

[2]) *Въ вар. вставка*: Стоить Юрко якъ стовпъ. На смерть перелякавсь,
Якъ крейда побливъ, за голову хватывсь,
А дали винъ сплеснувъ рукамы,
Та тильки лупае очамы.

IX.

Казка.

Клымова капуста.

1.

Хочъ гримъ гремить,-та не велыкъ,
Не перехрестытця мужикъ:
А якъ пидыйметця тревога,
Тогди вже вси притьмомъ до Бога!
Такій-то вже ввесь людцькій ридъ,
Що наветь намъ самъ Богъ не вгодыть.
Якъ въ поли хлиба недоридъ,
То всякъ до Бога рукы зводыть;
А якъ зародыть Богъ и хлиба есть доволи,
Тогди друга бида,—що все дешевше соли.
„Знай тилько молоты,—ажъ прій!
„Та всеньке чисто перевій.
„Та й на базаръ везы—и жыто, и пшеныцю,
„И дармоидамъ тамъ оддай все за дурныцю;—
„На що намъ стилько Богъ пашни той уродывъ".
Отъ урожаемъ якъ Богъ людямъ догодывъ!
Отъ такъ и все съ людьмы,—не зъ намы, изо всимы!
Що жъ Богови й робыть изъ дурнями такымы?
Коли-бъ то зъ дурнями,—а то й зъ презлыми.

2.

Такій-то бувъ торикъ въ Глеваси урожай.
Капуста тамъ була,—хочъ греблю загачай.
Вези-жъ до Кыева,—а тамъ за визъ симъ грывень!
„А що бъ надъ нею тамъ не кукурикавъ пивень"!...

3.

„Чы знаешь, жинко, що?—до Хымки мовыть Клымъ—
„Капусту збудемъ мы, та тилько погодымъ.
„Пидъ часъ негоды въ грязь тамъ буде дорожнета:
„Тогди на грошыкы разставымъ мы тенета".

4.

Такъ же винъ и зробывъ, якъ самъ розумный знавъ.
Зъ капустою що день негоды поджидавъ;
А тамъ якъ полыло, росквасыло дорогу,
Винъ вставши до свита, та помолывшись Богу,
Капусту склавъ на два возы!...
Та заразъ и рушай—до Кыева везы....
Возы воловіи идуть—дви паровыци,
Въ дорогу жъ не бере зъ собою молодыци,
Нема й погоныча,—одынъ на двохъ возахъ:
Возыщи жъ тяжкіи—пройма ажъ Хымку страхъ.
„Узявъ бы ты мене,—до Клыма каже Хымка,—
„Погоныча нема,—такъ одбула-бъ се й жинка".
— Атъ! тамъ-то дуже треба васъ!
Возыты въ Кыевъ на показъ;
Твои очки якъ розбижатця,
То тамъ тоби не вгамоватьця,—
Черепья заразъ, та мысокъ
Накупышъ,—та й прощай зъ капустою возокъ!
Якъ иде чоловѣкъ одынъ у сири свытци,
То гроши вси його останутьця въ калытци.
А вже очипкы ти возыть,—
Щобъ тилько клопоту въ дорози наробыть...

5.

Поихавъ!... Иде винъ!... прыихавъ надъ долыну.
Зъ горы спускать... Капуста въ грязь та въ глыну!...
Якъ же се трапылось?—онъ такъ:
Клымъ въ голову забравъ, що зъ його-то й чумакъ,
Передныхъ волыкивъ винъ зводыть самъ пидъ гору,
А задни якъ попруть
У тую жъ саму пору,
Передній визъ—круть, круть!....
Обыдва разомъ повалылысь!...
На сылу самъ Клымъ одхватывсь,
А тобъ зъ душею тутъ простывсь...

6.

Стоить, сумуе Клымъ, не знае що й початы;
Давай на вси боки винъ Хымку велычаты:
„Наклала!... по пять кипъ капусты на возы!....
„Иды жъ теперъ сама до Кыева везы!...
„Казавъ не треба бильшъ якъ тилько по дви сотни,
„Такъ щожъ, послухае?—ни вчора, ни сёгодни!...
—Якъ билше накладешъ—дорогше продасы!...
„Щобъ тамъ тебе взялы зъ капустою бисы!...
„Отъ видьма бисова! Ище жъ пророковала:
„Погоныча не взявъ,—бида безъ його стала!....

7.

Въ дорози жъ не стоять. Клымъ выпрягши воливъ,
Въ разъ мусывъ кынутысь до зломаныхъ возивъ.
Тамъ триснула люшня, тамъ колесо, тамъ шпыця...
Ажъ плакавъ бы,—такъ винъ не баба—не годытця.
Давай налыгачи винъ ризать на шматкы,
Та ими звязовать поломани кускы.
То сякъ, то такъ винъ все скрутывши мотузкамы,
Ще довго порався винъ потимъ зъ головкамы.
Покы жъ склавъ на возы, то тутъ застала й ничъ.

—

Полизъ Клымъ спать на визъ,—неначе якъ на пичъ.
И сердывсь винъ, и злывсь, ажъ питъ проймавъ холодный,
Зубами цокотавъ одъ холоду-голодный!...
Бо хлиба зъ дому винъ не взявъ
На Кыевски млынци бачъ всю надію клавъ.
Тремтивъ, тремтивъ, въ одній свытынци!
Та все читавъ молытву Хымци.
Уже лягавъ винъ сякъ, и такъ,
На вози, и пидъ визъ,—сонъ не бере ни якъ!
Не спавшы—такъ винъ и проснувся,
Очима лупнувъ, да й проснувся (sic).

8.

Свитае! Клымъ чимдужъ возы свои запригъ,
И знову йде винъ за капустою на тиргъ.

На встричу йдутъ по тійжъ дорози
Якись кацапскіи обозы;
Возы порожнякомъ,—въ возахъ кацапы сплять.
Ажъ тутъ передній—глядь:
Возы ихъ вси стоять,
Наткнулись кони на рогатыхъ.
„Эй! слышь! я васъ, хохловъ проклятыхъ!...
„Съ дороги прочь воловъ!... хохолъ!...
„Не будь ты самъ упрямъ, какъ волъ!“
—Чого ты чванышься? ты бачъ,—я йду зъ вагою!
А ты соби иды дорогою другою.—
Тутъ вся схватылась кацапня,
Заворушылася—якъ тая порохня,—
Та вси на одного зъ кнутамы.
Давай имъ Клымъ кивать пьятами.

—

Погривъ соби винъ добре чубъ,
Покы утикъ,—сховавсь за дубъ,
Та звиттиль винъ и выглядае.
Зъ капустою возы обозъ перевертае...
Нашъ Клымъ за дубомъ безъ душы!...
Хотивъ крычать: „не ворыши!“
Такъ що жъ зъ кацапами ты вдіешь?
Хотивъ бы й лаять,—не посміешь.

9.

Капуста Клымова изнову вся въ грязи,
И на бокахъ лежать поломаны возы.
„Стонадцять купъ чортивъ вамъ, бисовы кацапы!...
„Коли бъ я змигъ,—та вы въ мои попалысь лапы!...
„Васъ шисть, а я одынъ,—да й зъ голымъ кулакомъ.
„Мій лигочаный (?) батигъ не боретця зъ кнутомъ,
„А тобъ я не втикавъ одъ васъ и одъ десятка.
„Не лучився тутъ килъ,—щаслива ваша матка.
„Ну—Хымко! яжъ тоби!... за острый твій языкъ!...
„Усяке зло мени пророчить винъ прывыкъ!!!...

„Капустонько моя!... чы зъ тебе ще що буде?!!...
„Чы знайдутця жъ таки у Кыеви ще люде,
„Щобъ за тебе мени хочъ пивъ рубля далы?...
„И я вже змордувався зъ тобою и волы"!

10.

Тутъ зновъ—дай лагодыть поломаны возы!
Та знову рятовать капусту изъ грязи!
А тутъ дощъ—якъ зъ видра!—а грязь, якъ каша тлуста,
Клымъ тишитця вже й тымъ, що выпралась капуста.
Якось излагодывсь, изнову йде Клымъ,
Уже и Кыевскій іому мелькае дымъ,
Уже мелькнула разъ и Кыевська дзвинныця.
Ну,—слава Богу!—тутъ вже всимъ бидамъ граныця.

11.

Такъ нитъ же бо, та й ни! не всю зна Клымъ ище биду [1]).
Въ базарній улыци болото—якъ въ аду!...
(А никуды: еи воно-бъ то можно и объихать,
Такъ Клымови жъ туды конечно треба въйхать)
Шубовсть!—зъ капустою у тую твань возы!...
Воламъ и Клымови прійшлось тонуть въ грязи.
Тутъ шкворень затрищавъ; тамъ вись переломылась.
Капуста изъ возивъ въ болото вся скотылась!...
А тутъ зо всихъ бокивъ крычать: „Пади! пади!"
И дитьця никуды!—хочъ ты тамъ пропады!...
„Мужикъ!—съ дороги прочь!"—За нымъ услидъ же тою
Дорогою тяглась карета четвернёю;
Якъ врижется вона въ ту грязь,
А кучеръ все кнутомъ всихъ коней: хлясь, да хлясь!
Ти кони—на дыбки! всю збрую перервалы,
А Клымови возы до щенту поламалы.

12.

Бижить полыція,—карету рятоваты,
Давай десятники за уши Клыма драты!
Щобъ выизджавъ винъ изъ болота.

[1]) *Въ подлинникѣ*: „не всю зна Клымъ, ный Клымъ ще биду"—очевидная описк

„Панове, змылуйтесь!—яка жъ мени охота
„Сыдить въ болоти цимъ?—Втечу, хочь прывяжы!...
„Каретамъ добре тутъ! Имъ Боже поможы!“...

13.

Зъ кареты молоди дви паньи выглядалы,
Здавалось, що кудысь на бенькетъ поспишалы.
Отъ, бачать, що имъ тутъ прійшлось бы ночевать,
Давай воны сами десятныкивъ прохать,
Щобъ перше Клыма рятовалы,
Бо ти його возы
Завязлы поперекъ дороги такъ въ грязи,
Що мисьця выихать карети не давалы.

14.

А тута,—якъ на те жъ!—хтось стадо гнавъ свыней,
Якъ вгледилы воны капусту, та до ней!...
Якъ кынутьця уси,—що ажъ въ болоти тонуть!...
Ихъ гонять, бьють,—воны жъ шаткують такъ ажъ стонуть!...
Що тилько й чуты: рохъ, рохъ, рохъ!—
А ихъ було тамъ сотъ до трохъ.
Чого жъ ще не дошатковалы,
То все на саме дно,
У тежъ таки багно,
Ногамы затопталы.

15.

Збижався весь базаръ,
На цюю дывовыжу,
Глядыть и малъ, и старъ
Та залываются одъ смиху,—ажъ не дышуть.

—

А тутъ прыскочила ище и дитвора,
Та вкрыла улыцю, якъ тая мошкара,
Капусту въ пелену—та въ ноги!—до двора!
Що жъ, Клыме, продавать капусту вже пора!“...

—

Було тутъ реготу и смиху,
Чужому, бачте, лыху.
Бо зъ лыха изъ свого нихто ще не сміявсь,
А иншій и слизми гиркыми облывався.
(Сёго бъ казать вамъ и не треба,
Да такъ сказалося про себе).

16.

Голосыть бидный Клымъ
Теперъ уже якъ баба,
Въ болоти сыдя якъ та жаба,
Та за капусту ту ставъ дяковаты всимъ:
„На що проклятая отця капуста й родыть?!!...
„Та и той, хто въ неи смакъ находыть!...
„Отъ—мучився!—отъ—прывизъ!—и думавъ, що продамъ
„Капусту чортову панамъ.
„Кому жъ отдавъ теперъ?—свынямъ!...
„Та Кыевськымъ москаленятамъ,
„Отъ-тымъ
„Чи я жъ имъ пидрядывсь возыты въ Кыевъ харчъ?...
„За що жъ теперъ куплю млынець соби, калачъ?!!...
„Я й самъ,—отъ! зъ голоду здыхаю!...
„А на чужыхъ свыней харчи я прыставляю!!!...

17.

Позбувшись Клымъ своихъ возивъ,
Забравъ батигъ винъ, та воливъ,
Прыходыть до господы,
А Хымка: „де жъ возы?—де жъ гроши?“—Годи жъ, годи!—
Дай перше йисты,—я захлявъ!...
Капусту и тебе въ дорози я проклявъ.
За грязью я й возы у Кыеви продавъ,
И гроши посадывъ,—подушне тамъ отдавъ!...
Капуста въ Кыеви теперъ такъ здешевила,
Що ни почимъ,—убый ей тамъ вража сыла!!...
На той рикъ на ей ни разу не копну;

Скопаю вси грядкы, насію тютюну;
Я осинью його въ папуши поскладаю,
Такъ вже и напередъ я знаю,
Не зъйсть його ни що, ни свыни, ни щури,
И гроши за його готовеньки беры.

18.

„Охъ!—знаемъ!—чулы мы!—йому на тее Хымка,—
„Розумный дуже ты!—дурна лышъ въ тебе жинка!..
„На що мене дурыть?
„Не лучше жъ правду говорыть?
„Возкы твои въ грязи тамъ въ Кыеви засилы,
„Капусточку мою въ тебе свынкы купылы,
„Жаль дуже,—що й тебе зъ капустою не зъйлы.
„Для ныхъ-бы може бъ бувъ и надто ты смачный,
„А жинци и диткамъ гиркій ты, та нудный!
„Що бъ ты такъ все платывъ,—та не за наши души,—
„А за свою бъ одну,—сыдивъ въ грязи по уши!“...

Останъ.

Листопада (ноября) 5 дня 1840 року у Кыеви.

X.

Мужыча казка.

Ни се, ни те, або Гапчынъ ставокъ.

У нашихъ мужикивъ
(Не тратячи даремно сливъ
Сказати: дурнивъ—просто;
А ихъ у всякому сели штукъ буде зо сто);
Такый обычай есть, изъ прадидивъ ведетця,—
Що батько сына оженывъ,
Овечку та свыню йому тамъ оддилывъ,
Тай зъ хаты въ шыю-геть!—нехай соби човпетця;
Покы то винъ соби на хату ще зобьетця,
То зъ жинкою изъ рокъ насыдитця въ землянци.

А тамъ,—колыску прыпасай,
Хрыстыны одбувай,—
Коня, вола нема,—а думай винъ объ няньци!...
Розумны горобци, розумны ластивки,
Що першъ воны зовьють гниздечка,
А тамъ уже кладуть яечка;
Чомъ-то не вывчатця одъ ныхъ и мужыкы?

—

Свырыдъ женывъ свого такъ Грыця.
Въ його довтипна молодыця
И самъ Грыць парень хочь куды;
И не було-бъ то имъ биды,
Та то бида, що Грыць не такъ ще розумненькій,
(А вже жъ не такъ и молоденькій,—
Боридку мавъ и усъ густенькій)
Все слухавъ жинки, слухавъ бабъ!...
А въ жинкы—кажуть-то,—яка-бъ тамъ не була-бъ,—
Волосье довгее,—а розумъ коротенькій.

—

Мынае ихъ веселью рикъ,
Давно вже Гапка няньчить сына,
А ще не скончена хатына;
Въ землянци каратають викъ,
Алежъ уже въ ихъ есть хливець
Для поросятъ и для овець.

—

Едного часу дожчъ такый полывсь въ землянку,
Що въ сылу врятовавъ Грыцько дытыну й няньку.
А на двори плыла рика,—
Не такъ-то щобъ була милка,—
Була Грыцьку по шыю.
Те дыво вгледившы, зрадила Гапка такъ,
Неначе давъ ей хтось пятакъ,
Що й розсказаты я невмію.
А дали зъ радощивъ якъ духъ перевела,
За шыю обома рукамы обняла

Грыцька,—та й каже: „Грыцю!...
(И чмокъ його то въ лобъ, то въ пыцю)
„Загатымъ мы ривчакъ от-цей.
„Послухай, серденько, Ганнуси ты своей:
То буде свій у насъ ставокъ;
„А потимъ выстроимъ млынокъ.
„Ты будешъ-мельникомъ!—я—буду рыбку удыть!...
„Тогди то заживемъ,—не будемъ свитомъ нудыть,
„Що въ насъ тутъ буде качынятъ!..
„Гусокъ и гусынятъ!...
„Я пирья назбыраю,
„Постиль соби прыдбаю.
И буде мягко намъ,—не такъ якъ на соломи,—
„А такъ, якъ въ паньскимъ доми;
„А лышнѣ продамо,
„Та купымъ мы корову,—
Зъ коровы волыкивъ колысь мы диждемо,
Та ныву выоремъ—здорову [1]),
„Насіемъ жыта и пшеныци;
Прыйдуть на толоку до насъ жать молодыци!...
„А якъ усе пожнемъ,
„И все змолотымъ мы, та въ Кыевъ повеземъ,
„Отъ тутъ-то, Грыцю,
„Згрибай ты золото въ копыцю!....
„Тогди вже годи намъ такъ гирько працювать.
„Мы пидемъ въ городъ жыть, та будемъ купцювать“!....

—

—Спасыби, мылая Гапусю, за цю раду,
Гатыть я ричку радъ хочъ заразъ до упаду.—
Давай воны у двохъ гатыть,
На греблю землю, гній носыть;
За тыждень якось загатылы,—
Ставокъ соби зробылы.
Въ ставку жъ: воды, воды!
Безъ човна й не ходы.

[1]) *Вар.* попову.

За скилькось днивъ въ ставку и жабы квакать сталы:
Въ Грыцька изъ радощивъ ажъ жижки задрыжалы.
—Гапусю, серденько! въ ставку вже й жабы есть!...
Ставокъ нашъ—хочъ куды!... Тоби и слава й честь!...—
Вона жъ йому на те: „Чи знаешъ же ты Грыцю;—
„Отце сказавъ ты не дурныцю;—
„Колы вже жабы есть,—то буде тамъ и рыба.
„Не будемъ черствого жовать зъ тобою хлиба.
„Хочъ буде рыбка та й маленька,
„Та зъ неи юшечка смачненька".

—

Колы жъ якъ добре прыпекло,—
Дожчу вже зъ мисяць не було,—
Такъ зъ нашого ставка зробылося болото[1]),
И жабамъ квакать тамъ мынулася охота.
А дали—высхло все, якъ наперед було,
И щастье Гапчино въ болото загуло.
Грыцько нашъ зъ Гапкою щось зъ три дни голосывъ.
А все те одъ того,
Що винъ ни въ одного
Розумного на те порады не просывъ.
Йому бъ одъ разу всякъ сказавъ,
Щобъ ставу зъ дощовой воды не загачавъ,
Щобъ лучше винъ косывъ, та жавъ,
И даромъ часу не втрачавъ.

—

Такыхъ у насъ Грыцькивъ ище й теперъ не трохы,
Що гатять гребли тамъ, де пишки ходять блохы,
Чогожъ у ныхъ такый короткій розумокъ?
Запевно одъ того, що слухають Гапокъ.

—

Се казка простымъ мужыкамъ.
Прыточымъ мы еи й къ панамъ.
Зъ ныхъ иншимъ кныжки господарьски,

---

[1]) *Вар.* Зробылось три болота.

Ще гиршъ якъ Гапкы и Параскы
Забылы паморокы такъ,
Що ставлять на води витрякъ;
А въ йому въ карты якъ замелють,—
Не треба имъ воды,—
Давай шампаньського сюды!...
Та батькивщыну всю й промелють!...
Та якъ скоштують вже и редькы й часныку,—
Тогди й зостанутьця при Гапчынимъ ставку.

Остапъ.

У Кыиви
18 Лыпця 1841 року.

XI.

БАЙКА.

Невистчына плахта.

Ма-буты чулы вы неразъ цю прыповистку:
„Якъ выннаго нема, то вси вынять невистку;
„А якъ невистка спыть, або слаба до ката,
„Тогди невистчина вже плахта выновата“.
Такій правдывый судъ промежъ людей ведетця,
Що чаще смырному по спыни достаетця.
Не все бачъ по коню, а й по оглобляхъ бьють.
А якъ,—згадайте,—якъ такыхъ людей зовуть?
Сто прызвищъ дайте имъ—то ще вы не вгадалы,
Хочъ бы отъ пастуха до князя всихъ згадалы.

—

Отъ я вамъ розскажу—а вы наставте ушы—
За що все за косы трясуть зъ невисткы груши?
И хто жъ трясе?—то свекоръ, то свекруха;
А якъ воны почнуть, то й мужъ ей—псяюха—
До неи жъ лизе зъ кулакомъ,
Хочъ покотысь вона клубкомъ,—
Ніякыми словамы,
Ни гиркымы слезамы

Не оборонытця вона,—ни помеломъ.
Невистци умырать прыходытця прытьмомъ!...

—

За що жъ въ семьй одна невистка выновата?
Сёго нихто не зна—бо покрышка ихъ хата.
Де есть невистка, въ хати тій
Пидслухать!—Прави вси и ледви не святы.
А грихъ и воркотня,—все пада на невистку,—
Неначе всимъ вона у въ очи сыпле прыску.

—

Чы ковбасу китъ зъивъ, чы сало у комори:
Уже невистци й горе!...
Хочъ тыждень бы вона изъ голоду здыхала,—
Не тилько щобъ не ила сала,
Чи грывня грошей десь подилась зъ капшука:
„Сяка невистка, та така!...
„Такъ, такъ!... Невисточка ту грывню просвыстала,
„Мабуть вона въ корчми въ недилю танцювала!“...
Никому не въ догадъ: чого въ ей свекрухы
Такъ часто червоніють ухы?...
Чого вона соби такая веселенька?...
Бо выпыта повненька!
Але жъ цыбулькою изъ хлибцемъ закусыла,
Щобъ духъ отбыло той—бый ей вража сыла!...
А на невистку все поклипъ,
Хочъ ій нелизе въ пельку хлибъ!

—

Пропало вчора козыня,
Зъ хлива сёгодни два ягнятки:
„То все невистчины ухваткы!...
„Вона проклятая хлива не зачыня!...
„Укландаетця рано спаткы!—
„А на двори блеють ягнятки!...
„А тее мусывъ вовкъ провидать!—
„Прыйшовъ ягнятокъ пообидать.

„Якъ не загнать ихъ до хлива?
„Ахъ ты!—проклята голова“...

—

Тымъ часомъ—якъ въ сели ци носятця догадки—
Невистчинъ батько спать не ставъ одъ цей загадкы.
За свекромъ доччынымъ чатуе сватъ Онысько
Глядь!—свекоръ ничью щось въ мишку несе до Прыськи!..

—

„Куды, дидусю, ты такъ пизно изъ двора?
„Уже-бъ твоимъ кисткамъ и спочивать пора.
„Куды ты?... що несешъ?—та й не въ мишку, въ плахтыни!...
—Гостынець Панъ-Отцю...—Се кавуны, та дыни...—
А дыни въ плахти тій вси разомъ ме-ке-ке!...
„Э! сватоньку, постій!... Се щось тутъ не таке!...
„Э! по ягнячому крычать у плахти дыни!...
„Святъ еси Господы! Аминь Його Святыни!...
„Не йсть, бра, въ Спасивку нашъ пипъ скоромныхъ дынь!
„Ся й стежка не къ йому... куды ты вже ни кынь,
Такъ буде тоби клынъ!...

—

—И я, бра, бачу вже, що я тутъ ошукавсь...
Я жъ на невистчини дильця не сподивавсь!...
Я думавъ зъ дому дыни взявъ,
Самъ звечора въ мишокъ въ комори ихъ складавъ,
Ажъ тутъ ягнята очутылысь!...
Та й не мишкомъ моимъ, а плахтою накрылысь!...
А плахта ся тоби ма-буты по знаку?
Ты замужъ въ ій оддавъ до насъ свою дочку?
Теперъ вона—якъ бачъ—негарно провынылась!...
Изъ кымсь-то, мае буть, оце вона здружилась;
Комусь-то припасла й гостынчикъ у плахтыни;
А я въ потёмкахъ—хапъ!—свой то буцимъ дыни...

—

„Таки-то дыни, Пане Свату,
„До Приськи носишъ ты у хату?...
„И носышъ ты що ночи!...

„Я вже прогледивъ очи,
„Поки тебе я пидстеригъ.
„Самъ Богъ мени теперъ помигъ
„Оборонить мою дытыну,
„Що въ васъ терпыть лыху годыну.
„Уси вы на свою напалыся невистку!
„Теперъ же я на васъ скажу всимъ добру вистку,—
„Щобъ зналы вси куткы,
„Якъ бидни въ свити невистки".

—

„Винъ плахту и ягнятъ забравъ,
„И свитомъ тее все въ громадьскій судъ отдавъ.

—

Якъ плахту тамъ уже и якъ ягнятъ судылы
Про тее не чутно,
Бо дiялось давно.
А свекра, кажуть-то, въ суди прохворостылы
На вси бокы,—ажъ мливъ—та вже тогди й пустылы.
Невисткамъ же усимъ полегчало на часъ,
А потимъ зновъ пишло, такъ якъ ведетця въ насъ.

—

Та ще теперъ и гиршъ ведетця;
Бо вже й чубамъ, якъ тимъ невисткамъ достаетця.
Теперъ вси Соцьки, вси Вiйты,
Якъ ти невистчыны плахты,—
Лупнувъ тамъ Справныкъ десь,—а имъ и не мынетця.

Остапъ.

У Кыеви,
16 Червця 1841 року.

XII.

БАЙКА.

Въ якомусь-то сели,
Якъ водытьця, прыйшлось брать хлопцивъ въ москали.
Була громадська схидка,

А соцького Петра боялись тамъ якъ дидька,
Бо бувъ богатый чмыръ и дужій вовкулакъ.
Винъ лышь роззявить ротъ, то вси крычать: такъ, такъ!
Тутъ ричь про некрутъ шла, а въ його сынъ бувъ злодій;
За нымъ була черга, щожъ каже нашъ добродій?
„Въ Горпыны у вдовы одынъ сынъ неборакъ,
„Його-то въ москали, бо бачьте—винъ биднякъ,
„Ни шкапы, ни вола не мае винъ въ пидводу,
„Земскихъ повинностей не одбувавъ винъ зроду,
„Та ще й лучаются покражи на сели;
„Ой, певне, що воны його рукъ не втиклы.
„А люде гримають на сына,
„Все на мого Грыцька.
„Отъ бачыте яка
„Моя лыха годына!...
„Що буцимъ-то мій Грыць
„Все краде, носыть до вдовиць,
„Та до хорошихъ молодыць
„А хто-жъ сёму повирыть,
„Щобъ кравъ мій Грыць! Давно винъ корцемъ гроши мирить.
„Ни!—винъ чужого не бажа.
„А сынъ вдовинъ мабуть не мае ни гроша.
„Якъ то ты думаешь, Тимоше?
„И вы, громада вся?—чи гоже
„Я прысудывъ, щобъ йшовъ у некруты батракъ?“...
Вси ревомъ заревлы:—його, його!... такъ, такъ!...
Одынъ Охримъ, старый, розумный и поважный,
Не даромъ на сели бувъ выборный прысяжный,
Озвавшись каже:—що, що! пане соцькій! якъ?...
Той кажешь злодій, хто биднякъ?
Якъ же то ты цёго докажешь,
Що на ввесь ротъ крычишъ и кажешь:
Той чесный хто богачъ, злодіи жъ бидняки,
Ихъ то и въ некруты! На що жъ очередны книжкы?
У тебе здатны вси сынкы,
Чотыры хлопци—парубкы;

А бидная вдова Горпына
Одного тилько мае сына,
Та ты й того оце злодюгою зробывъ?...
Такъ знай, що я твого въ комори самъ ловывъ;
Ловывъ неразъ твого я Грыця;
Въ рукахъ його була разъ плахта и спидныця,
А въ друге сала шматъ, да пять чи шисть ковбасъ,
До ныхъ, якъ китъ, винъ выдно ласъ.
Я: „що ты тутъ, небоже?“
А винъ:—ой Боже жъ мій! ой Боже!—
Я чубъ намявши и пустывъ,
Срамыть тебе зъ нымъ не хотивъ.
У некруты його!... А вы же що громадо?
За соцькимъ вси:—„такъ, такъ!“... якъ те баранне стадо.
Не такъ отъ звалы васъ и мирковаты: що, якъ!...
У насъ не чваньсь богачъ и не внывай биднякъ [1]).
Одинъ правдывый чоловикъ
Дурну громаду всю поборе,
А де його нема, тамъ горе:
Тамъ злодій буде паномъ викъ.

XIII.

Байка. [1])

Звѣриный мôръ.

Найшли всѣ бѣды на звѣрей,
Спôткала ихъ лыха годына,
Неначе за грѣхи людей,—
Уже зъ нихъ сдохла половина!
Чи пошесть то була, чи мôръ,
Не знавъ того ни жаденъ звѣръ.
Але-жъ—якъ всѣмъ прійшло вже круто,

[1]) Повынно все буть справедлыво,
Ходы всякъ просто, а не крыво.

[2]) Удерживаемъ правописаніе подлин., т. к. очевидно, авторъ хотѣлъ приблизиться къ правописанію Максимовича.

То спало зъ языкôвъ ихъ путо.
Давай воны у всѣхъ пытать,
И знахарôвъ такихъ шукать,
Щобъ имъ порадити умѣли,
И,—якъ спасаться научили.
Знайшли воны Крота.
Отшельникъ!... смирный!... чистота!...
Яка въ ёмъ доброта!...
Нема уже лѣпшого скота.
„Смирнесенькій! порадь и зжалься ты надъ нами!
„Не бôйсь насъ, не утѣкай одъ насъ тѣми норами!...
„Мôръ, голодъ и жара!—сѣхъ каръ намъ не знести!...
„Якъ зубы намъ свои и якъ шкурки спасти?
„Якъ бы намъ зъ саломъ уцѣлѣти,
„Щобъ не пропали наши дѣти?
„Несчастье се насъ всѣхъ до тебе привело,—
„Спытать тебе: за що терпимъ таке мы зло?“...
Смиренный Кротъ
Одъ посту свôй засохшій ротъ
Въ велику силу мôгъ роззявить,
Два зуба выставивъ и такъ до нихъ гугнявить:
„Охъ! бѣды си лихи:
„И мôръ, и голодъ,—все за наши се грѣхи!...
„Иначе жъ зъ нашихъ шкуръ грѣхôвъ не можно збути,
„Якъ тôлько кинутись всѣмъ треба до покуты [1]),
„Хто, якъ, чѣмъ зогрѣшивъ,—все вылявити треба [2]),
„И тѣмъ никóли бôльшъ не прогнѣвляти Неба“.
—Такъ, такъ!—мы грѣшны всѣ!... Одъ першого Осла,
Ажъ до послѣдняго смердючого Козла...
Самъ Левъ не правъ!... не права й Кôшка!...
Лизнули въ пôстъ мясця!... забулы, що то грѣшка!...
Кроту мы всѣ свои раскажемо грѣхи.—
„Охъ ваши на мене надѣи всѣ плохи!...

---

[1]) *Вар.*: якъ тилько треба всимъ удатысь до покуты.

[2]) *Вар.*: всимъ сповидатысь треба.

„Шукайте, хто святѣйшій,
„А я одъ всѣхъ грѣшнѣйшій!...
„Глядите: отъ вамъ Вовкъ! сто разъ мене смирнѣйшій [1])
„Хиба то голодъ ўже ажъ въ сукъ его зо́гне,
„Що по неволи во́нъ тогда когось давне;
„А то николи во́нъ не зробить даромъ шкоды.
„А я й безъ голоду,—щобъ мордочку свою
„Потѣшить,—все псую:
„Поля, лиса, сады, городы".
Тутъ го́рко кротикъ зарыдавъ,
Хочъ бачся и очей не мавъ,
А втершись лапкою во́нъ показавъ на воду,
И такъ сказавъ всему звѣриному народу:
„Щобъ зубки намъ свои и шкурочки спасти,
„До Щуки треба намъ грѣхи свои нести.
(Та якъ ити у тую воду
„Слѣпымъ кротамъ, не знавши броду!)
„О Щука постниця! Живе въ води сто лѣтъ,
„Разъ то́лько въ мѣсяць ѣстъ обѣдъ!..
„Вона въ свой довгій вѣкъ не зробить столько бѣдъ,
„Якъ я зроблю въ одно ихъ лѣто,—
„А все те одъ звѣрей въ моей норѣ закрыто"!...
Якъ то́лько Кро́тъ одсповѣдавсь
И всѣмъ въ грѣхахъ своихъ признавсь,
То заразъ переставъ у свѣтѣ Мо́ръ и Голодъ,—
И де була Жара, повѣявъ топкій Холодъ.

—

Були жъ колись таки кроты,
Що ўмѣли всѣхъ звѣрей спасти.
Кроты звѣрки слѣпы, чужихъ грѣхо́въ не бачуть,
А объ своихъ таки хоть по́дъ часъ Мору плачу́ть.
Не такъ якъ людскіе кроты,—
Сами не грѣшны—хочь умерти,

---

[1]) *Вар.*: передо мною Вовкъ сто, двисти разъ добрійщій.

А только другимъ все грѣхами колють очи,—
Що й слухать ихъ не стало мочи.
Колибъ намъ де знайти такихъ людскихъ кротовъ,
Тогда бъ то хлѣбъ родивъ,
А сѣно й поготовъ:
Кроты бъ земли не рыли,
А люде бъ ихъ любили,
И люде й звѣри смирно-бъ жили;
И ѣсти мали бъ що, и Бога бъ всѣ хвалили [1]).

Року 1841 мѣсяца Червця 28 дня
У Кыевѣ.

XIV.

Байка.

Выборъ женыхивъ.

Не кыдайсь першого купця,—
Чы другій буде,—не вгадаты;
Не завше трапышъ на слипця,
Щобъ мигъ йому й гныле продаты.
Покы ще свиженькій товаръ
Чимъ дужъ його зъ рукъ треба збуты,
А на лежале весь базаръ
Не хоче окомъ намыгнуты.

—

[1]) Въ черновой рукописи это нравоученіе изложено въ нѣсколькихъ сокращенныхъ редакціяхъ, изъ которыхъ наиболѣе обработанная слѣдующая:

Колыбъ дей намъ знайты теперъ такихъ кротивъ
Що дилъ худыхъ чужихъ не бачуть,
А о своихъ щоденно плачуть
И не таять своихъ грихивъ,
То одъ голодныхъ-бы и мы спаслись рокивъ.

Охъ!—ще не выйшла зъ головы
У мене й доси та Кулына!...
Якъ хочъ еи теперъ зовы,
Була то дивка якъ калына.

Сама билесенька якъ снигъ,
А щички й губкы червоненьки;
Ажъ бы вкусывъ, колыбъ прымигъ—
Отъ ти два яблочка повненьки!...

И що жъ за нею женыхи—
Не то ватагою—ордою,
Не яки небудь, а лыхи,
Що ажъ нема одъ ныхъ одбою.

Кулына жъ всимъ имъ на одризъ,
Що ій ити ще замужъ рано,
Що той женыхъ ще не подрисъ,
Кому на неи право дано.

Той бачишъ смирный якъ хомякъ,
А той глядыть все нибы скоса;
У всихъ що небудь та не такъ,
Одъ каждого заверне носа.

Йовтухъ, Нечыпоръ и Охримъ
Пишлы одъ неи зъ гарбузамы;
По квитци имъ прышыла всимъ,
Що ажъ заклецалы зубамы.

Петрусь бы всимъ бувъ женышокъ,—
Колыжъ—бородавка на носи!...
Павлусю бъ хтилось—такъ мишокъ
Не сміе свататьця и доси.

Оттакъ вси женыхы пройшлы
И не верталысь до Кулынкы;
А ій годочки йшлы да йшлы—
На щичкахъ провелы морщинкы.

А тамъ уже пидъ трыдцять пять;
Якъ вся пожовкла, зблякувала,

Весну другу де дивци взять;
Безъ женыхивъ зазимовала [1]).
А якъ, скажыте, сывыхъ кисъ
Дождавшись дивци, жыты въ свити?
Кулына йде доиты кизъ
Чужихъ, щобъ хлиба заробыты.
Вона тутъ стрилась зъ пастухомъ,
Уже й до сёго скалыть зубкы
И рада, що старый Пахомъ
До сывой прыгорнувсь голубкы.

XV.

Козлы.

Vitam impendere vero...
Veritas odium parit.

Щаслывъ той всякъ, хто Батька мавъ.
И ридную свою Матусенькою звавъ!...
Чому жъ не всякъ иде по батькивскій дорози,
А инши скачуть въ садъ чужій—якъ тіи козы?
Проклятымъ бачъ козломъ не овощь на уми,
Имъ кору зъ всихъ деревъ дай обгрызать зубамы.
Хочъ вышня безъ коры обгрызена й засохне,
Козлу що до того?—не сытъ винъ и не здохне.
Будь и высокій тынъ въ саду,
Козлыще вскочить на биду!...
И бьють за те козливъ, ламають имъ и рогы,
А все козлы въ чужій садъ скачуть безъ дорогы.
Такіи то козлы
Вси тіи люде злы,—
То що не женятця,—а роблятця батькамы.
Не тишатця дитьми, а чванятця рогамы.

---

[1]) *Вар.*: Давай вона й сама шукать,
Та женыхавъ вже не догнала.

Охъ!—всихъ бы тыхъ козливъ кыямы!...
Та шкуры зъ ныхъ зодрать,
Щобъ бильшъ имъ не вдалось въ чужи сады скакать.
Воны не думають о диткахъ,
Що роскыдають ихъ въ чужихъ садахъ—по клиткахъ,
На всихъ сучкахъ и виткахъ!
Кого жъ ти бидніи батьками будуть звать?...
И матерей своихъ якъ будуть шановать?...

Мѣсяца Лютого (Февраля) 2 дня
1842 року г. Кыевъ.

XVI.

Пѣсня.

(Старинная на новый ладъ).

Чи такъ у васъ, якъ у насъ,—
По полю кропывка,
По таляру молодець,
По шелягу дивка?...
Въ війско йдуть вси молодци,
Решта чумакують,
Любки бъ то у нихъ на сердци,
Да все бурлакують.
Зъ вечера нибы й любывъ,
Въ ранци—вже й забуде!...
Не боитця, що окпывъ,
Хочъ и лають люде,
А що жъ дивонькамъ робыть?
Знай—прядуть, да шіють!...
Хтилось бы то й имъ любить,
Да въ дивкахъ сывіють.
На калику одного
Десять бы знайшлося,

Колы жъ—чортъ визьмы его!—
Війно те ввелося!...
Дай, да дай—ще и поддай
За хорошу дивку;
А не то—за пичь сховай,
Колы маешь бридку.
Плюньтежъ въ очи молодцямъ,
Плюньте вы дивчата
Тимъ що дуже хвялять вамъ
Ваши оченята...
Що зозулькамы зовуть
И лебедкамы частують,
А за жонокъ не беруть,
Тилько такъ жартують.
Нехай мруть воны зъ нудьги,
Нехай васъ не бачуть;
Поки будуть вороги,
Нехай стогнуть, плачуть!...
За одну щиру любовь
Покажить имъ ласку,
А не тому, що готовъ
Здерты зъ васъ запаску.

XVII.

Пѣсня.[1]

(Харьковскимъ розмахомъ).

Зо всѣхъ пѣсень ця найкраща
Слухайте, ўважайте!
Бувъ Хведько собѣ ледащо,—
Не тѣмъ поминайте.
Пивъ, гулявъ винъ на пропале,
Не хотѣвъ робити.
Батько й мати радить стали...
Щобъ его жинити.

[1]) Удерживаемъ правописаніе подлинника.

Хведь спинаетця на дыбки:
„Не хочу, не хочу!
„Всѣ дѣвчата гидки, бридки!
„Одъ нихъ въ воду скочу!“...
Мати опустила й руки,
Батько й нôсъ повисивъ!
„Не роби жъ намъ сеи муки,
„Шибенику бѣсôвъ!“
Нѣчого зъ Хведькомъ чинити,—
Выбывсь усъ гарненькій,
А щобъ сына оженити
Не думай ты, ненько!
Тôлько разъ винъ каже: „Мамо!
„Часъ менѣ женитьця.
„Противъ шинку живеть прамо
„Чудо не вдовиця“!...
Матѣръ пôтъ пронявъ холодный!...
Впала, обомлѣла!...
А Хведь—стрибъ! гультяй, негодный!
Зновъ до свого дѣла!...
Винъ не слухавъ ни одъ кого
Бôльшъ ни якой рады,
Взявъ вдову соби небогу—
Въ тôмъ не бачивъ вады.
Тôлько жъ черезъ мѣсяць—близько
Давъ имъ Богъ новинку!...
Хведь бѣжить купить колиску!...
„А що?... Бачишь сынку“!!...
Хведь до жинки зъ кулаками!...
Жôнка зъ макогономъ!..
А старенька—съ слизоньками
Промежъ нихъ—розгономъ!...
„Що вы, що вы, мили дѣти!...
Не злякайте внука!...
„Стрѣлки ўже не воротити
„Пущеной зъ лука...

„Вы бъ очамъ своимъ сказали:
„Помацки не лазьте,
„Бачили що куповали,
„Ѣжьте жъ—хочъ вылазьте“!

XVIII.

Одъ Грыцька Перепелыченка

до Его милости Павла Королева (старика подагрика) повиншованье зъ именынами.

(Грыцько съ ношею за спиной входитъ къ именинникy и все говоритъ одинъ. Прочихъ лицъ нѣмыя сцены).

Магай-би Паночку!—добрыдень вамъ у хату!
Чи живъ, здоровенькій, Павлусю,—пане свату?
Я-жъ вамъ таки колысь продавъ фуръ зъ пять пшеныци.
И могорычъ пылы у ци жъ такы свитлыци.
Отъ це чи знаете (сказать, та не вбрехатысь):
Якъ причалапавъ я, щобъ зъ вамы повыдатысь?
Зобрався я на тиргъ у Кіевъ по неволи,
Не стало до борщу а ни дробыны соли;
Колы жъ стриваюсь тутъ—чи знаете—Охрима?—
Выходыть зъ церквы винъ, ажъ тута—рыпъ дверыма—
Выходыть и Свырыдъ; да й кажуть—„що ты знаешъ?
„Въ шынку ты й вывився, а въ церкви не буваешъ.
„Сегодни пипъ казавъ святого Павла зъ Хфева [1])
„Ходимъ же на ралець до Павла Королева.
„Винъ же нашъ добрый Панъ! Дай йому Боже зъ неба,
„Чого винъ самъ бажа, чого йому потреба!“
А я це якъ почувъ, да й ну чимчиковаты,
Ажъ чубъ упривъ, покы добривъ до вашой хаты.
Поздоровляю жъ васъ, Добродій Именынчикъ!
А це свыняче вамъ стегенце на гостынчикъ!
А це вамъ прядивця зъ повисьмо—або й билше,
Бо ваши панночки, я чувъ, прядуть не згирше!

[1]) Января 15 дня празднуется память св. Павла Ѳивейскаго.

(Хозяинъ благодаритъ и проситъ садиться. Жалуется на боль въ ногахъ, а Грицько преподаетъ свои совѣты).

Отъ це жъ я и прыйшовъ,—а ти десь забарылысь.
А що жъ, Добродію? отъ це вы щось скрывылысь?
Мабуты вы слаби?... Хоруете на ноги?...
Лыха годынонька!... А що жъ? нема й помоги?...
Мабуты се прыстритъ, або була бешыха!...
Далеко до добра, а блызько намъ до лыха!...
У насъ бувае й це, що часомъ пидлываютъ,
Да й завертки въ пашни псявиры завертаютъ.
Щобъ имъ такъ щелепы назадъ позавертало
(Все добре кажучы),—щобъ имъ добра не стало.
А все жъ ихъ завертка никому не мынетьця,
Хто заразъ знахара шукать не схаменетьця.

(Старикъ продолжаетъ жаловаться на боль въ ногахъ. Общій разговоръ. Накрываютъ на столъ къ обѣду. Гости начинаютъ сходиться. Между прочимъ Грицько продолжаетъ)

Отъ я вамъ що скажу: одъ насъ тамъ дуже блызько,
Въ лису на хутори живе старый Онысько,—
Винъ мае въ носи щось,—и ворожыть уміе!
Въ його млыни самъ чортъ ломать колысь не сміе.
Винъ зъ биса ворожбытъ, одъ разу угадае:
Що? якъ?—де вкрадено?—и вси винъ чары знае.
Чы одходыть данье, чы вылыть кому волосъ;
Уже що знахаръ винъ, въ одынъ крычать вси голосъ.
А ще у насъ въ сели кырпата есть Горпына.
О! й то ще знахарка!—Тилько лыха годына,
Що пишъ заборонывъ ій вже ворожыты,
Та ще й лякавъ тяжку покуту наложыты.
Таки, бачъ, Пан-отци теперъ у насъ насталы:
Хочъ выпре зъ тебе духъ—бабы щобъ не шепталы.
Отъ вамъ колыбъ таку Горпыну запровадыть,
Вона бъ за тыждень вамъ потрапыла порадыть.
Вона-бъ насмажившы—по своему—по просту,
Приклала-бъ вамъ до нигъ кориння живокосту,

То вы бъ за килька днивъ зъ постели зволоклыся,
А миськихъ дохтуривъ и бачыть зареклыся.
Бо то все нимчура, Бигъ знае, чимъ курують,
Своими ликами на смерть людей мордують.
Изъ чыряка воны изроблять и болячку,
А трасьцю обернуть уміють на гарячку.
Та ще й червиньци имъ давай за тую ласку,
А баби надто вже колы купывъ запаску.
Отъ такъ, Добродію!—Моя такая рада,
Що вамъ тыхъ Дохтуривъ—мовлявъ москаль—не нада,
А треба знахарку, таку щобъ кмитовала,
Якъ, чимъ порадыты—да щобъ и пошептала.

(Наступаетъ время обѣда. Грицько по приглашенію принимается по очереди за все, что видитъ на столѣ).

А що жъ?—чи се уже по едній выпыть мусымъ?
Та добре жъ!—выпыймо!—та й ковбасой закусымъ.
А це ще й борщъ?... а це и каша зъ вышкваркамы?...
А це й варенукы?... и юшка зъ галушкамы!...
А це и порося? я-жъ мяса вже не хочу,
А тильки шкурочку, бо свій живитъ наврочу.

(Пивши охотно за всякимъ блюдомъ, наконецъ начинаетъ отговариваться).

Охъ, годи-жъ пидлывать мени сей варенухи;
Бо посля цеи вже почервоніють ухи.
Та годи-жъ вамъ мене такъ дуже частоваты,
Ей-богу! билше вже не буду й коштоваты!...

(Помолясь и поблагодаривъ хозяевъ за хлѣбъ, за соль, Грыцько прощается и уходитъ).

Спасыби-жъ Богу—й вамъ! теперъ уже прощайте.
Якъ въ Хотовъ [1]) трапытыця,—то й вы насъ не мынайте,
Прощайте—жъ!—будьте вси здоровеньки посполу!
Нехай вамъ Бигъ дае здоровье й добру долю.

---

[1]) Хотовъ—село въ 12 верстахъ отъ Кіева, гдѣ живетъ Грыцько.

(Хозяину больному въ особенности желаетъ поправленія здоровья).

Нехай же васъ Павло святый такъ умоцюе
Въ здоровьи—якъ винъ самъ соби тамъ прымиркуе.
Спасеть же васъ Господь! спалать за вашу ласку!...

(Вышедши изъ гостей и идя дорогою самъ съ собою.)

Теперъ же часъ мени шукать свою Параску!...
Вона на вози десь зъ дытыною на мисти...
Тремтыть одъ холоду!—небога хоче й исты!...
Колыбъ зарання намъ допхатьця до господы!...
Та ну жъ!—не лай стара!—Я?—пьяный?...
Годижъ!... годи!...

(Окончаніе слѣдуетъ)

[1]) Стихотвореніе это представляетъ, повидимому, картинку съ натуры: по крайней мѣрѣ упоминаемый здѣсь П. Королевъ лицо не вымышленное (онъ служилъ въ духовной консисторіи).

Судьба экзарха Никифора въ западной Россіи.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

I.

Октябрьскій брестскій соборъ 1596 года, на которомъ предполагалось соединеніе православія съ католицизмомъ въ формѣ уніи, привелъ только къ раздору.

Издавна католическое правительство Польши заботилось въ своемъ государствѣ объ уніи и до конца XVI в. не теряло надежды видѣть соглашеніе церквей съ подчиненіемъ, конечно, православія католицизму; но теперь, на брестскомъ соборѣ, стороны рѣшительно убѣдились, что такое соединеніе вѣроисповѣданій не возможно. Представители двухъ главныхъ вѣроисповѣданій въ краѣ, съѣхавшіеся въ значительномъ количествѣ на этотъ соборъ, разсорились и предали другъ друга проклятію. Для католиковъ проклятіе православныхъ не имѣло, конечно, важныхъ послѣдствій: католицизмъ былъ религіею правительственною; на его сторонѣ стояла государственная власть. Хуже, разумѣется, пришлось православнымъ. Они лишились большинства своихъ епископовъ, перешедшихъ, по личнымъ разсчетамъ, въ унію, и терпѣли по мѣстамъ насилія со стороны католиковъ. Западно-русская церковь осиротѣла въ своемъ представительствѣ. Оставшіеся два епископа не могли управиться съ ея дѣлами, да и притомъ это были люди съ далеко небезупречнымъ прошлымъ. Что касается средняго православнаго духовенства, то—не далекое (чтобы не сказать сильнѣе) по своему развитію—оно заботилось лишь о своихъ личныхъ, жи-

тейскихъ нуждахъ и интересы своей частной жизни ставило выше интересовъ общества. Кромѣ того, оно стояло въ матеріально-имущественной зависимости отъ польскихъ пановъ, привыкшихъ сильно злоупотреблять своимъ правомъ раздаянія духовныхъ мѣстъ. Но хуже всего было то, что православная, западно-русская церковь послѣ брестскаго собора не имѣла митрополита (ея прежній митрополитъ перешелъ въ унію).

При такихъ-то обстоятельствахъ, православные обратились къ константинопольскому патріарху, которому оффиціально была подчинена западно-русская митрополія, представили на его разсмотрѣніе дѣяніе брестскаго собора и просили совѣта и помощи въ неравной, тяжелой борьбѣ съ уніатами и католиками. Въ то печальное время, по нѣсколько преувеличенному извѣстію документа, „*все христіанство* подвиглось до святѣйшаго патріарха изъ разныхъ мѣстъ и о томъ знати давати ему почали, просячи о ратунокъ“.

На константинопольскую патріаршую каѳедру вступилъ тогда, послѣ смерти Іереміи II, въ званіи пока мѣстоблюстителя, александрійскій патріархъ Мелетій Нигасъ.

Принято обыкновенно думать, что Мелетій Нигасъ былъ „хорошо знакомъ съ положеніемъ западно-русской митрополіи, съ которою не разъ сносился и прежде[1])“.

Конечно, переписка патріарха Мелетія Нигаса съ разными лицами западно-русской митрополіи, составившая цѣлый томъ сочиненій въ переводѣ на русскій языкъ[2]), фактъ слишкомъ очевидный, чтобы можно было что нибудь возразить противъ него, но мы осмѣлимся высказать свое положеніе, что одного письменнаго сношенія очень недостаточно для „хорошаго знакомства“ съ какою бы то ни было страной, а тѣмъ болѣе такой, какъ западная Русь, гдѣ издавна сталкивались самые разнородные религіозные интересы, которые могли быть хорошо поняты только на мѣстѣ. Факты очень печальнаго свойства

[1]) Макарій—„Исторія русской церкви“, т. X, стр. 242. Мнѣніе пр. Макарія повторено многими изслѣдователями.

[2]) Второй томъ „Мелетія Нигаса“ И. И. Малышевскаго.

подтверждаютъ справедливость нашего положенія. Напримѣръ, патріархъ Іеремія II не разъ сносился съ южнорусскою митрополіею, писалъ въ нее не одно посланіе; мало того, онъ даже не малое время жилъ въ предѣлахъ западной Руси и, слѣдовательно, имѣлъ хорошій случай непосредственнаго знакомства съ дѣлами западнорусской митрополіи, и однако, при всемъ томъ, какъ скудны, неправильны были его свѣдѣнія о западнорусской церкви! Развѣ мало повредилъ онъ ея интересамъ своимъ нетактичнымъ вмѣшательствомъ въ ея дѣла? Если люди, постоянно жившіе въ предѣлахъ польско-литовскаго королевства, порою становились въ тупикъ предъ многими явленіями ея жизни, ошибались въ ихъ дѣйствіяхъ, терялись, не знали что дѣлать и невольно приходили къ сознанію, что для участія въ дѣлахъ своей родной церкви имъ недоставало пониманія ея интересовъ, то тѣмъ страннѣе утверждать, что далекій восточный патріархъ былъ хорошо знакомъ съ южнорусскою церковью на основаніи одной переписки...

Братства... На нихъ была одна надежда. Правда, они держались дружно. Виленскіе и особенно львовскіе братчики, въ ряду которыхъ числились выдающіеся представители дворянскихъ родовъ западной Россіи, упорно отстаивали интересы какъ своихъ общинъ, такъ и вообще интересы своего православнаго края. Они не разъ заносили жалобы на несправедливыя отношенія къ нимъ уніатовъ и католиковъ въ городскія актовыя книги. Но если справедливо то, что о всякомъ дѣлѣ изслѣдователь долженъ судить по его окончательнымъ результатамъ, то должно сказать, что въ итогѣ дѣятельности братствъ оказалось, въ сущности, очень мало утѣшительнаго для православной южнорусской церкви того времени. Не прошло даже пятнадцати лѣтъ послѣ брестской уніи, какъ всѣ почти дворянскіе православные роды перешли въ католицизмъ, или протестантизмъ, и изумленный свидѣтель событія имѣлъ полное право оплакивать измѣну лучшихъ представителей православія сильнымъ энергическимъ воплемъ отъ лица своей родной, православной церкви. „Гдѣ неоцѣненные камни моего вѣнца, славные роды русскихъ князей, какъ-бы плачетъ южно-

русская церковь описываемаго времени, князья Слуцкіе, Заславскіе, Збаражскіе, Вышневецкіе, Сангушки, Чарторыйскіе, Пронскіе, Рожинскіе, Соломерецкіе, Головчинскіе, Коширскіе, Массальскіе, Горскіе, Соколинскіе, Лукомскіе, Пузыны, и другіе безъ числа?" Въ „Θриносѣ" Мелетія Смотрицкаго оплаканы почти всѣ дворянскіе роды православной южной руси.

Князь Константинъ Острожскій... Конечно, онъ былъ вліятеленъ по своему фамильно-государственному положенію (какъ сенаторъ и потомокъ стариннаго рода), могущественъ по своему богатству и силѣ (какъ владѣтель огромнаго имѣнія, приносившаго, если вѣрить польскимъ историкамъ, до 2,000,000 злотыхъ; замѣтимъ, что „злотъ", „злотый", нынѣ 15 копѣекъ, въ то время цѣнился почти въ 20 разъ больше), энергиченъ и дѣятеленъ, по своему характеру и темпераменту. Въ это критическое время для западнорусской церкви онъ былъ даже назначенъ патріархомъ Мелетіемъ — экзархомъ южнорусской митрополіи на ряду съ Гедеономъ, епископомъ львовскимъ, и Кирилломъ Лукарисомъ, протосингелломъ. Но изслѣдователь потратилъ бы напрасно время, если бы, соблазнившись громкимъ, новымъ титуломъ князя-экзарха патріаршаго престола, подумалъ, что съ нимъ открылся новый какой нибудь періодъ его дѣятельности и сталъ бы искать въ его дальнѣйшей жизни какихъ либо особенно важныхъ предпріятій на защиту православной церкви. Все лучшее, что могъ сдѣлать князь Острожскій для защиты своей вѣры и народа, было имъ сдѣлано раньше (основаніе острожской типографіи и школы, заботы объ уніи безъ нарушенія сущности православія, защита національныхъ правъ своего народа на польско-литовскихъ сеймахъ, противодѣйствіе уніи на окончательномъ брестскомъ соборѣ 1596 г.). Теперь, на закатѣ дней своихъ, онъ постепенно охладѣваетъ въ своей продолжительной и тяжелой роли защитника православной церкви. Испытавъ многія средства защиты ея интересовъ, какъ законныя, такъ и незаконныя (участіе князя въ казацкихъ бунтахъ, вызванныхъ слухами объ уніи, не подлежитъ сомнѣнію), онъ утомился въ своей роли. Правда, онъ и теперь присутствуетъ на второмъ протестантскомъ сеймѣ, къ нему

по прежнему обращаются за совѣтомъ и помощью разныя братства, предъ нимъ заискиваетъ даже папа, никогда, впрочемъ, не терявшій надежды склонить могущественнаго князя Острожскаго къ своему трону, и теперь еще, по старой привычкѣ, онъ участвуетъ во многихъ церковно-общественныхъ дѣлахъ, но это уже не та горячая, энергическая дѣятельность пылкаго, рѣшительнаго князя, а спокойная, ровная и какъ бы равнодушная дѣятельность человѣка усталаго, требующаго себѣ больше внутренняго спокойствія, чѣмъ внѣшнихъ впечатлѣній. Поживъ на свѣтѣ 70 лѣтъ, князь теперь сталъ предаваться меланхолическимъ настроеніямъ и часто подумывалъ о томъ, „ижъ крутно зъ свѣтомъ разставатися“. Время князя миновало. Онъ тихо доживалъ свой длинный вѣкъ. Такъ яркіе лучи предъ закатомъ солнца блестятъ и свѣтятъ, но не грѣютъ. Никогда, кажется, роль экзарха не была такъ не кстати, какъ въ отношеніи къ князю Константину Константиновичу Острожскому послѣ брестскаго собора. Экзаршество было не болѣе какъ лишнимъ эпитетомъ въ длинномъ княжескомъ титулѣ. До какой степени князь Острожскій былъ безсиленъ въ своей роли экзарха, объ этомъ можно судить по тому обстоятельству, что онъ не могъ выручить изъ бѣды константинопольскаго протосингелла Никифора, котораго самъ же вызвалъ въ Острогъ и котораго постигла въ западной Руси печальная судьба: онъ сдѣлался жертвою интригъ польскаго правительства, преслѣдовавшаго въ то время узко-національныя, политическія цѣли въ своемъ разноплеменномъ и крайне неопредѣленномъ, по своимъ этнографическимъ предѣламъ, государствѣ.

Прежде чѣмъ перейти къ разсказу этихъ интригъ, познакомимся въ общихъ чертахъ съ жизнью Никифора.

II.

Исторія не сохранила намъ подробныхъ и точныхъ свѣдѣній о жизни Никифора. Поэтому, въ его біографіи намъ приходится ограничиваться предположеніями и тѣмъ немногимъ

историческимъ матеріаломъ, какой даютъ намъ южнорусскіе документы конца XVI вѣка.

По всей вѣроятности, протосингеллъ Никифоръ былъ родомъ изъ Греціи, гдѣ и получилъ свое первоначальное образованіе. По обычаю того времени, онъ отправился въ Италію для обученія наукамъ. Нѣкоторое время онъ былъ учителемъ различныхъ наукъ въ падуанскомъ высшемъ училищѣ, потомъ семь лѣтъ проповѣдывалъ при одной церкви въ Венеціи. Воспользовавшись вліяніемъ своей сестры, которая была одною изъ женъ султана, онъ вошелъ въ дружеское расположеніе правителей Турціи и слылъ, вообще, за человѣка вліятельнаго („великои ваги“). Быть можетъ, вслѣдствіе этого именно своего положенія, онъ приблизился къ тогдашнему константинопольскому патріарху Іереміи II и въ 1592 году возведенъ былъ въ почетное знаніе великаго протосингелла и экзарха константинопольскаго патріарха.

Въ званіи протосингелла Никифоръ два раза управлялъ константинопольской патріархіей въ 1592 — 1594 годахъ. Въ польско-литовскомъ государствѣ подготовлялась въ это время унія, и до Константинополя стали доходить тревожныя извѣстія о желаніи большинства западнорусскихъ епископовъ перейти въ унію. Львовское братство въ 1592 году писало объ этомъ патріарху и просило его прислать въ западную Русь какое нибудь уполномоченное лицо для прекращенія замѣшательствъ, возникшихъ вслѣдствіе этихъ слуховъ объ уніи. Объ этомъ-же писалъ патріарху князь Острожскій и другіе защитники западнорусской церкви. Константинъ Константиновичъ Острожскій кромѣ того просилъ еще патріарха прислать ему для устройства его острожской школы какого нибудь опытнаго дидаскала, который-бы зналъ греческій языкъ и могъ хорошо поставить обученіе въ школѣ. Никифоръ согласился принять предложеніе князя Острожскаго и отправился въ югозападную Русь собственно „для наученія дитокъ“. Ему-же, кажется, было поручено патріархомъ за одно устроить дѣла западнорусской церкви. Никифоръ приготовился уже къ отъѣзду, но совершенно непредвидѣнныя обстоятельства случайно задержали его въ Константинополѣ.

Случилось такъ, что валашскій господарскій престолъ, послѣ смерти воеводы Петра, оставался въ то время не занятымъ. Турецкій султанъ давно имѣлъ виды на Валахію; онъ хотѣлъ уравнять ее въ административномъ отношеніи съ другими турецкими провинціями и „посадити на то господарство своего турчина“ (Валахія пользовалась правомъ самоуправленія, но въ то-же время считалась административно-зависимою отъ Турціи). Христіанское населеніе Валахіи сильно встрѣвожилось. Оно всѣми силами старалось отстранить отъ себя турецкаго кандидата (боялось, чтобы „близко христіанъ турокъ не засѣлъ“). Протосингеллъ Никифоръ принялъ дѣятельное участіе въ положеніи Валахіи, и, благодаря его ходатайству при константинопольскомъ дворѣ, господаремъ былъ избранъ нѣкто Ааронъ—христіанинъ. Султанъ былъ умилостивленъ большими подарками, занятыми Ааономъ подъ поручительствомъ Никифора. Когда, такимъ образомъ, волошскія дѣла въ Константинополѣ были устроены, Никифоръ отправился въ Литву и по дорогѣ остановился въ Валахіи, гдѣ видѣлся съ Ааономъ и совѣщался съ нимъ объ уплатѣ долга. Въ это время онъ получилъ новыя посланія изъ Литвы, въ которыхъ православные просили его не медлить пріѣздомъ; но обстоятельства складывались очень неблагопріятно для дальнѣйшаго путешествія Никифора. Его снова задержали. Коронный польскій гетманъ Янъ Замойскій вошелъ въ Валахію съ 6,000 войска и предъявилъ своего кандидата на валашское господарство—Іеремію Могилу. Перекопскій ханъ, не желавшій, чтобы Іеремія—кандидатъ поляковъ—занималъ валашскій престолъ, послалъ въ Валахію 80,000 войска препятствовать намѣреніямъ Яна Замойскаго. Султанъ въ свою очередь тоже не легко могъ отказаться отъ желанія видѣть на валашскомъ господарствѣ своего кандидата и тоже послалъ въ Валахію свое войско подъ начальствомъ Синамъ-паши. Въ Валахіи открылись еще большіе раздоры. Ея положеніе было критическое. При такихъ обстоятельствахъ, Іеремія и валашскіе паны „съ плачомъ“ просили Никифора „яко отца“, чтобы онъ, какъ человѣкъ съ сильными связями, уладилъ какъ нибудь это дѣло и „души христіанскія изъ неволи и смерти выбавилъ“. Никифоръ, уступая

просьбамъ, взялъ на себя невыплаченный долгъ Аарона, принялъ сторону Іереміи и убѣдилъ султана и перекопскаго хана признать господаремъ Іеремію. При этомъ, онъ уговорилъ поляковъ согласиться, чтобы Іеремія, возведенный ими на валашское господарство, присягнулъ султану на вѣрноподданичество, потому что только подъ этимъ условіемъ возможно было отступленіе турокъ. Султанъ получилъ новые подарки, Іеремія остался господаремъ, и Валахія успокоилась. Никифоръ отправился дальше.

Лишь только вступилъ онъ въ предѣлы польско-литовскаго государства, его задержали пограничныя власти и заключили въ тюрьму, какъ человѣка подозрительнаго, переѣхавшаго границу въ непокойное время. Въ это зремя въ 1595 году вышелъ окружной королевскій указъ ко всѣмъ пограничнымъ властямъ, въ которомъ строго „заказовалось, абы жадного посла, а ни листовъ отъ патріарха константинопольскаго не пропущано“. Въ силу этого указа, Никифора и арестовали. Въ положеніи арестанта Никифоръ пробылъ больше шести мѣсяцевъ. Такъ какъ его съ нетерпѣніемъ ожидали на Волыни, то онъ „зъ везенья ушолъ“, подражая въ этомъ случаѣ, какъ онъ самъ потомъ говорилъ, примѣру апостола Павла, который для блага христіанской проповѣди, „въ кошу по стѣнѣ, спустившися, утекъ“. Лѣтомъ или въ началѣ осени 1596 года онъ былъ уже у князя Константина Константиновича Острожскаго въ Острогѣ.

Прибытіе въ южную Русь экзарха Никифора—лица съ столь важными церковно-административными полномочіями—имѣло большое значеніе для православныхъ. Явившійся представитель восточной церкви напомнилъ уніатамъ о единствѣ православія, при которомъ всякое сепаративное уклоненіе епископовъ отъ восточной церкви должно быть наказано, какъ незаконное. Протосингеллъ остановился у князя Острожскаго, который съ литовскимъ дворянствомъ принялъ его съ подобающею честью и послалъ къ королю посольство съ донесеніемъ о пріѣздѣ представителя восточной церкви.

Знакомясь на мѣстѣ съ положеніемъ церковныхъ дѣлъ въ западной Россіи, экзархъ встрѣтилъ множество самыхъ разно-

рѣчивыхъ слуховъ о митрополитѣ; но онъ былъ слишкомъ остороженъ для того, чтобы придавать этимъ слухамъ достовѣрность. Онъ обратился къ самому митрополиту съ письмомъ, въ которомъ просилъ сказать ему что нибудь опредѣленное относительно своего участія въ уніи.

Митрополитъ ничего не отвѣчалъ на запросъ протосингелла и продолжалъ вести свою крайне неопредѣленную политику въ отношеніи къ православнымъ. Положеніе митрополита рѣшительно выяснилось на окончательномъ брестскомъ соборѣ 1596 года.

За день до открытія этого собора Никифоръ вторично писалъ посланіе къ митрополиту отъ своего имени и отъ имени Кирилла Лукариса, экзарха александрійскаго престола, прибывшаго тоже на соборъ въ Брестъ. Въ этомъ второмъ посланіи восточные экзархи напоминали какъ митрополиту, такъ и православнымъ епископамъ, согласившимся на унію, о своемъ пріѣздѣ и приглашали ихъ для совѣщанія, съ прибавкою, что они, какъ намѣстники патріарховъ, ждутъ должнаго къ себѣ почтенія... Посламъ экзарховъ былъ данъ короткій, дипломатически-двусмысленный отвѣтъ:

— Посмотримъ..... Если намъ угодно будетъ придти, мы придемъ.

Они не явились.

Оба протосингелла были задѣты въ своемъ честолюбіи такимъ невнимательнымъ отношеніемъ митрополита къ ихъ посланіямъ. Не дождавшись ни митрополита, ни его сообщниковъ-епископовъ, православные открыли соборъ подъ предсѣдательствомъ восточныхъ экзарховъ Никифора и Кирилла въ частномъ, кажется, протестантскомъ домѣ Райскаго, гдѣ остановился князь Острожскій. Соборъ православныхъ въ протестантскомъ домѣ—явленіе странное; но для объясненія его нужно принять во вниманіе, во первыхъ, близкія, дружелюбныя отношенія въ то время православныхъ и протестантовъ западно-русскаго края, а, во вторыхъ, особое распоряженіе братскаго епископа Ипатія Поцѣя запереть въ городѣ всѣ православные храмы—обычныя мѣста соборныхъ засѣданій. Никифоръ, какъ предсѣдатель православнаго собора, заявилъ всѣмъ собравшимся для совѣщанія,

что „хотя митрополитъ и находящіеся при немъ епископы (согласившіеся на унію), поступаютъ противозаконно, но мы (православные), не подражая имъ, будемъ поступать согласно съ (церковными) правилами".

Мы не станемъ разсказывать о дальнѣйшемъ участіи Никифора въ соборныхъ засѣданіяхъ, потому что это значило-бы разсказывать всю исторію брестскаго православнаго собора 1596 года. Замѣтимъ только, что Никифоръ съумѣлъ провести свою роль предсѣдателя очень авторитетно и тактично. Когда послѣ перваго отказа отступниковъ-епископовъ явиться на соборъ, православные потребовали ихъ осужденія, Никифоръ не согласился съ такою преждевременною и, потому, крайнею мѣрою и отправилъ къ митрополиту посольство съ вторичнымъ приглашеніемъ на соборъ. Послы воротились и передали собору, что были приняты митрополитомъ съ яростью и презрѣніемъ и отправлены безъ отвѣта". Митрополитъ сказалъ только:

— Напрасно насъ ждете, мы не придемъ.

Православные, выслушавъ такой дерзкій отвѣтъ, снова потребовали немедленнаго осужденія отступниковъ.

— Мы должны исполнить всё, что предписываютъ правила, отвѣтилъ Никифоръ и, согласно евангельскому совѣту три раза обращаться къ заблудившему въ вѣрѣ, назначилъ третье и послѣднее посольство къ митрополиту. На этотъ разъ посольству былъ данъ такой отвѣтъ:

— Что сдѣлалось, то сдѣлалось... иначе быть не могло... мы отдались западной церкви.

Послѣ этого оставалось произнести осужденіе уніатамъ, такъ какъ намѣренія ихъ теперь стали очевидны.

Въ длинной, риторической рѣчи Никифоръ изложилъ тогда бѣдственное положеніе западнорусской церкви: пренебрежительное отношеніе митрополита къ патріарху, измѣну его православію, своекорыстное влеченіе епископовъ уніатовъ къ личнымъ выгодамъ и волненія, происшедшія по этому поводу въ православной церкви. Протосингеллъ пожелалъ подробно узнать, когда и при какихъ обстоятельствахъ измѣнилъ митрополитъ своей вѣрѣ. Тогда всталъ съ своего мѣста архимандритъ кіевскій и

вкратцѣ изложилъ всю исторію отступленія митрополита и владыкъ отъ православія.

Когда всё было разобрано и обсужено соборомъ, Никифоръ въ заключительномъ засѣданіи собора произнесъ вторую рѣчь, въ которой пунктально изложилъ главныя вины митрополита и епископовъ, отдавшихся уніи. Когда рѣчь была кончена, соборъ „сталъ налегать“ на низложеніи виновныхъ.

Тогда Никифоръ сталъ на высокомъ мѣстѣ и, держа въ правой рукѣ крестъ, а въ лѣвой св. Евангеліе, прочелъ въ всеуслышаніе „апофасисъ“, т. е. декретъ, которымъ отступники-епископы низлагались съ своихъ мѣстъ. Этотъ декретъ былъ возвѣщенъ уніатамъ чрезъ особаго посла, которому поручалось сказать епископамъ такія слова:

— Знайте, что за ваше новомысліе, отступничество и непокорность божественнымъ и святымъ правиламъ вы низложены съ своихъ іерархическихъ званій.

Такъ „экзархъ Никифоръ, имѣя полную власть отъ святѣйшаго патріарха со всѣмъ соборомъ... Михайла Рагозу, митрополиту, со всѣми его единомышленниками уніатами, изъ достоинствъ, яко правоприсящцовъ патріаршихъ, низвергъ и анаѳемѣ или проклятію предалъ“.

По окончаніи собора князь Острожскій увезъ Никифора съ собою въ Острогъ, гдѣ грекъ-дидаскалъ занимался на досугѣ обученіемъ дѣтей въ острожской школѣ. Но не долго продолжалось покойное пребываніе Никифора въ Острогѣ. Польское правительство и уніаты были очень недовольны вмѣшательствомъ Никифора въ дѣла западнорусской, православной церкви. Они искали повода поколебать авторитетъ предсѣдателя православнаго брестскаго собора и еще до этого собора распространяли о Никифорѣ неосновательные слухи, будто бы онъ былъ шпіономъ. Но тогда эти слухи не могли имѣть серьезнаго значенія въ виду недоказанности факта. Послѣ собора, скоро представился удобный поводъ для обличенія Никифора въ разныхъ небывалыхъ преступленіяхъ. Его привлекли къ суду и подняли шумный, для того времени очень сложный процессъ, кончившійся печальною развязкою для подсудимаго.

Дѣло началось съ маловажныхъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ дѣятельностью Никифора, обстоятельствъ [1]).

III.

Позднею осенью 1596 года чрезъ „маетность пана гетмана короннаго“ Замойскаго проѣзжалъ Янъ волошанинъ (родомъ изъ Валахіи). Его послалъ князь Константинъ Острожскій въ Валахію съ порученіемъ купить турецкихъ лошадей.

Хотѣлось ли князю усилить свою конницу, или ему понадобились лошади для пышныхъ выѣздовъ, къ которымъ онъ, какъ и всѣ знатные польскіе дворяне того времени, имѣлъ большую страсть, неизвѣстно да и не важно; извѣстно только, что волохъ былъ отправленъ съ этою именно цѣлью и имѣлъ пропускную грамоту въ самую Валахію.

Кто знакомъ съ проѣздными осенними дорогами западнорусскаго края въ настоящее даже время, этими непроходимо грязными, узкими и иногда совершенно теряющимися въ лѣсахъ и поляхъ дорогами, тому легко понять очень не веселое настроеніе путника по этимъ дорогамъ въ XVI вѣкѣ. Нуть изъ Острога въ Валахію лежалъ чрезъ нынѣшнюю подольскую губернію, сѣверную часть бессарабской и Молдавію. Этою дорогою сообщались православные съ восточными патріархами, ею и отправился Янъ волохъ.

Показался Шаргородъ, въ то время очень незначительное мѣстечко, принадлежавшее имѣнію графа Замойскаго. Янъ зналъ, что здѣсь жили нѣкоторые его земляки — волошане, съ кото-

---

[1]) При изложеніи судебнаго процесса Никифора мы, главнымъ образомъ, пользовались данными трехъ историческихъ документовъ: „слѣдственнаго дѣла объ экзархѣ Никифорѣ“ (Акт. Зап. Росс. т. IV, № 117, стр. 159—165), „Перестроги“ (Акты Зап. Росс. т. IV, № 149, страницы 213 — 220) и „извлеченія изъ рукописи, содержащей описаніе Варшавскаго сейма, въ февралѣ и мартѣ 1597 года“ („Матеріалы для исторіи западнорусской церкви“. Приложеніе къ 1-му тому сочиненія Голубева: „Петръ Могила и его сподвижники“, № XV, стр. 46—60).

Первые два источника, вышедшіе изъ подъ пера православныхъ апологетовъ, говорятъ о Никифорѣ, какъ о мученикѣ за вѣру православную, невинной жертвѣ польскихъ интригъ; третій источникъ съ объективною сухостью и довольно точною

рыми онъ былъ „доброй мысли“. Онъ рѣшилъ остановиться въ Шаргородѣ и отдохнуть. Онъ былъ при деньгахъ и хорошо сознавалъ, куда и зачѣмъ идетъ. Торбу свою Янъ особенно берегъ, такъ какъ въ ней, кромѣ денегъ, находились письма князя Острожскаго и кромѣ того четыре письма какого то Пафнутія монаха къ разнымъ лицамъ, жившимъ въ Валахіи и Турціи. Всё было-бы хорошо, если-бы Янъ, сознавая важность своей миссіи, остерегался выпивать лишнее по дорогѣ, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ имѣнія гетмана Замойскаго, который находился не въ ладахъ съ княземъ Острожскимъ. Но случилось какъ разъ наоборотъ. Въ Шаргородѣ онъ сошелся съ земляками и неожиданно попалъ на обѣдъ къ шаргородскому подстаростѣ Хржонстовскому. Подстароста принялъ его очень любезно и во время обѣда спросилъ гостя: куда онъ ѣдетъ?

— Въ Волощину, отвѣчалъ Янъ, купить князю Острожскому лошадей... У меня есть пропускной листъ князя...

Янъ, въ минуты хорошаго настроенія, былъ откровеннымъ до слабости. Онъ уже собирался подробно разсказать о своемъ посольствѣ, но земляки-друзья шепнули ему, чтобы онъ, на вся-

---

обстоятельностью разсказываетъ порядокъ судебнаго процесса надъ Никифоромъ и отношеніе къ подсудимому короля и сенаторовъ. Всѣ три источника, дополняя другъ друга, даютъ любопытную страничку изъ западнорусской общественной жизни конца XVI в. Въ изложеніи фактовъ процесса мы руководились, преимущественно, „описаніемъ сейма“, дополняя его данными слѣдственнаго дѣла, представляющаго мѣстами буквальный перифразъ „описанія“. Что касается „Перестроги“, то на этомъ произведеніи, какъ извѣстно каждому, кто только читалъ этотъ документъ, лежитъ самая большая печать свободной импровизаціи увлекавшагося автора, допустившаго въ своемъ разсказѣ много несообразностей. Къ этому источнику мы прибѣгали въ рѣдкихъ случаяхъ. Нѣкоторыя историческія данныя о Никифорѣ представляютъ еще „Апокрисисъ“, „Ekplesis“ и „Акты южной и западной Россіи“. Въ польской исторической литературѣ процессъ Никифора оставленъ безъ вниманія: Пясецкій, Нѣмцевичъ, Сѣрчинскій, Гейденштейнъ, Стебольскій ничего не говорятъ объ этомъ процессѣ. Изъ нашихъ историковъ говорили мимоходомъ о Никифорѣ изслѣдователи уніи (Соловьевъ, Макарій, Костомаровъ и др.). Изъ мелкихъ историческихъ статей о Никифорѣ отмѣтимъ статью Кояловича въ „Странникѣ“ 1860 года, ноябрь, стр. 197—217. Какъ составленная по даннымъ только „перестроги„ и „слѣдственнаго дѣла“, она представляетъ собою почти сплошной панегирикъ протосингеллу Никифору.

Полная и обстоятельная біографія Никифора принадлежитъ пока будущему.

кій случай, былъ посторожнѣе въ словахъ. Это не скрылось отъ взгляда Хржонстовскаго. Наступило молчаніе.

— А есть-ли у тебя еще какія нибудь бумаги? спросилъ подстароста, немного погодя.

— Н—нѣтъ, никакихъ больше нѣтъ, отвѣтилъ Янъ неровнымъ голосомъ.

„Не шпіонъ-ли это...“ мелькнуло въ головѣ Хржонстовскаго.

— А денегъ съ тобою много?

— Да, есть... кое что... не особенно много...

— А сколько?

— 100 червоныхъ злотыхъ.

— Маловато, замѣтилъ подстароста. Для такой дальней дороги это маловато.

— Ничего, обойдусь какъ нибудь, а если не хватитъ, то въ Валахіи займу, сказалъ наугадъ Янъ, не сознавая самъ, зачѣмъ онъ говоритъ это.

— У кого-же ты займешь? обратился къ нему Хржонстовскій.

— У кого?!.. Тамъ у одного купца... Есть тамъ...

— Кто такой? Какъ его звать?

Янъ окончательно смѣшался.

— М... не знаю, не помню... Какъ его, того...

Подстароста усмѣхнулся. Его подозрѣнія очень правдоподобно подтверждались сбивчивостью отвѣтовъ Яна. За Яномъ велѣно было слѣдить.

Гдѣ успѣлъ Янъ-волохъ выпить, на обѣдѣ ли у шаргородскаго подстаросты, или угостили его на прощаніе земляки—неизвѣстно, но фактъ тотъ, что передъ самымъ отъѣздомъ изъ Шаргорода онъ былъ сильно выпивши и долго бѣгалъ зачѣмъ-то по рынку. Проѣзжая чрезъ шаргородскую торговую площадь къ выходу изъ мѣстечка, онъ самъ не замѣтилъ, какъ обронилъ на самой площади привязанную къ сѣдлу свою торбу. Её тотчасъ-же поднялъ замковый слуга. Онъ удивился, найдя тамъ „червоные“ и охотно скрылъ-бы свою находку, если бы её не замѣтили также и другіе; но „видячи же не утаится“, отнесъ её до замку, до вряду. Осмотрѣлся въ дорогѣ и Янъ, „же ему ся торба упала“, и встревожился.

— Не видѣлъ-ли кто моей торбы? спросилъ онъ проходившихъ.

Ему сказали, что она отнесена въ замокъ. Онъ вернулся къ шаргородскому подстаростѣ и началъ просить его, „абы была ему отдана“.

— Ты шпіонъ, сказалъ ему въ отвѣтъ на его просьбу подстароста: ты только разъѣзжаешь по нашей землѣ съ разными письмами да выслѣживаешь, гдѣ что дѣлается...

Яна посадили въ тюрьму, „побравши пѣнязи себѣ“. Послѣднее обстоятельство особенно смутило Яна. Онъ никакъ не могъ помириться съ пропажею своихъ червоныхъ и вспоминалъ о нихъ почти при каждомъ допросѣ.

Шаргородскій подстароста тотчасъ же далъ знать гетману Замойскому, что въ его имѣніи пойманъ шпіонъ воеводы кіевскаго, князя Острожскаго, съ очень важными письмами, писанными на греческомъ языкѣ. Гетманъ Замойскій велѣлъ немедленно прислать къ себѣ Яна.

Чтобы понять, почему такое, повидимому случайное и само по себѣ малозначительное событіе, какъ находка торбы съ иностранными письмами, могло произвести такой переполохъ, нужно принять во вниманіе, главнымъ образомъ, два обстоятельства: тревожное настроеніе того времени и вражду гетмана Замойскаго съ княземъ Острожскимъ.

Политическія столкновенія Польши съ сосѣдними государствами и вѣроисповѣдныя волненія, поднятыя недавнимъ брестскимъ соборомъ, заставляли тогда всѣхъ и каждаго прислушиваться ко всему, что имѣло или даже могло-бы имѣть подозрительный характеръ. Въ то время всякій малозначительный фактъ легко могъ быть доведенъ молвою и обстоятельствами до крупныхъ размѣровъ.

Очень можетъ быть, что шаргородское приключеніе съ Яномъ Волохомъ не имѣло бы никакихъ серьезныхъ послѣдствій и прошло-бы совершенно незамѣтно въ исторіи, если-бы гетманъ Замойскій находился въ добрыхъ отношеніяхъ съ княземъ Острожскимъ. Но, къ сожалѣнію, эти два могущественныхъ польскихъ магната находились въ то время во враждѣ.

Кромѣ вражды къ князю Острожскому, гетманъ Замойскій имѣлъ личныя основанія быть недовольнымъ Никифоромъ. Когда Никифоръ прибылъ въ западную Русь, гетманъ долго убѣждалъ его поступить на службу въ его школу въ Замостьи и отказать князю Острожскому. Гетманъ предлагалъ Никифору самыя выгодныя условія—матеріальное обезпеченіе и кромѣ того обѣщалъ выхлопотать ему у польскаго правительства полную власть надъ южнорусскимъ духовенствомъ. Но Никифоръ не согласился и уѣхалъ въ Острогъ. Всѣ доводы и претензіи гетмана были напрасны. Такую неудачу могъ забыть кто нибудь другой, но только не знатный полякъ, коронный гетманъ, „iego mość pan kanclerz welkiego xięstwa litewskiego, praesente regia majestate".

Гетманъ Замойскій не безъ злорадства прочиталъ письма, перехваченныя въ его имѣніи отъ его врага. Письма были, положимъ, не важны и безсодержательны, но нѣкоторымъ выраженіямъ изъ нихъ легко можно было придать серьезно-политическое значеніе. Такъ, въ одномъ письмѣ говорилось: „Я пріѣхалъ до Полски (въ Польшу) межи драпежные волки, т. е. межи псы—ляхи, которые принуждаютъ нашихъ христіанъ на свою папежскую вѣру и бьются между собою, ихъ уже до двадцати тысячь полегло (авторъ сильно преувеличивалъ послѣдствія недавняго мятежа Наливайки)". Эта фраза была повторена и въ другихъ письмахъ. Кромѣ того, въ одномъ письмѣ была еще такая приписка: „дай Богъ здоровья нашему цесарю; если бы онъ хотѣлъ на Польшу, то теперь бы удобное время".

Гетманъ почему-то призналъ эти письма составленными экзархомъ Никифоромъ и поспѣшилъ донести о нихъ королю Сигизмунду III. Король повѣрилъ донесенію... и большая грозная туча разныхъ непріятностей стала собираться надъ головою Никифора, который, ничего не подозрѣвая, спокойно жилъ въ это время въ Острогѣ у князя Острожскаго [1]).

---

[1]) По словамъ „описанія варшавскаго сейма", письма, найденныя у Яна, были отосланы волошскому воеводѣ, который, прочитавъ ихъ, отвѣтилъ, что Никифоръ, дѣйствительно авторъ писемъ, лицо очень подозрительное, что онъ шпіонъ, убѣжавшій изъ тюрьмы. Къ этому господарь волошскій прибавилъ, что онъ—господарь—просилъ даже князя Острожскаго выдать ему этого шпіона, но князь не согласился...

Слухъ о шпіонствѣ экзарха-протосингелла, предсѣдателя недавно бывшаго православнаго брестскаго собора, скоро разнесся въ краѣ. Общественное мнѣніе и безъ того было возмущено въ то время появленіемъ разныхъ „шпекговъ“ (шпіоновъ) съ востока, которые, пріѣхавъ въ Польшу, часто даже безъ паспорта, выдавали себя за разныхъ пословъ, уполномоченныхъ и пользовались довѣріемъ общества для своихъ личныхъ, своекорыстныхъ цѣлей. Король польскій вынужденъ былъ, какъ мы уже говорили, издать особый указъ, которымъ строго приказывалъ своимъ пограничнымъ властямъ контролировать каждаго, кто будетъ въѣзжать въ предѣлы польско-литовскаго государства изъ Греціи и, вообще, съ востока. Если пріѣздъ каждаго грека въ то время обращалъ на себя вниманіе польско-литовскаго правительства и возбуждалъ подозрѣнія въ политическихъ замыслахъ, то можно себѣ представить, какую сенсацію и переполохъ въ обществѣ долженъ былъ произвести слухъ объ арестѣ Яна волоха, посланнаго будто-бы съ тайными политическими извѣстіями въ турецкія области протосингелломъ Никифоромъ.

Польское начальство хотѣло немедленно судить Никифора въ частномъ областномъ судѣ (маршалковомъ), но этому воспротивился князь Острожскій. Онъ настоялъ, чтобы дѣло Никифора было разобрано публично, въ высшемъ судѣ, по всѣмъ правиламъ формально-юридическаго производства. Король согласился съ требованіемъ князя Острожскаго, и судъ надъ Никифоромъ былъ отложенъ до варшавскаго сейма 1597 года. Кн. Острожскій взялъ обвиненнаго къ себѣ на поруки съ обязательствомъ представить его въ свое время на варшавскій сеймъ.

IV.

Въ концѣ Февраля 1597 года открылся въ Варшавѣ генеральный сеймъ („вальный соймъ“) „съ ихъ милостями паны

Господарь Іеремія забылъ, такимъ образомъ, услуги Никифора для Валахіи и заплатилъ за нихъ черною неблагодарностью. Какъ увидимъ, изъ Валахіи приходило (должно полагать не безъ вѣдома господаря) даже цѣлое посольство для лжесвидѣтельства на экзарха.

канцлерами коруннымъ и литовскимъ и съ великимъ логоѳетомъ земли волосской". На этомъ сеймѣ предложены были для рѣшенія разные государственные вопросы и въ томъ числѣ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ православныхъ къ уніатамъ. Но православные депутаты открыто заявили въ засѣданіи 4 марта, что они не уполномочены приступать ни къ какимъ переговорамъ по дессидентскому вопросу до тѣхъ поръ, пока польское правительство не удовлетворитъ ихъ законныхъ требованій относительно сохраненія правъ православныхъ.

— Мы требуемъ, говорили депутаты воеводства кіевскаго, чтобы наши духовные владыки оставались при своихъ прежнихъ правахъ и чтобы ихъ не принуждали къ подчиненію папѣ.

Вопросъ о правахъ православныхъ выступилъ съ особенною силою на засѣданіи сейма 7-го марта. Одинъ изъ православныхъ депутатовъ сейма нѣкто Гулевичъ, волынецъ, особенно рѣзко и энергично настаивалъ на независимости православія въ краѣ. Отъ лица всѣхъ православныхъ онъ потребовалъ, чтобы всѣ западнорусскіе епископы оставались при своей прежней вѣрѣ, а тѣ изъ нихъ, которые перешли въ унію, снова вернулись бы къ православію.

Это предложеніе очень не понравилось королю и польскимъ сенаторамъ. Не въ пользу Гулевича говорила рѣзкость, съ которою онъ говорилъ свою рѣчь.

Когда Гулевичъ кончилъ, всталъ съ сенаторскаго мѣста канцлеръ великаго княжества литовскаго Сапѣга и отвѣтилъ православнымъ, что вопросъ объ уніи долженъ быть конченъ, такъ какъ на брестскомъ соборѣ было не мало православныхъ, которые добровольно согласились подчиниться папѣ. Ораторъ вкратцѣ разсказалъ исторію брестскаго собора и заключилъ, что уніей довольны всѣ, „кромѣ Никифора митрополита греческаго, этого нарушителя общаго согласія, бунтовщика, человѣка съ очень подозрительнымъ прошлымъ".

Лишь только произнесено было имя константинопольскаго протосингелла и на защитника православія было публично высказано подозрѣніе въ шпіонствѣ, Константинъ Константиновичъ Острожскій, присутствовавшій на сеймѣ, не утерпѣлъ и

вступилъ съ канцлеромъ въ горячій споръ. Въ засѣданіи произошло замѣшательство, „контроверсія“. Весь интересъ засѣданія, повидимому, сосредоточился на Никифорѣ. Заговорили о Янѣ—неудачномъ перебѣжчикѣ — и перехваченныхъ письмахъ. Король кстати напомнилъ князю Острожскому о его обѣщаніи представить Никифора на варшавскій сеймъ. Князь не отказывался отъ своего обязательства и въ тотъ же день послалъ за Никифоромъ въ Острогъ.

8 марта король съ сенаторами все напоминали князю Острожскому, чтобы онъ поторопился представить Никифора на судъ. Однако въ этотъ день онъ еще не могъ пріѣхать, и король занялся посторонними дѣлами.

Князю Острожскому, должно быть, очень надоѣли эти постоянныя напоминанія короля о Никифорѣ. Онъ и самъ ожидалъ прибытія грека. Мысль о судѣ надъ нимъ не выходила у него изъ головы и, войдя съ нѣсколькими сенаторами „do koła poselskiego“, онъ прервалъ ходъ засѣданія и завелъ снова рѣчь о Никифорѣ.

Отъ своего имени воевода кіевскій просилъ депутатовъ, чтобы Никифора, какъ человѣка особыхъ исключительныхъ полномочій, судилъ самъ его величество король и чтобы ему былъ данъ особый защитникъ для оправданія.

— Прокураторъ пусть опровергаетъ все, что будетъ возведено на Никифора по клеветѣ... Но въ случаѣ, если обвиненный захочетъ самъ защищаться, то на здоровье ему, пусть самъ оправдывается, сказалъ князь.

Требованія Острожскаго вызвали разногласія въ мнѣніяхъ депутатовъ. Одни положительно не соглашались съ княземъ.

— Съ давняго времени, такіе подозрительные люди всегда судились по закону въ маршалковомъ судѣ, говорили они. Такія дѣла не касаются ни короля, ни депутатовъ сейма.

Другіе, напротивъ, защищали Никифора и считали заявленія князя Острожскаго вполнѣ согласными съ юридическими постановленіями польскаго королевства.

— Никифоръ не подлежитъ общесудебной практикѣ, отвѣчала эта партія, какъ иностранецъ и притомъ виднаго происхожденія.

Существовавшіе въ то время польскіе судебные законы до тонкостей различали происхожденіе и положеніе подсудимаго. Для иностранцевъ знатнаго происхожденія полагался особый судъ.

— А что касается защитника, то и это требованіе князя законно, потому что судебный обычай нашей страны предоставлялъ всегда польскимъ королямъ право давать подсудимымъ защитниковъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло (рессат) разбирается публично.

Снова поднялись „контроверсіи“. Спорили до самаго вечера и не пришли ни къ чему опредѣленному. Порѣшили на томъ, чтобы на слѣдующій день поднять этотъ вопросъ наново.

9 марта днемъ король и сенаторы опять засѣли за дѣла. На этотъ разъ засѣданіе открылось длинной аудіенціей разныхъ лицъ. Сначала явился посолъ отъ воеводы волошскаго Іереміи и выразилъ отъ его лица дружескія чувства къ королю, затѣмъ представлялся какой то владыка греческій, далѣе—волошскій логофетъ, наконецъ,—шляхтичи. Всѣ они, по придворному этикету польскаго двора того времени, говорили королю привѣтствія и свидѣтельствовали свои искреннія чувства. Въ заключеніе аудіенціи, королю отъ волошскаго воеводы были подарены: пара турецкихъ гнѣдыхъ лошадей, перстень (который тутъ же былъ преподнесенъ королю), пара борзыхъ собакъ (chartów) и нѣсколько бочекъ „мальвазіи“ и визины.

Въ засѣданіи присутствовалъ и князь Острожскій. Онъ ожидалъ, что вчерашній вопросъ о характерѣ суда надъ Никифоромъ придетъ сегодня къ рѣшенію, и былъ очень непріятно удивленъ, когда вслѣдъ за пріемомъ пословъ, въ залу вошли депутаты и отъ имени всѣхъ воеводствъ заявили, что протосингеллъ Никифоръ былъ шпіономъ, перебѣщикомъ между Турціей и Валахіей, что онъ ввелъ воеводство въ большіе долги, подстрекалъ общество къ разнымъ возмущеніямъ, надѣлалъ много всякихъ преступленій въ разныхъ мѣстахъ и что, наконецъ, онъ находился въ тайныхъ, интимныхъ связяхъ съ матерью турецкаго султана.

— Всенижайше просимъ вашу королевскую милость обратить вниманіе на наше заявленіе и поступить съ Никифоромъ по всей строгости законовъ, сказали послы.

Послы смолкли и ожидали отвѣта короля. Король растерялся. Переходъ отъ мальзавіи и нѣсколькихъ бочекъ визины къ протосингеллу Никифору былъ такъ непослѣдователенъ и неожиданъ, что онъ не зналъ, что отвѣтить.

— Я очень радъ... Благодарю за подарки,—сказалъ онъ,— но относительно вашихъ остальныхъ заявленій я скоро, должно быть, дамъ отвѣтъ. Мнѣ нужно посовѣтоваться съ нѣкоторыми изъ сенаторовъ...

Засѣданіе было закрыто.

А главнаго виновника всѣхъ этихъ замѣшательствъ все еще не было. Конечно, между Острогомъ и Варшавою разстояніе не малое, пути сообщенія XVI-го вѣка менѣе всего благопріятствовали скорости ѣзды... но, кажется, Никифоръ не спѣшилъ въ Варшаву. Словно предчувствуя въ своей душѣ неблагопріятный исходъ начинавшагося дѣла, онъ собрался и ѣхалъ не торопясь. За нимъ посылали три раза.

10 марта, король, хорошо пообѣдавши, пошелъ въ засѣданіе и благодушно спросилъ воеводу кіевскаго:

— Когда-же пріѣдетъ твой Никифоръ? Это, наконецъ, утомительно... Пора-бы...

Князь Острожскій, человѣкъ порывистый и отзывчивый, на этотъ разъ смолчалъ. Ему самому было досадно, что Никифора до сихъ поръ не было.

Ѳ. Кудринскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Отрывки изъ записокъ Автонома Акимовича Солтановскаго.[1]

Правителемъ канцеляріи при генералъ-губернаторѣ Д. Г. Бибиковѣ состоялъ П—въ, о которомъ ходило среди общества много разныхъ слуховъ, большею частью неблаговиднаго характера, порождавшихъ, конечно, и разсказы анекдотическаго свойства.

Дельсаль, бывшій инспекторомъ, а послѣ директоромъ Немировской гимназіи, разсказывалъ о П—вѣ слѣдующее. Дельсаль, служа учителемъ математики въ Винницкой гимназіи и питая страсть къ свѣтской жизни, постоянно являлся на всѣ городскія увеселенія и былъ знакомъ со всею знатью уѣзднаго города. Онъ получалъ 400 руб. жалованья, да столько же за частные уроки. Но для такой жизни, какую онъ велъ,—этихъ денегъ было мало. На него обратила вниманіе молодая жена богатаго старика доктора, и онъ съ нею скоро совсѣмъ сошелся. Это потребовало еще большихъ расходовъ, такъ что онъ очутился по уши въ долгахъ. Но вотъ умираетъ старикъ докторъ, оставивъ женѣ все движимое имущество, одинъ домъ и нѣсколько тысячъ рублей, а другой домъ и всѣ капиталы своимъ дѣтямъ отъ первой жены. Вдова поспѣшила обвѣнчаться съ Дельсалемъ. Зажили они весело и широко и въ два года прожили и домъ, и движимость, и деньги;

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1892 г., № 5.

стали умножаться долги. Продолжать службу по Мин. Нар. Просвѣщ., при широкихъ привычкахъ, оказалось невозможнымъ. Дельсаль, зная, что мѣсто исправниковъ въ то время давало дохода отъ 8000 до 12000, и что за него, кромѣ ежегодной арендной платы въ 500 р. правителю канцеляріи подольскаго губернатора и Губернскому Правленію, нужно было сейчасъ внести П—ву тоже 500 р , продалъ послѣднія золотыя украшенія съ камнями своей жены и отправился въ Кіевъ. П—въ принялъ его въ своемъ кабинетѣ весьма милостиво; но объявилъ, что теперь вакантныхъ мѣстъ исправниковъ не имѣется. Дельсаль стоялъ во время представленія у порога подлѣ столика, покрытаго клеенкой. Противъ дверей на противоположной стѣнѣ висѣло огромное зеркало, въ которомъ отражался и Дельсаль, и бывшій подлѣ него столикъ. П—въ, разговаривая съ Дельсалемъ, ходилъ по комнатѣ отъ Дельсаля къ зеркалу и обратно, и когда П—въ направлялся къ зеркалу, то въ немъ ему видно было каждое движеніе Дельсаля. Послѣдній, предупрежденный опытными пріятелями, вынулъ изъ мундира 500 р. и положилъ на столикъ подъ клеенку. Увидѣвъ это въ зеркалѣ, П—въ сталъ вдругъ припоминать, что, кажется, скоро должно очиститься одно мѣсто исправника, но навѣрное онъ не помнитъ. Пусть Дельсаль явится завтра въ 11 часовъ, тогда онъ прикажетъ забрать точныя справки. Это значило, что П—въ хочетъ удостовѣриться, положены ли полностью на столикъ 500 р. На слѣдующій день П—въ объявилъ Дельсалю, что въ самой Винницѣ черезъ три недѣли очистится вакансія исправника, и ему будетъ предоставлено это мѣсто. На вопросъ Дельсаля, можетъ ли онъ уволиться отъ должности учителя, полученъ отвѣтъ: „можете смѣло“. Дельсаль тутъ же въ Кіевѣ подалъ прошеніе объ отставкѣ и въ полной увѣренности занять мѣсто винницкаго исправника отправился во-свояси, гдѣ жидкамъ сообщилъ по секрету означенную новость. Это открыло ему неограниченный у нихъ кредитъ. Но вотъ истекли три недѣли, а назначенія нѣтъ. Вотъ пронеслись слухи о переводѣ изъ Кіева въ Петрозаводскъ П—ва. Дельсаль помчался въ Кіевъ. П—въ объявилъ, что онъ почти уже сдалъ свое управленіе и теперь

отъ него ничего не зависитъ. Дельсаль попросилъ возврата 500 руб. П—въ накинулся на него съ угрозами отдать въ солдаты, сослать въ Сибирь и пр.; но Дельсаль съ истерическими рыданіями кинулся на колѣни, объявивъ, что теперь ему и смерть не страшна, такъ какъ эти 500 р. послѣдніе рессурсы его семьи. П—въ притихъ, отперъ бюро и возвратилъ ему 500 р. На эти деньги Дельсаль у правителя канцеляріи учебнаго округа Л—ва купилъ мѣсто инспектора въ Немировѣ, а между тѣмъ до очищенія означенной вакансіи, въ виду его бѣдности, Л—въ предоставилъ ему исправлять должность субъинспектора въ университетѣ. Въ числѣ воспитанниковъ университета былъ одинъ студентъ Б—скій, квартировавшій во время бытности своей въ гимназіи у Дельсаля, большой его другъ и его жены; Дельсаль въ моемъ присутствіи передавалъ всю эту исторію Б—скому.

Дельсаль, постоянно живя въ кругу поляковъ и женившись на полькѣ, ярой патріоткѣ и фанатической католичкѣ, совсѣмъ ополячился[1]) Въ 1863 г. сталъ онъ въ качествѣ директора немировской гимназіи тѣснить русскихъ учителей и учениковъ; у себя открылъ ежедневные музыкальные вечера, на которые собиралось окрестное польское помѣщичество и ученики поляки. На этихъ вечерахъ собирались *офяры* (жертвы) на освобожденіе Польши; бывали должностныя лица польскаго жонда; раздавались прокламаціи, и организовалась повстанская банда, которая въ извѣстную ночь должна была сдѣлать подъ „довудствомъ“ графа Красицкаго нападеніе на Брацлавъ, овладѣть казначействомъ, пороховымъ складомъ и цейхгаузомъ. Зная запутанность дѣлъ Дельсаля и желая вознаградить его за преданность польскому дѣлу, нѣкоторые паны-пріятели по-

---

[1]) Вообще въ запискахъ А. А. Солтановскаго замѣчается какое-то болѣзненное желаніе все объяснять польской интригой. Такъ, и въ данномъ случаѣ весь послѣдующій разсказъ о растратѣ казенныхъ денегъ Дельсалемъ сведенъ къ этой же интригѣ. Насколько вѣренъ этотъ разсказъ, пусть рѣшитъ исторія; но мы считаемъ себя обязанными указать на маленькую замѣтку о Дельсалѣ г. А. Стоянова, который беретъ его подъ свою защиту и считаетъ личностью, заслуживающею доброй памяти. (Истор. Вѣстн., 1889 г. № 5).—Ред.

совѣтовали ему вынуть изъ казначейства изъ гимназическаго ящика всѣ гимназическія суммы и употребить ихъ въ свою пользу. Послѣ разгрома казначейства объ этомъ никто не узнаетъ. Между тѣмъ правительство случайно натолкнулось на заговорщиковъ, стало арестовывать главныхъ; банда не успѣла организоваться и разграбить брацлавское казначейство. Дельсаль, при помощи казначея поляка, безъ участія двухъ ассистентовъ старшихъ учителей, вынулъ деньги и успѣлъ ими расплатиться съ долгами. Окончился мѣсяцъ—пришлось платить учителямъ жалованье; Дельсаль все откладываетъ поѣздку въ Брацлавъ за деньгами. Проходитъ другой мѣсяцъ—Дельсаль не ѣдетъ подъ предлогомъ болѣзни и не посылаетъ инспектора. Учителя въ затрудненіи, ропщутъ. Но вотъ послѣдовало распоряженіе о съѣздѣ учителей русскаго языка и словесности въ Кіевѣ. Приказано отпустить прогонныя деньги. Дельсаль рѣшительно отказался отпустить прогоны. Учитель словесности В. съ товарищемъ на свой счетъ явились въ Кіевъ и обо всемъ доложили попечителю. Учитель К. тоже прибылъ и подалъ въ отставку, причемъ объявилъ, что у него били ученики окна, угрожали его жизни, и Дельсаль не только не оградилъ его, но поощрялъ учениковъ и преслѣдовалъ его всевозможными способами за его отзывы о польскихъ безпорядкахъ. Товарищъ попечителя Михневичъ сейчасъ отправился на слѣдствіе и ревизію гимназическихъ суммъ. Л—въ [1]) телеграммой предупредилъ объ этомъ Дельсаля. Тотъ взмолился состоятельнымъ ученикамъ, они къ родителямъ, и въ теченіе сутокъ собрана была вся растраченная сумма 12000 р.; ночью казначей отворилъ Дельсалю кладовую, и онъ ее положилъ на мѣстѣ. Утромъ на слѣдующій день прибылъ Михневичъ; деньги нашлись въ цѣлости; но Дельсалю, въ виду его долговременной службы и выслуженнаго уже пенсіона позволено было подать въ отставку.

Въ Немировской гимназіи мало по малу періодъ учителей семинаристовъ окончился [2]). Стали являться воспитанники Харь-

---

[1]) Л—въ тогда уже не былъ правителемъ канцеляріи попечителя.—Ред.

[2]) См. Кіев. Стар. 1892 г. № 5, стр. 239.

ковскаго и кіевскаго университетовъ: Ерофеевъ, учитель исторіи, весьма знающій и умный человѣкъ; вслѣдъ за нимъ Ющенко, тоже учитель исторіи; Вигура, учитель словесности, впослѣдствіи адъюнктъ Унив. св. Влад., умершій въ молодыхъ лѣтахъ отъ чахотки; Герасименко, учитель математики, и другіе. Но важнѣе всего—назначенъ былъ директоромъ Егоръ Яковлевичъ Зимовской, знавшій отлично всѣ предметы, отлично владѣвшій французскимъ и нѣмецкимъ языками, любившій дѣтей, не допускавшій мысли о злоупотребленіяхъ и взяткахъ, единственный педагогъ, какихъ въ это время еще не случалось, и отличнѣйшій администраторъ [1]). При немъ инспекторомъ былъ пожилой, честный и добрый человѣкъ Яковъ Емельяновичъ Беккаревичъ. Зимовской его любилъ и уважалъ. Гимназія сразу во всѣхъ отношеніяхъ поднята была на должную высоту. Учениковъ, кончившихъ курсъ въ Немировской гимназіи, ни въ одномъ университетѣ при пріемѣ не подвергали повѣркѣ. При гимназіи явилась больница; въ общихъ квартирахъ во всѣхъ отдѣленіяхъ ея столъ былъ сытный, достаточный, всегда изъ свѣжихъ припасовъ. Зимовской лично каждый день пробовалъ, и во время обѣда, и во время ужина, во всѣхъ 4-хъ отдѣленіяхъ ученическую пищу, и если что оказывалось плохимъ, ученики немедля удовлетворяемы были на счетъ подрядчика. Все утро, каждый день, Зимовской присутствовалъ въ томъ или другомъ классѣ на урокахъ и самъ принималъ въ выслушиваніи и объясненіи дѣятельное участіе. Учителей держалъ весьма строго и не позволялъ ни манкированья, ни злоупотребленій. Учитель-же отвѣчалъ главнымъ образомъ за неуспѣхи класса. Въ праздники и вечернее время лѣтомъ Зимовской самъ участвовалъ съ учениками въ играхъ и про-

---

[1]) Мемуары—это такой матеріалъ, который имѣетъ цѣну даже при условіяхъ неточнаго и невѣрнаго освѣщенія фактовъ и лицъ, т. к. самое это освѣщеніе служитъ характеристикой и мемуариста, и—еще болѣе—того круга, въ какомъ онъ вращался, что является до извѣстной степени отголоскомъ общественныхъ настроеній. Въ виду этого, хотя мы имѣемъ совершенно иныя свѣдѣнія о личности Зимовского, но печатаемъ этотъ хвалебный о немъ отзывъ А. Солтановскаго, предоставляя право надлежащую оцѣнку сдѣлать будущему историку нашего края и всѣхъ выдающихся общественныхъ дѣятелей въ немъ.—Ред.

гулкахъ, а зимою упражнялъ учениковъ въ разговорномъ французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Никакая грязь и непогода, а грязь въ Немировѣ доходила до брюха, не останавливали Зимовского отъ посѣщенія отдѣленій и въ ночное время. Онъ зналъ всѣхъ учениковъ по имени и отчеству, зналъ характеръ и привычки каждаго, и его трудно было обмануть или солгать передъ нимъ. Вину ученику онъ легко прощалъ, но лжи и обмана не прощалъ. Тѣлесныя наказанія при немъ были весьма рѣдки, и при употребленіи ихъ на первомъ планѣ была не боль, а пристыженіе, позоръ. И это чувствовали наказанные гораздо болѣе боли. Но ученики такого исключительнаго рѣдкаго начальника и педагога не могли терпѣть, такъ какъ гимназіи въ юго-зап. краѣ всегда проникнуты были патріотическимъ польскимъ духомъ; а Зимовской, бывши въ Житомірѣ инспекторомъ, раскрылъ какой-то политическій заговоръ, и нѣсколько учениковъ пострадали.—Вслѣдствіе этого съ самаго его прибытія въ Немировъ на него смотрѣли и паны, и русскія, и польскія уѣздныя власти, и ученики, какъ на русскаго *шпыга* (шпіона); старались ему при случаяхъ дѣлать всевозможныя гадости, разносили объ немъ небылицы и, наконецъ, подъучили какого-то русскаго ученика 3-го класса, сына квартальнаго надзирателя изъ г. Балты, зарѣзать Зимовского. Но тотъ успѣлъ только два раза вонзить ножъ въ спину Зимовскому. Раны къ счастью оказались несмертельны. Этотъ гимназистъ былъ наказанъ въ присутствіи всей гимназіи и жандармскаго полковника розгами и отданъ въ оренбургскіе баталіоны. Поляки объявили его польской офярой и героемъ, и уже черезъ двѣ недѣли послѣ его увоза твердили, что онъ произведенъ въ офицеры.

Говоря о Немировской гимназіи, нужно разсказать и о томъ, что̀ подъ крылышкомъ Дельсаля состряпало польское возстаніе. Въ прямой зависимости отъ графа Красицкаго и его родственника, управляющаго имѣніемъ Венгловскаго, зависѣлъ гимназическій Немировскій ксендзъ Ключевскій и мелкопомѣстный помѣщикъ и мировой посредникъ, владѣлецъ села Кордышевки. На обязанности перваго было организовать вооруженное возстаніе въ Немировѣ и въ Немировской гимназіи и поддерживать

фанатическій патріотизмъ въ мѣстномъ польскомъ и католическомъ населеніи посредствомъ женщинъ; на обязанности второго лежало тоже. Они были въ постоянныхъ сношеніяхъ; всѣ прокламаціи и распоряженія получались кс. Ключевскимъ и у него до распространенія хранились. Дельсаль зналъ обо всемъ, т. к. отъ него ничего не скрывали. Нѣкоторые учителя и законоучитель сильно настаивали въ совѣтѣ на принятіи мѣръ противъ увлеченій учениковъ и дѣйствій ксендза Ключевскаго. Дельсаль находилъ это опаснымъ и безполезнымъ. Его поддерживали учителя поляки. Прочіе русскіе учителя оставались индифферентными, можетъ быть, боясь сдѣлать себя врагами директора, товарищей поляковъ и учениковъ. Ученики перестали, особенно взрослые, приготовлять уроки; ежедневно въ гимназіи въ классахъ цѣлая 1/4 часть считалась больными или неявившимися по неизвѣстной причинѣ. Большинство внѣ классовъ ходили въ конфедераткахъ, чамаркахъ и ботфортахъ, а форменное платье все украсили трауромъ. Нѣкоторые безъ разрѣшенія начальства выѣзжали на нѣсколько дней изъ мѣстечка. Учителямъ и православному законоучителю, настаивавшимъ на активномъ дѣйствіи, били стекла по ночамъ и наконецъ рѣшили по совѣту Ключевскаго отравить ихъ [1]). Былъ въ VI или VII классѣ православный ученикъ Б—кій, сирота какого-то чиновника, весьма бѣдный и загнанный нуждою, робкій, но весьма способный, прилежный, отлично успѣвавшій въ занятіяхъ. На его рукахъ осталась вдова мать, женщина болѣзненная, и нѣсколько штукъ меньшихъ братьевъ и сестеръ. Репетиціями онъ зарабатывалъ и кормилъ ихъ. Но польское движеніе сократило доходы. Отдавая немногое, что получалъ, семьѣ, онъ самъ почти голодалъ. Ему особенно покровительствовали православный законоучитель, который часто приглашалъ его на обѣды и чай, и учитель В—ой, у котораго онъ проводилъ все свободное время, пилъ почти еже-

[1]) Безспорно, въ то время въ Немировской гимназіи среди воспитанниковъ были инсуррекціонныя движенія, но доходило-ли дѣло до такихъ предѣловъ, какіе отмѣчаются А. Солтановскимъ, мы очень сомнѣваемся, тѣмъ болѣе, что самая личность ученика Б—каго представлена мемуаристомъ совершенно съ невѣрными біографическими данными, которыя доподлинно извѣстны намъ.—Ред.

дневно чай и часто ночевалъ. Товарищи поляки избрали его своимъ орудіемъ и вручили ему полученную отъ Ключевскаго банку съ ядомъ. Они объявили ему съ угрозою револьверами, что если онъ, будучи вхожъ къ В—ому и законоучителю, не отравитъ ихъ въ теченіе 4-хъ сутокъ, то немедленно будетъ казненъ. Если же донесетъ на нихъ, то ничего не докажетъ, а между тѣмъ все таки не избѣгнетъ смерти самъ, и вся семья его будетъ истреблена. Находясь въ такомъ безвыходномъ положеніи и почти не надѣясь на защиту бездѣйствовавшей мѣстной власти, онъ въ тоже время чувствовалъ себя неспособнымъ совершить преступленіе и притомъ посягнуть на жизнь своихъ благодѣтелей. Внутреннія страданія измѣнили его, сдѣлали на себя не похожимъ, больнымъ. В—ой встревожился, сталъ допытывать его, что съ нимъ, чѣмъ онъ боленъ, хотѣлъ послать за докторомъ. Это было во время вечерняго чая. Ученикъ зарыдалъ истерически и передалъ В—ому все дѣло и банку съ ядомъ. Рѣшено было потребовать только-что назначеннаго воинскаго начальника съ командой и арестовать ученика, будто пойманнаго въ ту минуту, когда онъ вливалъ ядъ въ чай. Конечно, воинскому начальнику объявилъ В—ой всю правду, а пріемъ этотъ придумалъ для огражденія отъ мести поляковъ ученика и его семейства. Началось слѣдствіе. Многое раскрылось. Нападеніе на Брацлавское казначейство не состоялось. Графъ Красицкій былъ сосланъ и имѣніе его конфисковано. Венгловскій, кажется, умеръ въ тюрьмѣ; Ключевскій и мировой посредникъ попали въ каторжную работу. Было сослано нѣсколько учениковъ и другихъ личностей.

Окончивши въ 1849 году университетъ по 1 отдѣленію философскаго факультета и состоя на казенномъ содержаніи, я надѣялся, какъ одинъ изъ первыхъ кандидатовъ, получить мѣсто старшаго учителя съ жалованьемъ по 400 руб. въ годъ. Но не тутъ-то было. Л—въ, правитель канцеляріи Учебнаго Округа, принялъ меня весьма ласково и отправилъ справиться къ своему помощнику, куда я именно назначаюсь. Отъ Л—ва зависѣли всѣ назначенія по округу. Пришелъ я въ комнату помощника. Онъ

сидѣлъ и писалъ. Думая, что онъ не замѣтилъ моего прихода, я сталъ покашливать. Онъ вскинулъ на меня глаза, опять опустилъ на бумагу и продолжалъ писать. На мой поклонъ онъ не отвѣтилъ. Прождавъ минутъ пятнадцать и видя, что онъ, кончивъ одну бумагу, отложилъ ее въ сторону и сталъ перебирать другія, я объявилъ, что присланъ отъ Л—ва за справками. Отвѣта не послѣдовало, и онъ принялся за другую бумагу. Пораженный такимъ грубымъ пріемомъ, послѣ новыхъ 20 минутъ ожиданія, я направился къ выходу. „Какія еще тамъ справки?“—крикнулъ онъ рѣзко; „что собственно нужно?“ Я объявилъ.—„Назначается учителемъ въ Ровенскую гимназію“, проговорилъ онъ небрежно. На вопросъ мой: старшимъ? какого предмета?—онъ отрѣзалъ: „младшимъ; старшими такихъ не назначаютъ! А предметъ какой случится; это будетъ зависѣть отъ директора гимназіи“. Вотъ она какова служба! А я мечталъ посвятить себя и всѣ свои знанія и силы высокой обязанности наставника юношества и составилъ себѣ весьма возвышенное понятіе объ учительской должности. Оказывается, что я въ этомъ ошибался, ибо каждый чиновникъ считалъ себя вправѣ оскорблять меня безъ всякихъ поводовъ и цѣлей.

Возвратился я въ университетъ въ свою камеру и все поразсказалъ товарищамъ. Они объяснили мнѣ, что если я желалъ лучшаго пріема, то долженъ былъ вручить помощнику Л—ва по меньшей мѣрѣ 25 руб.; а если желалъ мѣста старшаго учителя, то сразу нужно было предложить частицу отъ третнаго не въ зачетъ жалованья и отъ подъемныхъ. Такъ какъ этого я сдѣлать былъ не въ состояніи и не желалъ подвергать себя новымъ оскорбленіямъ, то въ канцелярію округа болѣе не являлся. Прошло двѣ недѣли. Я продолжалъ жить въ камерѣ и пользовался столомъ со всѣми казеннокоштными. Наконецъ педель вручилъ мнѣ требованіе за подписью Л—ва явиться немедленно въ регистратуру канцеляріи для полученія необходимыхъ документовъ по назначенію на должность. Регистраторъ съ Станиславомъ въ петличкѣ, такимъ-же, какъ и у ординарнаго профессора исторіи Ставровскаго, приказалъ мнѣ прійти дня черезъ два, и тогда онъ дастъ мнѣ на руки требованіе въ

губернское казначейство для отпуска прогонныхъ и третнаго не въ зачетъ. Послѣ трехъ дней оказалось, что онъ не успѣлъ еще приготовить требованія, но дня черезъ два оно будетъ готово. Продержавъ меня затѣмъ безъ всякаго основанія часа два, онъ, наконецъ, подъ росписку выдалъ мнѣ требованія, объявивъ, что въ канцелярію генералъ-губернатора сообщено отношеніе о выдачѣ мнѣ подорожной по казенной надобности. Прогоны и третное въ казначействѣ мнѣ выдали безъ задержки, но отношенія въ канцеляріи генералъ-губернатора не оказалось, и подорожной я не получилъ. Въ казначействѣ, которое помѣщалось въ крѣпости, всѣ деньги были отпущены мнѣ серебряными рублями. Бумажками ни за что не хотѣли отпустить, ссылаясь на то, что въ казначействѣ находятся только металлическія деньги. Навязавъ цѣлый носовой платокъ серебряныхъ рублей, я долженъ былъ пробираться съ ними цѣлыхъ три версты и чуть не былъ ограбленъ на „Крестахъ“ [1]), но успѣлъ уйти. Не знаю, было-ли и это притѣсненіе со стороны казначейства, ждавшаго тоже подачки, или и въ самомъ дѣлѣ въ это блаженное время имѣлось такое обиліе серебряной монеты.

Пришлось еще раза три побывать у регистратора канцеляріи Попечителя, который отговаривался недосугомъ и не хотѣлъ съ точностью указать, послано-ли требованіе казенной подорожной и куда именно послано. „Васъ завалили даромъ деньгами, и вамъ спѣхъ наживать въ Ровно новыя деньги“,—говорилъ онъ,—„а намъ недосугъ, насъ за мѣдныя копѣйки жалованья завалили совсѣмъ работой!“ Наконецъ секретъ указанъ: подорожную можно получить въ канцеляріи губернатора. Прождавши часа два въ этой канцеляріи, я, наконецъ, получилъ подорожную. Пришлось пробыть въ Кіевѣ еще нѣсколько дней, пока сдѣлали мнѣ вицмундирную учительскую пару.

Часто къ полякамъ студентамъ хаживалъ въ камеру какой то горбатенькій господинъ въ партикулярномъ костюмѣ, но товарищи меня съ нимъ не знакомили. Являлся онъ обыкновенно на нѣсколько минутъ, пошепчется и уйдетъ. Но едва я

---

[1]) См. №, 4 стр. 75

получилъ подорожную, какъ поляки студенты привели его въ камеру и познакомили насъ. Онъ назвался частнымъ учителемъ и предложилъ вмѣстѣ ѣхать въ Ровно. Мнѣ это было на руку. Я согласился. Казенная подорожная мало имѣла успѣха: смотрителя на станціяхъ задерживали насъ по цѣлымъ часамъ, конечно ожидая подачки, а за Коростышевомъ гдѣ-то въ полѣ на станціи насъ держалъ смотритель двое сутокъ, ссылаясь на разгонъ лошадей и на проѣздъ генералъ-губернатора Бибикова изъ Варшавы въ Кіевъ. Пришлось два дня заказывать по дорогой цѣнѣ простой обѣдъ изъ двухъ блюдъ и чай у смотрителя. Въ первую ночь проѣхалъ Бибиковъ послѣ свиданія съ Государемъ въ Варшавѣ. Затѣмъ никто не проѣзжалъ, а лошадей все таки не давали. Я пригрозилъ прописать задержку въ книгѣ. Смотритель самъ принесъ книгу и предложилъ писать что угодно и сколько угодно, прибавивъ, что нужно быть пьянымъ, чтобы не понимать, что лошади на станціяхъ не ростутъ, какъ грибы въ лѣсу. Изъ его словъ я заключилъ, что смотритель въ оправданіе свое представитъ меня пьянымъ буяномъ, что не совсѣмъ красиво шло къ началу службы. Губернскій почтъ-директоръ, какъ они себя титуловали, могъ кляузное объясненіе смотрителя станціи сообщить въ округъ и директору гимназіи. Необходимо было смириться и ждать. Далѣе на одной изъ почтовыхъ станцій, тоже стоявшей одиноко въ полѣ въ разстояніи версты отъ какого-то селенія, мы застали полковника Позняка, чиновника особыхъ порученій Бибикова, слѣдовавшаго за послѣднимъ изъ Варшавы. Станцію осаждали евреи. Познякъ занялъ себѣ пассажирскія комнаты, въ которыя насъ не пустили. Пришлось часовъ пять, въ ожиданіи лошадей, гулять подъ мелкимъ и довольно холоднымъ сентябрьскимъ дождемъ вокругъ станціи и ютиться на крылечкѣ. Евреи ходатайствовали, чтобы Познякъ остановилъ становаго пристава, который долженъ сейчасъ проѣхать мимо станціи куда-то на ярмарку, и произвелъ въ его шарабанѣ обыскъ. По словамъ ихъ, приставъ привезетъ въ шарабанѣ контрабанду на нѣсколько тысячъ. Познякъ требовалъ отъ нихъ формальнаго заявленія и подписки, чѣмъ, въ случаѣ ложнаго доноса, они подвергаютъ себя всей

строгости законовъ. Евреи колебались. Но вотъ показался ничего не подозрѣвавшій приставъ. Евреи бросились къ Позняку и дали подписку. Пристава догнали и воротили къ станціи ямщики и евреи. Контрабанда дѣйствительно была найдена на большую сумму, и приставъ арестованъ. Смотритель разсказалъ намъ, что приставъ отнялъ эту контрабанду у евреевъ, но, не сошедшись съ ними въ выкупной цѣнѣ, рѣшилъ самъ распродать ее на ярмаркахъ. Евреи все это пронюхали и, воспользовавшись проѣздомъ Позняка, наказали пристава за неуступчивость. Поздно вечеромъ смотритель далъ намъ пару какихъ-то дохлыхъ клячъ, и мы поплелись по размокшей почвѣ. Въ лѣсу ямщикъ своротилъ съ почтовой дороги, ссылаясь на крайнюю ея разстроенность, и повезъ насъ по корнямъ деревъ какими-то тропинками. Мокрыя вѣтви поминутно хлестали насъ въ лицо, и повозка готовилась опрокинуться то въ ту, то въ другую сторону. Нужно было крѣпко держаться за облучокъ, чтобы не вылетѣть. Ночь была такъ темна, что хоть глазъ выколи, и мелкій, холодный дождь продолжалъ моросить. Я замѣтилъ, что за спиной у меня сдѣлалось слишкомъ свободное пространство. Осмотрѣлся -оказалось, что чемоданчикъ мой, въ которомъ была и вицмундирная пара, и всѣ мои деньги, вывалился изъ повозки. Ямщикъ сейчасъ-же соскочилъ и хотѣлъ идти отыскивать потерянное, но мы настояли, чтобы онъ съ моимъ спутникомъ остался при лошадяхъ. Спотыкаясь и падая на каждомъ шагу, я обшаривалъ дорогу, подвигаясь назадъ. Наконецъ, верстахъ въ двухъ я наткнулся на чемоданъ, взвалилъ его на плечи и поплылся обратно. Боясь заблудиться, я подавалъ голосъ спутнику и получалъ отклики. Ямщикъ, безъ сомнѣнія, закинулъ бы куданибудь въ кусты чемоданъ, и я бы остался и безъ денегъ, и безъ бѣлья, и безъ одежи. Это трехсотверстное путешествіе по казенной надобности длилось цѣлую недѣлю. Частный учитель Ковальскій (такъ звали моего спутника), въ дорогѣ былъ большею частью молчаливъ. Иногда только высказывалъ онъ, что пора малороссамъ быть дружнѣе съ поляками, которые теперь совсѣмъ переродились; пора всѣмъ славянамъ сблизиться и оградить себя отъ всего нѣмецкаго и татарскаго. Подъ татарскимъ

онъ, безъ сомнѣнія, разумѣлъ все великорусское. Я не пускался съ нимъ въ споръ, и разговоръ прерывался.

Остановившись въ заѣзжемъ домѣ и вмѣстѣ трактирѣ какого-то швейцарца Ольгіати, я сейчасъ отправился къ директору гимназіи Гуго Эрнестовичу Траутфеттеру, брату ректора кіевскаго университета. Онъ принялъ меня весьма холодно и объявилъ, что я буду читать географію и въ V классѣ русскую исторію. Я объявилъ ему, что не знаю, гдѣ сыскать себѣ квартиру, такъ какъ въ трактирѣ жить не по карману. Онъ ничего мнѣ не отвѣтилъ. Посредствомъ фактора жидка я нашелъ одно только помѣщеніе изъ четырехъ комнатъ и кухни. Оно только что было отстроено, и потому еще не успѣли его занять. За это помѣщеніе безъ стола и дровъ я обязался платить въ годъ 120 р. Это помѣщеніе было для меня страшно велико, но другаго не было. Дрова и столъ съ чаемъ должны были поглотить остальное изъ 300 р. жалованья, такъ что на платье и сапоги ничего не предвидѣлось. Послѣ я узналъ, что въ старомъ палацѣ князей Любомирскихъ, принадлежавшемъ гимназіи, были двѣ свободныя квартиры, которыя отдавались учителямъ даромъ. Но Траутфеттеръ, какъ истый, чистокровный нѣмецъ, не пожелалъ предложить мнѣ русскому одну изъ нихъ, имѣя заднюю мысль держать русскихъ учителей, особенно новичковъ, въ загонѣ и нищетѣ и, слѣдовательно, въ полнѣйшемъ повиновеніи своей волѣ. Онъ былъ въ университетѣ въ Дерптѣ, но курса не окончилъ, по случаю какой-то исторіи и дуэлей. Русскимъ языкомъ онъ владѣлъ не вполнѣ свободно. Взятокъ не бралъ, но дѣлалъ экономію въ свою пользу на отопленіи и ремонтахъ зданія, а также имѣлъ выгоду отъ подрядчика общихъ квартиръ. Въ сравненіи съ другими директорами онъ былъ весьма честенъ и весьма остороженъ; къ нему никто ни въ чемъ не могъ придраться. Говорили, что небольшую выгоду удалось ему извлечь изъ постройки экономическимъ способомъ зданія кухонь для общихъ квартиръ. Впрочемъ, всѣ эти выгоды были крайне ничтожны, и онъ жилъ на свои 800 р. весьма скромно и разсчетливо съ семьей. Онъ ходилъ и зимой, и лѣтомъ въ истертой, даже заплатанной мѣстами, старенькой шинелишкѣ и только

тогда рѣшился обзавестись шубкой, снаружи покрытой кожей изъ какого-то морскаго звѣрька, съ чернымъ короткимъ и шерсткимъ волосомъ, подбитой внутри короткимъ желтоватымъ мѣхомъ,—когда во время поздравленій съ новымъ годомъ какой-то пьяный поздравитель утащилъ его шинелишку, Шубки эти получались готовыми изъ Австріи послѣ венгерской кампаніи и были даже въ модѣ. Шубка стоила совсѣмъ готовая къ употребленію всего 28 р. сер. и была тепла и весьма удобна, особенно въ зимнее или осеннее время, въ оттепель и грязь. Стоило забрызганную грязью шубку повѣсить на нѣсколько часовъ и затѣмъ встряхнуть, и вся грязь сама собою осыпалась, и волосъ на шубкѣ принималъ прежній черный блестящій видъ. Эти шубки носились годы; волосъ на нихъ стирался нескоро.

По своему образованію и осторожности Траутфеттеръ не могъ имѣть особеннаго вліянія на поднятіе педагогическаго дѣла въ гимназіи, но все-таки при немъ успѣхи были недурны, учителя аккуратно посѣщали уроки, во всемъ былъ порядокъ; съ дѣтьми обращались хорошо и недурно кормили ихъ въ общихъ квартирахъ. Иногда на бутерброды и чай приглашалъ къ себѣ Гуго Эрнестовичъ учителей, бывалъ у семейныхъ учителей, и, наконецъ, по его иниціативѣ въ учительскомъ кругу завелись разъ въ недѣлю очередные бутерброды. Впрочемъ они продолжались одну только зиму, такъ какъ потеряли свой скромный характеръ семейнаго учительскаго кружка, и продолжать ихъ сдѣлалось разорительнымъ.

Инспекторъ Алекс. Дмитр. Т—овъ и учитель математики Петръ Дмитріевичъ Коленко, имѣя много знакомствъ въ городѣ, превратили ихъ въ свои очередные дни въ балы съ музыкой, на которые являлась вся чиновная знать пышно и дорого разряженная, такъ что жены и дочери учителей въ своихъ скромныхъ костюмахъ совсѣмъ стушевались. Когда пришла новая очередь для бутербродовъ, то никто не захотѣлъ ее возобновить, не будучи въ состояніи соперничать въ издержкахъ съ Т—ымъ и Коленко [1]). Траутфеттеръ самъ не бралъ взятокъ,

[1]) Здѣсь у А. Солтановскаго замѣчается маленькая неточность: у Т-ова лично вечеровъ не бывало, т. к. жена его была больна и вскорѣ умерла. Вечера-

но былъ недостаточно энергиченъ, чтобы помѣшать Т — ову и Коленку пользоваться ими. Т—овъ весьма сдружился съ Коленко; происходили всякія натяжки во время испытаній и переводовъ, случались даже подчистки мѣсячныхъ отмѣтокъ въ вѣдомостяхъ. Т—овъ кромѣ того тянулъ безплатно всю провизію для своего стола съ подрядчика общихъ квартиръ.

Въ университетѣ я жилъ на казенномъ содержаніи въ камерѣ № 8. Насъ было 8 человѣкъ: шесть человѣкъ поляковъ и два русскихъ. Поляки вели себя нравственно и серьезно занимались науками. Во взаимномъ обращеніи они были всегда приличны, и дружеское отношеніе выражалось ласкательными именами: Стасю, Олесю и т. д. Нескромныхъ разговоровъ никогда не было. Къ Богу и Его Промыслу относились съ полною вѣрою. Политическій и соціальный бытъ не только Россіи, но и другихъ государствъ подвергался осторожной критикѣ. Нѣмцевъ, особенно Австрію и Меттерниха, столько-же не любили, какъ и русское правительство. Къ русскимъ относились дружелюбно, хотя, можетъ быть, это дѣлали изъ приличія къ намъ и изъ политики. Такой кружокъ не могъ не имѣть хорошаго вліянія на меня, вынесшаго изъ семьи сѣмена вѣры въ Бога и добрую нравственность. Въ камерахъ, гдѣ жили одни русскіе, чувствовалось не то. Дружескія отношенія выражались не ласкательными именами, а грубою руганью: Частыя ссоры, даже драки, запахъ водки, похабные разговоры и соблазнительные разсказы, полное невѣріе въ Бога и безсмертіе души, особенно между медиками, характеризовали эти кружки будущей интеллигенціи, долженствовавшей на разныхъ поприщахъ служить государству и вліять на народъ.

же эти устраивались учителями холостыми въ складчину и, дѣйствительно, вскорѣ потеряли характеръ бутербродовъ. Дѣлаемъ эту поправку на основаніи словъ одной пожилой особы, бывшей какъ разъ въ то время въ Ровно и очень близко стоявшей къ учебному персоналу; этой особѣ, между прочимъ, мы обязаны нѣкоторыми поправками въ запискахъ А. Солтановскаго, относящимися къ Ровенскому періоду 1849—53 гг.—Ред.

При воспитаніи во-время сказанное доброе слово запечатлѣвается на всю жизнь въ ребенкѣ и даже опредѣляетъ навсегда его нравственную дѣятельность. До поступленія въ гимназію я отлично зналъ десять заповѣдей; онѣ для меня значили не болѣе, какъ слова молитвы, которыя нужно было прочитать каждый день утромъ и вечеромъ. „Не укради“ я повторялъ безъ всякаго вниманія, и хотя чужого не трогалъ ничего, не кралъ, но равнодушно смотрѣлъ, какъ во время зимы разбирались чужими людьми плетни, какъ полицейскіе и чиновники присвоивали себѣ чужое и въ видѣ подарковъ, и въ видѣ вымогательствъ. Мой отецъ служилъ секретаремъ земскаго суда въ то время, когда секретари были полными хозяевами уѣзда и наживали состоянія. Между тѣмъ отецъ былъ очень бѣденъ и существовалъ съ семействомъ исключительно на свое ничтожное жалованье, которое едва давало возможность изворачиваться и въ это баснословно дешевое время, когда корецъ пшеницы стоилъ 75 коп., сажень дровъ съ доставкой 3 р., сажень сѣна съ доставкой 4 р, а сажень соломы 1 р. сер. Я часло слышалъ упреки отцу отъ знакомыхъ: Вы сами виноваты, Акимъ Ивановичъ! Самъ Спаситель сказалъ: „всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ“. Вы по своей гордости пренебрегаете словами Спасителя, а у Васъ есть семья.—Отецъ отшучивался. У отца былъ пріятель, столоначальникъ магистрата Василій Васильевичъ Мизниковскій, имѣвшій въ городѣ домикъ, хуторъ и сѣнокосъ съ пахатнымъ полемъ (леваду). Онъ былъ старый холостякъ, часто у насъ обѣдалъ по праздникамъ послѣ обѣдни, а иногда пилъ чай и игралъ въ карты въ игру „дружбартъ“ [1]). Кое-когда и отецъ заходилъ къ нему на чай и дружбартъ и бралъ меня съ собою для составленія партіи. Играли безъ денегъ, для препровожденія времени. Однажды мы заигрались до поздней ночи у Мизниковскаго. У отца была палка, а у меня не было въ рукахъ ничего. Между тѣмъ со всѣхъ сторонъ изъ дворовъ стали наскакивать собаки. Ночь была совершенно темная.

[1]) Нѣкоторое видоизмѣненіе другой, болѣе извѣстной, игры, называемой „марьяжъ“.

Боясь, что отецъ не успѣетъ своею палкою охранить и себя, и меня, я подошелъ къ чужому плетню и выломалъ кусокъ хворостины. Когда мы приближались къ дому, отецъ сказалъ мнѣ, что большой грѣхъ передъ Богомъ пользоваться чужимъ добромъ и трогать чужое. Ты крѣпко согрѣшилъ, унесши хворостину изъ чужого плетня. Я отвѣчалъ, что выломаной хворостиной я не испортилъ чужого плетня, а хворостинка эта защитила меня отъ собакъ. Отецъ возразилъ, что лучше быть укушеннымъ собакою, чѣмъ тронуть чужое. При томъ же ты самъ виноватъ: почему не взялъ съ собою изъ дома палки? Другой своимъ имуществомъ не долженъ отвѣчать за твою оплошность.—Кусокъ хворостины не составляетъ имущества, другіе же берутъ взятки, опустошаютъ чужіе сады,—отвѣчалъ я.—Другіе нарушаютъ заповѣди Божіи: „не укради“, „не пожелай чужого“, а ты, сынъ мой, этого не долженъ дѣлать! Развѣ ты замѣчаешь, что я дѣлаю такъ, какъ другіе?—Да, всѣ говорятъ, что Спаситель позволилъ даянія и дары.—Они извращаютъ смыслъ божественныхъ словъ Спасителя, они вдвое грѣшатъ, искушая меня. Благо, что не на такого напали. Всякій долженъ довольствоваться своимъ, что пріобрѣлъ собственнымъ трудомъ, и тотъ тяжко согрѣшаетъ предъ Богомъ, кто позволитъ себѣ тронуть даже чужую соломинку.—Этотъ разговоръ разъяснилъ мнѣ навсегда практическое значеніе заповѣдей: „не укради, не пожелай чужого“ и охранилъ меня на всю жизнь отъ присвоенія и вымогательства и частной, и общественной, и казенной собственности. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ возбудилъ во мнѣ цѣлый рядъ мыслей, осмыслилъ для меня слова молитвы и заставилъ слѣдить за собою и давать себѣ отчетъ во всѣхъ моихъ словахъ и поступкахъ и такимъ образомъ навсегда охранилъ меня отъ всякихъ увлеченій. Я рано почувствовалъ брезгливость къ пьянымъ и отвращеніе ко всякаго рода опьяняющимъ напиткамъ. Женская красота, особенно красивыя формы мнѣ весьма нравились, но слѣдя за собою, я подавлялъ въ себѣ половые инстинкты. Въ университетѣ я мечталъ остаться на всю жизнь дѣвственникомъ и хотѣлъ посвятить себя служенію Богу и слабому человѣчеству, хотѣлъ поступить въ монахи и,

достигнувъ архіерейства, съ архіерейской каѳедры провозглашать правду Божію и стараться водворить между людьми царство Божіе на землѣ. Съ этой цѣлью я познакомился и даже сблизился съ нѣкоторыми лаврскими іеромонахами. Они посвятили меня во всю закулисную жизнь монастырей, во всѣ отношенія монаховъ между собою, съ низшими себя, съ высшими, съ властями, съ мірянами—и я ужаснулся. Я понялъ, что съ своими стремленіями я погибну, ничего не достигши, или же долженъ буду отказаться отъ своихъ идеаловъ и сдѣлаться слѣпымъ орудіемъ неправды и силы. Я отказался отъ монашества, но велъ жизнь чисто монашескую: не зналъ ни женщинъ, ни напитковъ; избѣгалъ дѣлать другимъ малѣйшія непріятности, не курилъ, не игралъ въ карты, даже воздерживался по цѣлымъ мѣсяцамъ отъ мясной пищи. Конечно, я не отказывалъ себѣ, когда были средства, въ посѣщеніи концертовъ и театра.

Такимъ я явился на службу младшимъ учителемъ въ Ровенскую гимназію.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Протоіерей С. И. Опатовичъ.

(НЕКРОЛОГЪ).

12-го апрѣля с. г. скончался въ С.-Петербургѣ протоіерей смоленскаго кладбища *Стефанъ Ивановичъ Опатовичъ*. Хотя покойный большую часть своей жизни провелъ въ С.-Петербургѣ, но по своему происхожденію, первоначальному воспитанію, своимъ влеченіямъ и частію по своей литературной дѣятельности принадлежалъ Малороссіи; поэтому будетъ вполнѣ умѣстно посвятить его памяти мѣсто на страницахъ „Кіевской Старины".

С. И. Опатовичъ родился 15 декабря 1831 года въ м. Горынгродѣ, ровенскаго уѣзда волынской губерніи, гдѣ отецъ его, также протоіерей, былъ приходскимъ священникомъ. Первоначальное образованіе Стефанъ Ивановичъ получилъ въ духовномъ училищѣ въ Клевани, а затѣмъ въ Кременецкой духовной семинаріи. Слѣдуя примѣру старшаго брата, который въ то время, окончивши академическій курсъ, былъ уже священникомъ въ ц. Покрова въ С.-Петербургѣ, онъ поступилъ въ Петербургскую духовную академію въ 1853 г. и по окончаніи въ ней курса былъ назначенъ преподавателемъ въ Олонецкую духовную семинарію. Въ Петрозаводскѣ покойный пробылъ только около года: въ 1858 г., послѣ женитьбы, онъ былъ назначенъ священникомъ на Смоленскомъ кладбищѣ въ С.-Петербургѣ и въ этой должности прослужилъ почти 34 года; за все это время онъ жилъ безвыѣздно въ столицѣ и только одинъ разъ, въ 1862 г., побывалъ на родинѣ на Волыни. Скончался

о. Опатовичъ отъ чахотки на 61-мъ году своей жизни; 15-го апрѣля громадная толпа собравшихся на кладбищѣ провожала его до могилы.

Если внѣшняя жизнь С. И. Опатовича была бѣдна перемѣнами, то за то она богата была внутреннимъ содержаніемъ. Покойный протоіерей всегда въ высшей степени добросовѣстно относился къ исполненію обязанностей своего сана; онъ много заботился о благоустройствѣ и упорядоченіи Смоленскаго кладбища; всегда внимательно и участливо исполнялъ всѣ требы; даже подъ конецъ жизни, когда чахотка окончательно подломила его и безъ того слабыя силы, онъ выполнялъ всѣ обязанности очереднаго священника, пока окончательно не слегъ. Чуть не ежедневное въ теченіе многихъ лѣтъ исполненіе требъ по отпѣванію и погребенію мертвыхъ, постоянное, изо дня въ день повторяющееся зрѣлище смерти, людского горя и отчаянія, казалось, должны были бы замѣтно отразиться на характерѣ о. Опатовича. Можно было бы предположить, что онъ обратится въ сухого и черствaго зрителя этихъ для него повседневныхъ явленій, что воспріимчивость и впечатлительность къ людскимъ страданіямъ и несчастіямъ въ немъ постепенно ослабѣютъ, наконецъ и совсѣмъ заглохнутъ. Но въ немъ было такъ много душевной доброты, такое глубокое религіозное чувство любви къ ближнимъ, что до конца своей жизни онъ вполнѣ сохранилъ способность глубоко сочувствовать всѣмъ лучшимъ человѣческимъ стремленіямъ, сердечно относиться къ страданіямъ людей. И это сказывалось особенно ярко при исполненіи имъ отпѣванія: глубокое пониманіе значенія смерти сказывалось въ его служеніи,—оно глубоко трогало даже постороннихъ и безучастныхъ иновѣрцевъ. Въ каждомъ словѣ, съ которымъ онъ обращался къ людямъ, близкимъ къ умершему, сказывалось такое теплое, сердечное участіе къ ихъ горю, что невольно успокаивало и утѣшало ихъ.

Послѣдствія душевной доброты о. Опатовича обнаружились и послѣ его смерти: занимая такъ долго доходное мѣсто священника на смоленскомъ кладбищѣ, будучи притомъ бездѣтнымъ, онъ ничего не сберегъ, не оставилъ послѣ себя ника-

кихъ средствъ. За то подолгу, годами, проживали у него неимущіе молодые люди, родственники, земляки или только близко знакомые, получавшіе образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы; нѣсколькихъ племянниковъ и племянницъ онъ воспиталъ на свой счетъ. Онъ всегда любилъ окружать себя молодежью; многіе учившіеся въ университетѣ, въ академіяхъ медицинской, духовной и художествъ или въ консерваторіи меньше чувствовали нужду и одиночество на чужбинѣ, благодаря о. Опатовичу, котораго постоянно посѣщали, у котораго весело проводили досужіе вечера и временами подолгу проживали; здѣсь они находили не только радушный пріемъ, но и добрый, участливый совѣтъ; здѣсь хозяинъ съ его теплымъ, религіознымъ чувствомъ внушалъ имъ бодрость душевную, уваженіе и любовь къ знанію, къ искусству, къ труду и къ трудящимся; здѣсь имъ нерѣдко оказывалась и матерьяльная помощь. Изъ среды этой молодежи нѣкоторые потомъ сдѣлались извѣстными учеными, врачами, художниками; всѣ они вѣроятно навсегда сохранятъ чувство глубокой признательности къ доброму своему пастырю. Не только молодежь, но и люди вполнѣ зрѣлые, высокообразованные и ученые, даже старше его по возрасту, подчинялись обаянію его теплоты сердечной и высоко-нравственныхъ идеаловъ: изъ числа такихъ лицъ одинъ глубокій старикъ, притомъ же католикъ, говорилъ составителю этого некролога, что въ особенно тяжкія минуты онъ всегда обращался къ Стефану Ивановичу, потому что передъ нимъ легко было открывать душу, сообщать ему всѣ свои даже наиболѣе сокровенныя, интимныя тайны. Въ числѣ лицъ, нашедшихъ пріютъ и поддержку у покойнаго, былъ и молодой землякъ и дальній свойственникъ его, Василій Степановичъ Гуглинскій (ум. аудиторомъ при окружномъ штабѣ въ Ташкентѣ въ 1891 г.?), пріѣхавшій въ С.-Петербургъ съ намѣреніемъ поступить въ высшее учебное заведеніе. Это поступленіе почему то не состоялось, но Гуглинскій прожилъ у Стефана Ивановича около шести лѣтъ. Когда въ 1861 г. стала издаваться „Основа“, Гуглинскій помѣстилъ въ ней нѣкоторыя

свои произведенія [1]), примкнулъ къ кружку ближайшихъ сотрудниковъ и руководителей журнала и очень сблизился съ ними. Черезъ него о. Опатовичъ познакомился съ Н. И. Костомаровымъ; знакомство очень скоро обратилось въ дружбу, которая продолжалась до самой смерти историка. На вторникахъ у послѣдняго о. Стефанъ былъ всегдашнимъ гостемъ; въ свою очередь Николай Ивановичъ часто посѣщалъ на смоленскомъ кладбищѣ своего духовника, который при посредствѣ перваго познакомился и сблизился съ Д. Г. Лебединцевымъ, Ф. К. Неслуховскимъ, Д. Л. Мордовцевымъ, академикомъ А. Н. Савичемъ и другими лицами, особенно—съ причастными къ „Основѣ". Одинадцатаго мая 1862 г., въ день св. первоучителей славянскихъ, о. Опатовичъ отслужилъ послѣ обѣдни молебенъ въ храмѣ смоленскаго кладбища въ присутствіи кружка „Основы" въ память окончившагося тысячелѣтія перевода священныхъ книгъ на церковно-славянскій языкъ: это вызвало въ С.-Петербургѣ много толковъ и сплетенъ, а потомъ и непріятностей для о. Опатовича.

Покойный протоіерей былъ нѣкоторое время законоучителемъ въ приготовительномъ пансіонѣ для Александровскаго лицея Боце, въ другомъ частномъ пансіонѣ для подготовки въ разныя учебныя заведенія, особенно въ строительное училище Эмме, и потомъ въ продолженіе 3-хъ лѣтъ—въ Покровской женской гимназіи. Онъ обладалъ талантомъ преподавателя, и вездѣ имъ дорожили, но по слабому здоровью долженъ былъ къ великому сожалѣнію сослуживцевъ и особенно учащихся оставить педагогическое поприще. За то, когда въ С.-Петербургѣ открылись чтенія для народа, Стефанъ Ивановичъ одинъ изъ первыхъ принялъ въ нихъ участіе: онъ читалъ въ народныхъ ау-

[1]) Въ „Основѣ" за 1862 г. онъ помѣстилъ свои статьи 1) Зъ народнихъ устъ: „Війтъ Семенъ"; 2) „Передъ свитомъ" (дума) и 3) Зъ народнихъ устъ: „И наука иноди не въ науку" подъ псевдонимами В. Г-гл-ського (февраль), Михаила Чайки (май) и М. Чайки (августъ). Сверхъ того, В. С. Гуглинскій написалъ напечатанные славянскимъ шрифтомъ „Житіе св. великомученика Георгія (юрія) Побидоносьця, Житіе св. великомученици Варвари и Житіе преподобной матери нашой Маріи Египетской. Питербурхъ въ печатни императорьской академіи наукъ. 1863 г.", не поступившія въ продажу.

диторіяхъ на Владимірскомъ проспектѣ въ домѣ, гдѣ теперь помѣщается приказчичій клубъ, въ Горномъ институтѣ и въ педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній. Плодомъ этихъ чтеній явилась книга „Первые вѣка христіанства и распространенія его на Руси“ свящ. Опатовича, съ 15-ю раскрашенными картинами. (Изданіе учрежденной по Высочайшему повелѣнію Министромъ Народнаго Просвѣщенія постоянной коммиссіи народныхъ чтеній. СПБ. 1873“). Здѣсь авторъ обнаруживаетъ талантъ просто и общедоступно, но въ тоже время очень интересно, разсказывать о событіяхъ, касающихся избранной имъ темы.

Какъ даровитаго и знающаго священника, начальство петербургской епархіи пригласило о. Стефана участвовать въ собираніи и разработкѣ историко-статистическихъ свѣдѣній по епархіи. Участвуя въ занятіяхъ и изданіяхъ учрежденной для этой цѣли коммиссіи, о. Опатовичъ работалъ въ синодальномъ и консисторскомъ архивахъ. Плодомъ его занятій здѣсь между прочимъ явился историческій очеркъ „Описаніе смоленскаго кладбища въ С.-Петербургѣ“ („Русская Старина“ 1873 г. т. 8, стр. 168—200); здѣсь описаны могилы писателей В. К. Тредьяковскаго, Я. Б. Княжнина, Н. И. Хмѣльницкаго и Елизаветы Кульманъ, художниковъ и артистовъ Боровиковскаго, Бортнянскаго и другихъ, а также могилы чтимой народомъ Ксеніи. Въ „Русской Старинѣ“ за 1877 г. т. 18-й покойный помѣстилъ небольшой очеркъ „Евдокія Андреевна Ганнибалъ“ (стр. 69—78)—это сообщеніе о бракоразводномъ дѣлѣ арапа Петра Великаго. Но самъ авторъ всего болѣе цѣнилъ свои „Оповиданя зъ Святого Письма. Выпускъ першій. Церковъ Божа Патріархальна (въ семьи). Петербургъ 1863“. Были написаны и слѣдующіе выпуски, но они не были напечатаны. „Оповиданя“ дѣйствительно представляютъ замѣчательный трудъ: авторъ мастерски владѣетъ языкомъ, просто, но крайне интересно и художественно разсказываетъ о главнѣйшихъ ветхозавѣтныхъ событіяхъ до переселенія евреевъ въ Египетъ и объ Іовѣ. Удачный выборъ терминовъ и образовъ дѣлаетъ разсказъ вполнѣ доступнымъ для пониманія дѣтей и простолюдиновъ, а глубо-

кое знаніе быта и понятій малорусскаго народа, при высокомъ нравственномъ идеалѣ автора, дѣлаетъ „Оповиданнѣ“ чрезвычайно интересными и поучительными.

Послѣ С. И. Опатовича остались рукописи и обширная переписка. Онѣ находятся у его родного племянника Владиміра Константиновича Опатовича въ С.-Петербургѣ. Было бы крайне желательно, чтобы весь этотъ матерьялъ былъ поскорѣе разобранъ и чтобы все представляющее интересъ и доступное для печати было напечатано.

В. Б.

С.-Петербургъ,
18-го мая 1892 года.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Подольская легенда о Бунякѣ. Въ 1873 году, по распоряженію центральнаго статистическаго комитета, собранъ былъ по волостямъ богатый матеріалъ для приведенія въ извѣстность памятниковъ древности, разсѣянныхъ въ краѣ. Пересматривая данныя, относящіяся къ территоріи подольской губерніи, я встрѣтилъ въ донесеніи миньковецкой волости (ушицкаго уѣзда) оригинальную легенду, записанную волостнымъ писаремъ «отъ старожиловъ», относимую ими къ городищу, сохранившемуся у села Великой Кужелевой. Легенда эта представляетъ, очевидно, сводъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ преданій, конкретныя черты которыхъ сгладились въ народной памяти и подробности странно перемѣшались въ видѣ довольно оригинальнаго potpourri. Полагаю, что кужелевская легенда можетъ представить нѣкоторый интересъ, если не по содержанію, которое уже утеряло существенные архаическіе признаки, то, по крайней мѣрѣ, какъ образчикъ вывѣтриванія и интерполяціи народныхъ сказаній. Выписываю эту легенду дословно въ томъ видѣ, въ какомъ она записана была писаремъ въ 1873 году.

«Изъ разсказовъ старожиловъ оказывается, что городище въ с. Великой Кужелевой, называемое «Мистысько», въ древнія времена занято было городомъ, называвшимся Кружель; городъ этотъ разорилъ въ древности козакъ Солудывый Буйнякъ, который въ одно и то же время разорилъ мѣстечко, на мѣстѣ котораго теперь существуетъ село Тышковъ, и городъ, бывшій тамъ, гдѣ теперь находится село Городиска. Буйнякъ окончилъ свои военныя разбойническія похожденія у мѣстечка Городка (Грудка) каменецкаго уѣзда, гдѣ его побѣдилъ кожемяка Самсонъ Кириловичъ; кожемяка этотъ былъ настолько силенъ, что если бывало разсердится на кого нибудь, то въ минуты вспыльчивости въ одно мгновеніе раздеретъ двѣнадцать воловьихъ кожъ.

Когда Буйнякъ подступилъ къ Городку съ своимъ войскомъ, кожемяка Кирилловичъ въ то время спалъ; жители, разбудивъ его, просили у него защиты. Кириловичъ приказалъ себѣ сдѣлать изъ шелку толстую тесьму, на которую нацѣпилъ мельничный жерновъ и кругообразнымъ движеніемъ его уничтожилъ все войско Буйняка и побѣдилъ его самого; это-же случилось слѣдующимъ образомъ: козакъ Буйнякъ имѣлъ вѣки до самой земли, которыя, когда онъ подходилъ къ какому нибудь городу, два козака подымали ему особо устроенными вилами; тогда онъ, осмотрѣвъ городъ, отдавалъ приказъ своему войску, откуда начинать приступъ; вѣки эти имѣли такое свойство, что если кто-либо изъ непріятелей Буйняка окажется настолько сильнымъ, что приподыметъ ихъ, то тому суждено будетъ побѣдить Буйняка. На долю Кириловича выпало воспользоваться этимъ таинственнымъ свойствомъ вѣкъ—онъ приподнялъ ихъ, побѣдилъ Буйняка и прекратилъ дальнѣйшія его разрушительныя завоеванія; такимъ образомъ мѣстечко Городокъ спаслось отъ разрушенія и уцѣлѣло до настоящаго времени».

В. А.

Игры молодежи въ деревнѣ Леоновкѣ, кіевскаго уѣзда.

1. *Весняныя игры «дивчатъ» и дѣтей.* Эти игры съ пѣніемъ открываются еще за недѣлю до Благовѣщенія; на самое-же Благовѣщеніе дивчатъ вполнѣ охватываетъ какое-то поэтическое вдохновеніе, навѣянное оживленной природой весны. Церковный праздникъ Благовѣщенія блеснетъ въ религіозномъ сознаніи жителей деревни вообще и молодежи въ особенности отъ совпаденія съ нимъ во времени празднованія оживляющейся природы. Обновляющаяся природа празднуетъ свое возрожденіе въ лицѣ своихъ дѣтей,—свѣжихъ, не заклейменныхъ еще суровой жизнью «дивчатъ».—Къ обѣденному времени разряженныя «дивчата» собираются со всей деревни въ одно мѣсто,—на одинъ изъ концовъ деревни. Побравшись за руки, составивъ такимъ образомъ изъ себя живой вѣнокъ, обходятъ *навкруги* деревни съ торжественнымъ пѣніемъ веснянокъ. Слѣдующей, напримѣръ, пѣсней сопровождается игра «въ хмиль».

Ой поросты, хмелю (2), вышче мого двору;
Ой не ходы нелюбъ коло мого двору (2).
Ой якъ тяжко-важко (2) каменю та котытыся,
А ще тяжче-важче старому та женытыся (2),
Молоду жинку браты (2), що не вміе зъ старымъ спаты.

Ой поросты, хмелю (2), вышче мого двору;
Ой походы, мылый (2), коло мого двору,
Ой походы, мылый (2), коло мого двору,—
По твоимъ слидочку (2) перстыкомъ да покотыла.
Ой якъ легко, гарво (2), перстыку да котытыся,
А ще легче, краще (2) молодому та женытыся,
Молоду жинку браты (2), що вміе зъ молодымъ спаты.

Во время пѣнія этой пѣсни дивчата, побравшись за руки и перевиваясь подъ руками крайнихъ двухъ дивчатъ, изображаютъ изъ себя вьющійся хмѣль, почему игра эта и называется игрой *въ хмиль*.—А то еще въ это-же время и на «великдень» совершаются дивчатами слѣдующія игры.

Становятся дивчата въ кружокъ; одна изъ нихъ становится въ этомъ кружкѣ въ роли жены, а другая, внѣ круга съ розгою,—въ роли мужа. Кружокъ, побравшись за руки съ участіемъ «мужа и жоны», поетъ:

„Гей-же, жоно, до дому!"—Бисивъ муже, не пійду.—
„Качки крячуть йисты хочуть—йды до дому".
—Тамъ у решетыньци (въ решети) послидныци,
(послидъ) То й самъ дай! (2).
А вже тее пойилы, пойилы".—Хиба лыха зхотилы, зхотилы?
„Гей, жоно, до дому!"—Бисивъ муже, не пійду!—
„Диты плачуть—йисты хочуть!" — Тамъ на полыци три паляныца
То й самъ дай! (2).
„А вже тее пойилы, пойилы!"—Хиба лыха зхотилы, зхотилы?—
„Гей, жоно, до дому!"—Бисивъ муже, не пійду!—
„Дочки плачуть—замужъ хочуть, то йды до дому!"
—Тамъ въ бодныци (въ бодни) три плахтыци,
То й самъ дай! (2).
„А вже тее зносылы, зносылы". — Хиба лыха зхотилы, зхотилы?—
„А я пыва наточу, наточу, таки мылу выклычу, выклычу".
—А мы пыво попьемо, попьемо, да й мылои не дамо, не дамо.
„А я булокъ напечу, напечу, таки мылу выклычу, выклычу!"
—А мы булкы пойимо, пойимо, и мылои не дамо, не дамо.
„А я меду наварю, наварю, таки мылу выдурю, выдурю".
—А мы той медъ попьемо, попьемо, та й мылои не дамо, не дамо.

Съ послѣдними словами пѣсни «мужъ» загоняетъ «жону» розгой; «жона» убѣгаетъ подъ руками подругъ кругомъ, мужъ ее розгой погоняетъ. Въ случаѣ желанія повторить игру — выступаетъ другая пара дивчатъ для ролей мужа и жены, и игра, съ пѣніемъ и смѣхомъ, совершается прежнимъ порядкомъ.

Побравшись за руки и бѣгая по улицамъ вереницей, дивчата поютъ также:

Ой *Шумъ* ходыть,—по дорози бродыть,
А Шумыха рыбу ловыть,
Що вловыла, то й пропыла,
Дочци шубы не купыла:
„Пожды доню до субботы,
Куплю шубу, ще й чоботы".
—Або мене замижъ дайте,
Або мени шубу справте,
Або мене залышить,—
На папери напышить.

«У макъ» дивчата играютъ такъ: составятъ, побравшись за руки, кругъ; посрединѣ круга садится одна изъ дивчатъ — чаще изъ дѣвочекъ-подростковъ, — изображая изъ себя макъ. Весь кружокъ, дѣлая круговыя движенія то въ одну, то въ другую сторону, поетъ:

При дорози макъ, при шырокій макъ,
Ой макъ чыстый, головыстый, —
Молодыи молодычки, станьте въ рядъ,
Тутъ буде ладъ.

Пропѣвъ это нѣсколько разъ, схватываютъ на руки сидящій посреди кружка «макъ», подкидываютъ на воздухъ, не допуская до паденія его на землю, а подхватывая на руки.

Игра *въ качанъ* также проста.

Крайняя изъ побравшихся за руки дивчатъ стоитъ неподвижно, а другой конецъ дивчатъ обкручиваетъ ее до тѣхъ поръ, пока не составится куча дивчатъ, изображающая завившуюся головку капусты. Потомъ начинаетъ качанъ «розвыватысь» —раскручиваются въ обратномъ порядкѣ. Припѣваютъ при «завиванiи» качана:

Ой звiй, Боже, качана, качана!

при «розвиванiи»:

Розвiй, Боже, качана, качана.

Передъ повтореніемъ завиванія:

Качавъ, качавъ, та й знову почавъ.

Начиная игру въ *«заиньку»* составляютъ тоже кружокъ. Одна изъ дивчатъ становится въ кругѣ въ роли заиньки, а дивчата, дѣлая движенія вокругъ нея то въ одну сторону, то въ другую, поютъ:

Городылы заиньку зиллемъ-киллемъ,
Никудою заиньку а ни выскочыты.
Никудою заиньку а ни выстрыбнуты.
Заиньку! Чы головка болыть?

«Городылы зайньку...» поется нѣсколько разъ съ новыми вопросами: чы колиньця болять, чы пятки болять, чы плечи болять, чы реберця болять и т. п. Соотвѣтственно вопросу, дѣвушка, изображающая изъ себя «зайньку», граціозно указываетъ руками то на голову, то на колиньця, плечи и проч. По окончаніи пѣсни, «зайнька» выскакиваетъ изъ своей горожи — изъ круга; дивчата гоняются за нимъ и, поймавъ, насмѣявшись вдоволь, порѣзвившись надъ этимъ «зайнкомъ», начинаютъ, смотря по охотѣ, вновь эту игру, и роль «зайнки» заступаетъ другая дѣвушка.

Для игры въ *ленокъ* становятся, побравшись за руки, въ рядъ. Одна изъ ряда дивчатъ идетъ къ одной изъ крайнихъ и говоритъ: «Кумко-голубко, иды до мене ленку брать!» А та ей отвѣчаетъ:— А хлиба дасы? — «А той де дила?» — Зъ козакамы на печи ззила.— «А робыть?» — А головка болыть!— «А замижъ?» —Хочъ заразъ,— и бѣжитъ отвѣчающая, переплетаясь подъ руками на другой конецъ ряда, а спрашивавшая съ розгой гонится и хлещетъ ее слегка. Къ слѣдующей, что стояла подлѣ убѣжавшей на другой конецъ ряда, спрашивающая обращается съ тѣми-же вопросами, и игра идетъ прежнимъ порядкомъ, пока всѣхъ не переберетъ.

Въ игрѣ *въ ящура*—составляютъ дивчата кругъ; въ этомъ кругу становится одна изъ проворныхъ и начинаютъ всѣ пѣть, дѣлая движенія:

Сыды, сыды, ящуре, въ горохвянимъ мисци,
Май соби жинку, якъ перепилку,
Якъ спіймемъ, обдеремъ,
Завтра по ранку, выкопаемъ ямку,
Пырогивъ напечемъ и ящура зпомянемъ.

Во время этой пѣсни «ящуръ» снимаетъ съ головъ поющихъ дивчатъ поочередно платки и надѣваетъ ихъ всѣ себѣ на шею. Потомъ ловко выпрыгиваетъ изъ кружка и безъ оглядки бѣжитъ въ какую нибудь сторону, а всѣ бѣгутъ за ней—за ящуромъ въ догонку; рѣзвая, ловкая дѣвушка— «ящуръ»—не сразу дается въ руки, а вездѣ дивчатъ за собой пообводитъ, а потомъ, натѣшившись и потѣшивши всѣхъ, сама отдается въ руки; тогда съ нея сдираютъ свои платки дивчата; избираютъ для роли «ящура» новое лицо и игра продолжается.—Въ эту игру играютъ преимущественно дивчата-«пидлитки».

2. *Между дѣтскими играми, не приноровленными ко времени, извѣстны въ д. Леоновкѣ игры: въ «ворона», въ «дрибъ соли, дрибъ», въ «блудня», въ «кота» и въ «царя»*

При игрѣ *въ ворона* одно изъ дѣтей сидитъ на землѣ и ковыряетъ пальцемъ землю; а остальныя дѣти, выбравъ изъ себя бо́льшаго, становятся въ рядъ сзади выбраннаго и держатся одинъ за поясъ или одежду другаго. Передній спрашиваетъ сидящаго «ворона»:

— Вороне, вороне! що ты робышь?

— Пичку копаю,—отвѣчаетъ онъ.

— На що?

— Окринъ буду грить!

— На що?

— Твоимъ дитямъ очи залывать.

— За що?

— Щобъ у мою капусточку не ходылы сц..., щобъ за тынъ (коп.) не выкидать.

Съ послѣдними словами сидѣвшій «воронъ» бросается на дѣтей передняго—матери, а передній забѣгаетъ при этомъ на передъ ворону и защищаетъ своихъ дѣтей; дѣти-жъ — заднія, бросаются въ обратную сторону отъ ворона и, какъ галушки, падаютъ на землю. Затѣмъ игру оставляютъ или-же вновь начинаютъ.

Въ «дрибъ соли, дрибъ» играютъ по двое и чаще дѣвочки, чѣмъ мальчики. Игра вотъ въ чемъ состоитъ. Ставъ одинъ противъ другого, берутся за руки; оперши ноги объ ноги, натянувъ руки, кружатся на одномъ мѣстѣ со словами, произносимыми на распѣвъ:

Дрибъ соли, дрибъ, на камени бибъ,—
Пидъ каменемъ бочка, Петрова дочка
Выгнала бычки въ воритнычки:
Пасится бычки, пиду по телычки;
Бычки не пасутся,—мычки не прядутся.

Закружившись, падаютъ на землю и наблюдаютъ обманъ зрѣнія: какъ земля съ предметами кружится въ ихъ глазахъ.

Въ «блудня» играютъ преимущественно мальчики. Игра состоитъ въ слѣдующемъ. Берутъ палочку, длиною съ четверть аршина, заостриваютъ съ одного конца, а на другомъ выдѣлываютъ головку—булавку. Потомъ обводятъ ногою или-же палкой по землѣ «городокъ»—часть земли, сажня два въ окружности. Одинъ изъ играющихъ беретъ эту палочку и втыкаетъ ее въ обчерченномъ кругѣ, а въ это время другой завязываетъ глаза платкомъ или чѣмъ другимъ. Когда палочка уже воткнута, то играющіе говорятъ: «вже» и, разбѣгаясь, прячутся неподалеку. «Зажмурившійся» на четверенькахъ или же на ногахъ ищетъ въ городкѣ палочки; нащупавъ ее, развязываетъ глаза и

старается палочкой попасть въ кого-нибудь изъ спрятавшихся, а тѣ стараются добѣжать до городка; въ томъ случаѣ, если палочка попадетъ въ кого нибудь внѣ городка, то тотъ хватаетъ палочку и старается въ свою очередь въ кого нибудь попасть; мальчикъ, не успѣвшій отбиться, «жмурится», и игра продолжается.

Игра «въ кота и мышей» сходна съ игрой въ ворона. И тутъ, какъ и въ той игрѣ, составляютъ рядъ такъ, что одинъ изъ играющихъ держится за поясъ или за одежду другого; а передній играетъ роль кота. Котъ спрашиваетъ:

— А багацько въ стози мышей?

Ему отвѣчаютъ заднія мыши:

— Копа.

— А не боятся кота?

— Ни.

— Китъ обернется,—мышу зловыть!

— А чорта взисть,—отвѣчаютъ мыши.

Котъ старается поймать одну изъ заднихъ мышей, но тѣ всѣ оттягиваютъ его и тѣмъ не даютъ возможности свободныхъ движеній, а сами въ то-же время уклоняются въ обратную сторону отъ той, въ какую онъ бросается. Котъ и на хитрости пускается: дѣлаетъ видъ, что хочетъ въ одну сторону поворачиваться, и сейчасъ-же, когда мыши подались въ противоположную сторону, дѣлаетъ движеніе въ сторону противную и тамъ захватываетъ простоватыхъ трусихъ-мышей. Поймавъ кого нибудь, ставитъ его у себя за плечами, и игра продолжается.

Игра «въ царивъ», извѣстная почти повсемѣстно въ кіевской губерніи, извѣстна и дѣтямъ д. Леоновки. Она состоитъ въ томъ, что всѣ мальчики раздѣляются на два лагеря и каждый изъ этихъ лагерей выбираетъ изъ себя царя себѣ, преимущественно—самаго сильнаго. Дѣти того и другого лагеря, побравшись за руки, становятся другъ противъ друга на разстояніи шаговъ 20—30-ти, и начинается война между царями.— Нужно еще сказать, что каждый царь становится посреди̇нѣ своей арміи, расположивъ около себя болѣе сильныхъ. Отдѣляется послѣ того съ одной стороны мальчикъ и бѣжитъ на непріятеля, стараясь съ разбѣгу своимъ туловищемъ разбить цѣпь непріятеля. Если ему удается это сдѣлать, то онъ забираетъ съ собой въ плѣнъ отбитую часть непріятеля, состоящую изъ 2—3—4-хъ мальчиковъ; плѣнные увеличиваютъ силу одного царя, хотя они и норовятъ попасть къ своимъ, а потому вчастую слабо сопротивляются сво-

имъ. Въ случаѣ, если разогнавшійся мальчикъ повиснетъ на рукахъ непріятеля, не разбивъ цѣпи его, то онъ самъ дѣлается плѣнникомъ. Эта игра почти нескончаема, такъ какъ въ крайнемъ случаѣ, когда каждый царь останется безъ войска, онъ самъ отбиваетъ себѣ за однимъ разгономъ не малую дружину. Верхъ стыда для царя попасть въ плѣнъ.

3. *Игры парубоцтва* ограничиваются игрой «въ гылкы», что тоже—«въ бигучои» или «въ матку», и игрой «въ довгои лозы». Эти двѣ игры такъ общеизвѣстны, что о нихъ можно и не говорить.

Юр. Каковскій.

Изъ кіевскаго прошлаго. *Слухъ о намѣреніи правительства „разорить" Межигорскій монастырь.* Въ августѣ мѣсяцѣ 1684 года въ Москвѣ была получена слѣдующая отписка кіевскихъ воеводъ: «Государемъ, ц. и в. кн. Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всеа великія и малыя и Бѣлыя Росіи самодержцемъ, холопи ваши Алешка Салтыковъ со товарыщи челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ въ 192 году іюля въ 12 день пришолъ въ Кіевъ чернецъ и мы холопи ваши велѣли его роспросить, откуды онъ и котораго монастыря, и для какого дѣла въ Кіевъ пришолъ, и ваша, в. г., проѣзжая грамота или изъ монастыря объ отпускѣ есть ли у него письмо, а въ распросѣ передъ нами, холопи вашими, тотъ чернецъ сказалъ Углицкого уѣзду Дорофѣевой пустыни строитель, Іосифомъ зовутъ Виземской, въ Кіевъ онъ пришолъ по обѣщанію молиться въ Печерской монастырь, а вашей де вел. гос. проѣзжей грамоты у него нѣтъ и изъ монастыря объ отпускѣ письма онъ не взялъ же, потому что онъ самъ въ томъ строитель, а какъ онъ пошолъ изъ монастыря и тотъ монастырь приказалъ казначею, а какъ де онъ былъ въ Батуринѣ и ему вашъ, в. г., подданной войска Запорожскаго обоихъ сторонъ Днѣпра гетманъ Иванъ Самойловичъ далъ проѣзжей листъ, а въ листу написано, велѣно того чернеца въ Кіевъ и назадъ изъ Кіева пропущать безъ задержанія; и того жъ числа тотъ чернецъ пошолъ изъ Кіева въ Печерской монастырь и іюля въ 26 день пришолъ къ намъ, холопемъ вашимъ, Межигорского монастыря игуменъ Ѳеодосій Васковскій и извѣщалъ словесно, а въ извѣтѣ сказалъ, сего де числа былъ онъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ и въ томъ де монастырѣ пріѣзжей старецъ Іосифъ Виземской говорилъ ему, игумену, про Межигорской монастырь, что будто къ вамъ, в. г., вашъ, в. г., подданный войска Запорожскаго обоихъ сторонъ

Днѣпра гетманъ Иванъ Самойловичъ писалъ, чтобъ Межигорскій монастырь разорить для того, что де того монастыря онъ, игуменъ, и братья молятъ Бога за короля и по тому письму вашъ, в. г., указъ есть тотъ Межигорскій монастырь разорить велѣно, а церковную утварь отдать въ Печерской монастырь, а братью разослать въ иные монастыри, а въ томъ мѣстѣ велѣно вмѣсто церкви построить часовню. И увѣдавъ де о томъ Святѣйшій патріархъ всходилъ въ Верхъ и билъ челомъ вамъ, в. г., чтобъ того монастыря не разорять, а послѣ де того Святѣйшій патріархъ всходилъ въ Верхъ въ другой рядъ съ животворящимъ крестомъ и вамъ, в. г., билъ челомъ о томъ-же, чтобъ того монастыря не разорять и тотъ де монастырь по вашему великихъ государей указу разорить велѣно; и онъ де, игуменъ, нынѣ отъ тѣхъ его, Старца Іосифовыхъ, словъ пришелъ въ великой страхъ. И того жъ числа мы, холопи ваши, того чернеца сыскавъ противъ извѣту Межигорскаго монастыря игумена Ѳеодосія распрашивали и тотъ чернецъ въ приказной избѣ передъ нами, холопи вашими, въ распросѣ сказалъ: Кіево де въ Печерскомъ монастырѣ онъ Іосифъ Межигорскому игумену Ѳеодосію Васковскому тѣ вышепомянутыя слова, что онъ игуменъ намъ, холопемъ вашимъ, на него, Іосифа, извѣщалъ, говорилъ, а слышелъ де онъ, Іосифъ, о разореніи того Межигорского монастыря на Москвѣ, а отъ кого слышалъ, того не помнитъ. И того чернеца до вашего, в. г., указу мы велѣли держать за карауломъ, а Межигорскаго монастыря игумена мы, холопи ваши, вашею, в. г., милостію обнадежили и говорили ему, чтобы онъ въ сумнительство о томъ не приходилъ и былъ бы во всемъ на вашу, в. г., милость надеженъ. Великіе государи ..... о томъ намъ, холопемъ своимъ, что укажете, а отписку мы, холопи ваши, велѣли подать въ Приказѣ Малыя Россіи боярину князю Василью Васильевичу Голицыну съ товарищи».

Въ Москвѣ дѣлу, повидимому, придали большое значеніе, и болтливаго инока постигла печальная участь. На вышеприведенной отпискѣ читаемъ слѣдующій приговоръ, написанный рукою думнаго дьяка: «192 г. августа въ 28 день великіе государи и сестра ихъ в. г. благовѣрная царевна, совѣтовавъ со святѣйшимъ патріархомъ, указали послать свою в. г. грамоту въ Кіевъ къ боярину и воеводамъ къ Ѳедору Петровичу Шереметеву съ товарыщи велѣть съ того чернца въ Печерскомъ монастырѣ монашескую одежду снять и разстричь и противъ сей отписки про *смутныя слова* роспросить ево въ застѣнке, а роспрося, и пытать накрепко, для чего онъ изъ великоросійскихъ

городовъ пришолъ въ Кіевъ и не послалъ ли ево хто нарочно въ Кіевъ для возмущенія тамошнихъ малороссійскихъ народовъ къ измѣне или для бунту на подданного ихъ государского войска запорожскаго на гетмана Ивана Самойловича и на старшину и на Москвѣ у ково онъ живалъ и приставалъ и хто у него на Москвѣ или въ городѣхъ сродниковъ и въ которыхъ городѣхъ и хто имяны. А роспроса ево о томъ и пытавъ накрепко указали послать къ себѣ, государемъ, наскоро, а того вора разстригу велѣли держать до указу за крѣпкимъ карауломъ, чтобъ куды не ушолъ, а Межигорскаго монастыря игумена и братію призвавъ въ съѣзжую избу указали, государи, своею государскою милостію обнадежить, что никогда у насъ, государей, того, чтобъ Межигорской монастырь свесть и ево, игумена, и братію вывесть въ иные монастыри, а строеніе того монастыря и всякую утварь отдать въ Печерской монастырь не бывало и чтобъ они въ томъ на ихъ государскую милость были надежны и впредь никакимъ такимъ лживымъ словамъ и вѣстямъ не вѣрили, а у нихъ, великихъ государей, по Бозѣ такое желаніе, чтобъ и больши на той сторонѣ святыя мѣста и церкви Божіи множились, а народъ христіянской прибавлялся и расширялся и всегда они, государи, за предстательствомъ Пресвятыя Богородицы, имѣютъ о томъ неусыпное свое изволеніе и желаніе».

Грамота въ Кіевъ съ изложеніемъ этого приговора была послана 31 августа 1684 года.

(Моск. Арх. Мин. Юст. Ст. Сибир. Приказа № 1587).

А. Голомбіовскій.

Сотникъ Павелъ Гудимъ противодѣйствуетъ переходу козачаго двора въ мѣщанскія руки (1748 г.). При существовавшихъ въ Кіевѣ враждебныхъ отношеніяхъ между магистратомъ и козацкимъ управленіемъ, переходъ недвижимаго имущества изъ мѣщанскихъ въ козацкія руки и обратно сопровождался нерѣдко такими затрудненіями, за разрѣшеніемъ которыхъ обѣ стороны должны были обращаться къ генералъ-губернатору.

Въ 1748 году, въ февралѣ мѣсяцѣ, кіевскій житель коваль Тарасъ Омельчукъ Кавуненко купилъ за 30 рублей у козака Игната Рудника дворъ, «въ парахіи Воскресенской на грунтѣ куничномъ стоячій», доставшійся этому козаку по куплѣ-же отъ кіевскаго-же жителя рѣзника Григорія Непійвода. Эта купля-продажа была записана въ магистрат-

скія книги, въ которыхъ козакъ Рудникъ своеручно «подпискою обязался, что за тотъ дворъ, яко нѣкому ни въ чомъ не пенній и не заведенный, ни откого турбаціи не будетъ».

Кавуненко, уплативши деньги за домъ сполна, позволилъ козаку Руднику жить въ немъ, пока тотъ купитъ себѣ другой дворъ.

Узнавши объ этой продажѣ, сотникъ Гудимъ выгналъ Рудника изъ дома и поселилъ въ немъ козака Андрея Кузьку «уповательно не для чего иного, точію для заведенія своего шинку».

Кавуненко обратился съ жалобой въ магистратъ, а магистратъ къ генералъ-губернатору Леонтьеву, который и далъ указъ сотнику «въ тотъ дворъ не интересоваться», такъ какъ дворъ этотъ, издавна мѣщанскій, козакъ Рудникъ продалъ добровольно и деньги получилъ сполна.

Но сотникъ, оспаривая право Рудника продавать свой дворъ «безъ вѣдома команды», писалъ въ Ген.-Губ. Канц., что дворъ этотъ находится на землѣ Межигорскаго монастыря и что «до оного двора наслѣдній сынъ въ малолѣтствіи находится, да и оной-же Игнатъ Рудникъ, забивъ страхъ Божій, оставя болную жену свою третую и оное малолѣтное дитя, подманувъ четвертую жену и бежалъ», а потому де онъ, сотникъ, и распорядился отдать дворъ Рудника въ наймы «до зросту дитини» и для прокормленія жены его по 4 рубля въ годъ козаку сотни кіевской, деньги же, взятыя Рудникомъ у коваля Тараса, «ему Тарасу возвращени быть имѣютъ».

Ген.-губ. Леонтьевъ на это доношеніе сотника приказалъ отдать все таки дворъ Кавуненку, «конечно, для того что оной козакъ свое собственное по всѣмъ правамъ продать воленъ, а когда впредь какой либо наслѣдникъ явится, тогда и велѣть кіев. войту съ магистратомъ о томъ дворѣ надлежащее разсмотрѣніе и опредѣленіе учинить».

Такъ какъ и по двумъ о томъ указамъ изъ Ген.-Губ. Канц. сотникъ Гудимъ не уступалъ Кавуненку двора, то магистратъ просилъ, чтобы было предложено содержавшему на Подолѣ караулы капитану Попову выселить козака Кузьку изъ названнаго двора «съ понужденіемъ». Генералъ-губернаторъ исполнилъ эту просьбу, и капитанъ Поповъ репортомъ отъ 16-го марта донесъ, что «козакъ Кузька изъ двора высланъ, а отданъ оный дворъ ко владѣнію Тарасу Кавуненку».

А. А.

Къ исторіи заселенія Новороссіи. Приводимое здѣсь письмо князя А. А. Прозоровскаго писано къ Л. С. Алексѣеву, который въ это время былъ «губернаторскимъ товарищемъ Новороссійской губерніи, и взято нами изъ сборника писемъ разныхъ лицъ къ Алексѣеву, находящагося въ Лубенскомъ музеѣ К. Н. Скаржинской.—*Ред.*

М. Г. мой, Ларіонъ Спиридоновичъ.

Евреинъ (т. е. еврей) Исакъ Осиповъ, будучи мнѣ извѣстенъ по выводу изъ Полши людей Федору Матвѣевичу Толстому, договорился со мною вывести таковыхъ же, не премѣнно въ слѣдующемъ апрѣлѣ мѣсяцѣ, на состоящія въ Азовской губерніи мои дачи двѣсти пятьдесять семей; по выводѣ которыхъ и по отдачѣ въ вѣдомство моего управителя, получить отъ меня за каждую семью по пяти рублей; и въ число оныхъ взялъ уже сто пятьдесять рублей. На таковомъ условіи отправленъ былъ отъ меня съ нимъ же сержантъ Будаевъ для преподанія всякаго вспомоществованія по вступленіи уже оныхъ семей въ россійскую землю. Но вмѣсто того онъ Осиповъ помянутаго сержанта возвратилъ ко мнѣ съ другимъ жидомъ Маеровичемъ, при рапортѣ, и требуетъ еще денегъ шестисотъ рублей. Я хотя и имѣю надобность въ таковомъ числѣ людей, но заключая изъ сего не что другое, какъ плутовскія его намѣренія, отправить къ нему сихъ денегъ не рѣшился, а прилагая со онаго рапорта копію и адресуя ихъ самихъ, сержанта Будаева и жида Маеровича, покорно васъ, милостиваго государя моего, прошу по всегдашней вашей о мнѣ благопріязни требованіе упоминаемаго жида Осипова разсмотрѣть и буде найтить изволите непремѣнную надобность, въ таковомъ случаѣ нѣкоторымъ числомъ денегъ его снабдить и меня удѣдомить, дабыбъ могъ я съ моей благодарностью оныя вамъ возвратить. Пребываю въ прочемъ съ истиннымъ и не премѣннымъ моимъ къ вамъ почтеніемъ, милостивый государь мой, вашъ покорный слуга Князь А. Прозоровскій.

Марта 22 дня, 1782 году. Курскъ.

Письмо гр. П. В. Завадовскаго. Писано оно къ тому-же Л. С. Алексѣеву (см. выше), который въ это время былъ уже кавказскимъ губернаторомъ, и взято изъ того же сборника писемъ.—*Ред.*

М. Г. мой, Ларіонъ Спиридоновичъ.

Простите утружденіе, которое получаете отъ уповающаго на вашу благосклонность. Будучи до заводовъ изъ числа охотниковъ [1]) и со-

[1]) См. письмо Завадовскаго о покупкѣ жеребцовъ. К. Стар. 1890 г., сент., 493.

держа въ степныхъ деревняхъ своихъ скотъ разныхъ породъ, какъ-то англинской, голандской, желалъ бы еще къ онымъ примѣшать и калмыцкой; щитая же, что онаго достать я лучше не могу, какъ посредствомъ вашимъ, прошу васъ, милостиваго государя моего, употребить ваше стараніе — купить у калмыковъ двухъ хорошихъ и самой крупной породы быковъ изъ двухгодовалыхъ и шесть коровъ годныхъ къ заводу, и отправить ихъ въ степныя мои деревни: или прилуцкаго полку, Толмачевку, или переяславскаго—Грабовъ [1]). И какъ я не сомнѣваюся, чтобы вашимъ стараніемъ не могъ я получить самой лучшей породы, то увѣряю, что таковымъ одолженіемъ обяжете меня къ чувствительнѣйшей благодарности и взаимному угожденію, гдѣ указали бы къ тому случаи. Съ совершеннымъ почтеніемъ пребыть имѣю честь васъ, милостиваго государя моего, покорнымъ слугою Петръ Завадовскій.

Издержанныя деньги здѣсь или гдѣ прикажете съ благодарностью заплачу.

Петровъ Градъ. Апрѣля 10 дня. 1788.

Преданіе и пѣсня объ экзаменѣ дяка въ старинной Малороссіи. Въ весьма интересной статьѣ г. Житецкаго «Странствующіе школьники въ старинной Малороссіи» («Кіевск. Стар.» 1892 г. № 2) говорится, между прочимъ, о томъ, что дякъ избирался громадою за добрый гласъ, за надлежащее знаніе службъ церковныхъ, — причемъ отъ него требовались еще таланты педагога.

Относительно этого избранія въ средѣ подольскаго духовенства мнѣ пришлось узнать слѣдующее преданіе. По словамъ этого преданія, *мандровани дяки* ходили изъ села въ село, и если гдѣ было вакантное мѣсто, то тамъ, кромѣ обнаруженія своихъ познаній, какъ дяка и педагога, они должны были еще заявить себя предъ громадою своею находчивостью и остроуміемъ. Это происходило такимъ образомъ. Громада собиралась на церковномъ погостѣ возлѣ колокольни, а кандидатъ на мѣсто дяка взбирался на колокольню и оттуда произносилъ рѣчи, большею частію въ юмористическомъ духѣ. Если было нѣсколько такихъ кандидатовъ, то обыкновенно тотъ оставался, кто скажетъ что-нибудь остроумнѣе и смѣшнѣе.

Вѣроятнѣе всего, что при такомъ экзаменѣ появлялись передъ публикой *дяки*, какъ съ произведеніями собственной музы, такъ и съ

[1]) Должно быть—Драбовъ.

заимствованными пѣснями и разсказами апокрифическаго свойства, которые, между прочимъ, и такимъ путемъ дѣлались достояніемъ народа. Въ м. Мизяковѣ (подольск. губ.) записанъ варьянтъ извѣстной пѣсни, такъ называемой «Евангелистой», которая могла быть пѣснью экзаменной для *дяковъ* и, судя по обращенію къ *дяку*, была передѣлана для этой цѣли изъ старинныхъ варьянтовъ, распространенныхъ и въ великорусскихъ, и въ западно-европейскихъ редакціяхъ. Въ сборникѣ Кирѣевскаго, напримѣръ, помѣщенъ текстъ этой пѣсни съ такимъ обращеніемъ: «Вы рабы оные, рабы поученые, надъ школами выбраны! Повѣдайте, что есть единъ?» Приводимый варьянтъ интересенъ тѣмъ, что представляетъ нѣкоторыя видоизмѣненія сравнительно съ напечатаннымъ въ «Кіевск. Старинѣ» (1892 г. № 1) Хр. Ящуржинскимъ, а также и тѣмъ, что къ 12 отвѣтамъ прибавляетъ еще одинъ—тринадцатый, что̀ служитъ указаніемъ потери первоначальнаго смысла пѣсни, основанной на толкованіи таинственнаго значенія излюбленнаго числа *двѣнадцать*. Записана она мною отъ старика крестьянина, который выучилъ ее въ молодости «одъ старыхъ людей». Такъ какъ характеръ построенія этой пѣсни хорошо извѣстенъ, то, послѣ перваго отвѣта, я приведу сразу тринадцатый, изъ котораго будутъ видны всѣ прочіе, а для сличенія помѣщаю отвѣты такой-же латинской пѣсни, помѣщенной у А. Н. Пыпина (Очеркъ литер. истор. стар. повѣстей и сказокъ русск., стр. 145), а также варьянты по записи г. Ящуржинскаго.

— Ой ты дячокъ учоный
На вси школы выбраный [1]),
Скажы мени, дячку,
Що есть трынадцять?
— Есть трынадцять—пивень запивъ,
Лыхый землю пролетивъ,
Есть дванадцять апостоливъ,
Одынадцять ученыкивъ [2]),
Десять Божыхъ приказаня,
Девять Боже поколиня [3]),
Висимъ хоръ хоровымъ [4]),
Симъ Божыхъ сакраментивъ,
Шисть Божыхъ линіивъ,
Преднайсвентшыхъ Маріи [5]),

---

[1]) А ты Янчыкъ навченой,
Межъ школами выбжанòй.

Такой варьянтъ у г. Ящуржинскаго, причемъ толкованіе слова *выбжаной* (отъ *вы бжити*—воспитать) едва-ли оправдывается варьянтомъ нашимъ и великорусскимъ, гдѣ стоитъ *выбраный*.

[2]) Одынадцятый самъ Господь (*Ящурж.*).

[3]) Девять Божихъ чиновъ ангельскихъ (*Ящурж.*).

[4]) Восимъ Божихъ радостій (*Ящурж.*); у *Кирѣевск.*: Девять въ году радостей, Восемь круговъ солнечныхъ.

[5]) Шисть крали илии (sic) на Пресвятій Маріи (*Ящурж.*).

Пять ранъ терпивъ Панъ
За насъ гришныхъ хрестіанъ [1],
Штыры листы Вангелысты,
А тры патры архировыхъ [2]
Дви таблыци Мусійовыхъ [3],
Йиденъ сынъ Маріинъ,
Винъ въ неби крулюйе,
Надъ намы пануйе.

Латинскій текстъ.

Duodecim apostoli;
Undecim stellae,
A Ioscpho visae;
Decem mandata Dei;
Novem angelorum chori;
Octo beatitudines;
Septem sacramenta;
Sex sunt hydriae
Positae
In lana Galileae;
Quinque libri Moysis;
Quatuor evangelistae;
Tres sunt patriarchae;
Duo sunt testamenta;
Unus est Deus
Qui regnat in coelis.

Сообщ. **В. Боржковскій.**

[1]) Пять разъ серпеной (sic) серны Панокъ безвинной *(Ящурж.)*; изъ сличенія ясно, какъ испорчено. У *Кирѣевск.* Пять ранъ безъ вины Господь терпѣлъ.

[2]) А три патріархи *(Ящурж.)*.

[3]) Два алтари Мусіевихъ *(Ящурж.)*.

Библіографія.

Русскій Соловей, народная лира или собраніе народныхъ пѣсней на разныхъ угрорусскихъ нарѣчіяхъ. Собралъ и издалъ М. А. Врабель. Унгваръ (Ужьгородъ), 1890 г. 12⁰ стр. 173 + портретъ А. Духновича.

Угорская Русь—этотъ маленькій клочекъ русскаго племени, заброшенный судьбой за Карпаты и окруженный чуждымъ и враждебнымъ мадьярскимъ населеніемъ, до сихъ поръ мало изслѣдованъ какъ въ историческомъ, такъ въ лингвистическомъ и этнографическомъ отношеніи. Судьба надолго оторвала этотъ маленькій народецъ отъ великаго цѣлаго и предоставила ему развиваться подъ чуждыми вліяніями, которыя не могли не отразиться на немъ. Но единство вѣры сплотило угроруссовъ и дало имъ силы отстоять, если не внѣшнюю, то, такъ сказать, внутреннюю независимость. Какую значительную роль играло православіе въ сохраненіи чертъ народности, указываетъ то обстоятельство, что теперь, по свидѣтельству изслѣдователя Угорской Руси, г. Петрова [1]), всякій православный, русскій ли онъ, словакъ ли,—даже мадьяръ—всѣ называютъ себя: русскій, русинъ, руснякъ, orvosz, въ противуположность словакамъ-католикамъ и уніатамъ. Сходное съ этимъ наблюдаемъ и въ Сербіи, гдѣ католиковъ сербовъ и словаковъ называютъ однимъ именемъ «буневци» или «шокци».

Въ угроруссахъ еще живо сознаніе, что они не «Rutheni=Русины (дѣланное слово!), а русскіе, русскій народъ—оффиціально впрочемъ непризнаваемый австро-венгерскими властями. Изолированное положеніе угроруссовъ отразилось какъ на ихъ бытѣ такъ и на языкѣ.

Для лингвиста представляетъ большой интересъ нарѣчіе угроруссовъ, до сихъ поръ сравнительно мало изслѣдованное. Находясь

---

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1892 г., февр. 437 стр.

въ тѣсномъ сосѣдствѣ съ мадьярами, вліяніе которыхъ было впрочемъ незначительно благодаря рѣзкому различію между языками мадьярскимъ и русскимъ, и будучи на границахъ перемѣшаны съ словаками, отъ которыхъ заимствовано очень много, угроруссы приняли въ свой языкъ массу словъ, оборотовъ рѣчи, не говоря уже о внутреннихъ, фонетическихъ особенностяхъ развившихся самостоятельно въ ихъ языкѣ въ продолженіи его историческаго развитія.

Матеріаловъ для характеристики угрорусскихъ говоровъ порядочно; мы можемъ назвать «Сборникъ Угорскихъ пѣсенъ» Дешко, [1]) Угорскія народныя пѣсни, собр. Деволланомъ [2]), кое что въ пѣсняхъ, собранныхъ Я. Ѳ. Головацкимъ [3]), затѣмъ въ «Листкѣ» — единственной угрорусской газетѣ, выходящей въ Унгварѣ, въ приложеніяхъ находимъ рядъ пѣсенъ, но слѣдуетъ оговориться, что записи данныхъ весьма неточны, или по небрежности собирателей, или по несвойственной говору орѳографіи, скрывающей его особенности.

Изъ трудовъ по діалектологіи можемъ отмѣтить статью Верхратскаго, правда, характеризующую только одинъ Мармарошскій говоръ, статью Срезневскаго — неизвѣстно о какомъ говорѣ Угорской Руси, Семеновича — объ особенностяхъ угрорусскаго говора (въ сб. статей по Славяновѣдѣнію). Послѣдній трудъ по изученію угрорусскихъ говоровъ и ихъ распространенности — это выше названная статья г. Петрова (въ Журн. Мин. Нар. Просв за 92 г., февр.). Болѣе подробныя указанія на все, что писано объ Угорской Руси до 1885 г., сдѣланы г. Истоминымъ въ Сборн. Угорусск. п. Деволлана.

При такомъ положеніи дѣлъ, конечно, всякій сборникъ произведеній народнаго творчества даетъ много изслѣдователю діалектовъ Угорской Руси, если только записаны дѣйствительно народныя пѣсни и сохранены въ нихъ хотя бы главнѣйшія черты, главнѣйшія особенности діалекта. Правда, пѣсня не даетъ намъ такого точнаго и достовѣрнаго матеріала, какъ прозаическая запись, но за неимѣніемъ послѣднихъ и первыя могутъ сослужить службу, и великое спасибо каждому собирателю пѣсенъ, который дѣлится своимъ матеріаломъ съ обществомъ.

---

[1]) Въ „Зап. Р. Геогр. Общ.“ по отд. Этногр., т. I, 1867 г., здѣсь 78 №№ угрор. пѣсенъ.

[2]) ibid. т. XIII, вып. I.

[3]) Изд. Общ. Любит. Ист. и др. при Моск. Унив.; еще слѣдуетъ упомянуть сборникъ Купчанко „Пѣсни Буковинскаго народа“ въ Зап. Ю.-З. Отд. Р. Географ. общ., т. II. Кіевъ, 1874 г.

Всѣ сборники народныхъ пѣсенъ, появлявшіеся въ печати до сихъ поръ, мы можемъ раздѣлить на двѣ категоріи: во-первыхъ, «пѣсенники» содержащіе какъ особенно популярныя пѣсни, такъ и романсы, куплеты изъ водевилей, отрывки изъ оперъ, порой даже стихотворенія выдающихся поэтовъ, и, во-вторыхъ — сборники народныхъ пѣсенъ, изданные съ научной цѣлью. Содержаніе первыхъ двигается, такъ сказать, сверху внизъ, въ народъ; вторые же, доставляя матеріалъ лингвисту, этнографу и историку народной поэзіи, знакомятъ образованные классы съ поэзіей народа. Таковы у насъ были и есть два основные типа нашихъ сборниковъ. Къ которому же изъ нихъ можно отнести сборникъ, изданный г. Врабелемъ?

Въ посвященіи, г Врабель говоритъ такъ: «На воззваніе отличнѣйшихъ Бачванско-Русскихъ братьевъ я задумалъ, по разнимъ околицамъ и на разныхъ русскихъ нарѣчіахъ, мною собранныя пѣсни, въ маленькомъ зборнику: «Русскій Соловей» издати (?). *Желая достигнути той цѣли, чтобъ и мой* «Соловей» *увеселялъ сердце русской дружины*», т. е. эта книга ни что иное, какъ «пѣсенникъ», «христоматія» для народнаго чтенія. Но подзаглавіе ея: «собраніе народныхъ пѣсней на разныхъ угрорусскихъ нарѣчіахъ», указываетъ, что въ неё вошло значительное количество и народныхъ пѣсенъ, и это послѣднее обстоятельство увеличиваетъ ея цѣнность.

При выходѣ въ свѣтъ этотъ сборникъ былъ замѣченъ и на него были напечатаны рецензіи въ «Вислѣ»—польскомъ журналѣ этнографіи [1]), и въ «Славянскихъ Извѣстіяхъ» [2]). Въ «Вислѣ» на 9 строкахъ былъ постановленъ «Русскому Соловью» обвинительный приговоръ, безъ приведенія какихъ бы то ни было мотивовъ, безъ подробнаго разбора книги. Въ Славянскихъ Извѣстіяхъ—какъ разъ наоборотъ: издатель г. Врабель и его сборникъ превознесены и возвеличены. Рецензентъ, повидимому, большой славянофилъ, но мало свѣдущій въ народной поэзіи и въ діалектологіи, наивно заявляетъ: «по этому *драгоцѣнному* изданію (т. е. по сб. Врабеля) очень удобно познакомиться *съ народнымъ русскимъ* языкомъ угорскихъ крестьянъ»... не замѣчая, что большая часть пѣсенъ подправлена въ видахъ сближенія ихъ языка съ русскимъ литературнымъ.

Будемъ радоваться возрожденію нашихъ угрорусскихъ братьевъ, но пусть это не помѣшаетъ намъ относиться серіозно къ ихъ изданіямъ.

---

[1]) Wisła, r. 1890. Zeszyt 4.

[2]) 1890 г., № 44.

Обратимся теперь къ содержанію сборника г. Врабеля. Онъ состоитъ изъ двухъ частей; въ первой (стр. 1—94) находимъ стихотворенія различнаго содержанія и достоинства: здѣсь и малороссійскія, вѣрнѣе—галицкія пѣсни, здѣсь и народныя словацкія—правда, значительно подправленныя, тутъ же находимъ переводы сербскихъ стихотвореній и «*оригинальныя*» стихотворенія мѣстныхъ авторовъ. Во второй части (стр. 95—164) находимъ пѣсни исключительно народныя «на Бачванскомъ и Земплинскомъ *русскомъ* діалектѣ», т. е. на цотацкомъ, шаришскомъ говорѣ словацкаго языка, говорѣ крайне близкомъ къ нѣкоторымъ угрорусскимъ, но несомнѣнно словацкомъ.

Независимо отъ дѣленія предложеннаго г. Врабелемъ, мы можемъ всѣ эти пѣсни разбирать по группамъ: въ первую войдутъ стихотворенія или, какъ мѣтко назвалъ ихъ рецензентъ «Wisły», «wièrszydła», довольно нескладныя, написанныя на языкѣ, представляющемъ страшную смѣсь малорусскаго, ц.-славянскаго и великорусскаго литературнаго языка; впрочемъ эта смѣсь столь же далека отъ послѣдняго, какъ и отъ мѣстнаго угрорусскаго говора и равно мало понятна какъ простому великорусу, такъ и угрорусу. Языкъ этихъ стихотвореній напомнилъ намъ творенія, блаженной памяти, старыхъ сербскихъ писателей эпохи возрожденія Сербіи—писателей «словено-русской» школы, Раича, Соларича и др., которые, уклоняясь отъ требованій жизни—писать на народномъ языкѣ, старались удержать значеніе ц.-славянскаго языка русскаго извода. Очевидно въ такомъ же или сходномъ положеніи находятся теперь и угрорусскіе писатели: не въ силахъ отрѣшиться отъ вѣковыхъ традицій ц.-славянскаго языка, они отчасти дѣлаютъ уступку новымъ вѣяніямъ, отчасти же желаютъ приблизить литературный языкъ къ великорусскому, съ которымъ не достаточно хорошо знакомы, и получается странный, подъ часъ смѣшной языкъ. Вотъ живые примѣры изъ сборника Врабеля:

Въ моей древней властности
Странствую въ самотности,
И своимъ не владѣю,
О, гдѣ же ся подѣю?
Каждый больну грудь разитъ,
А помощи нигдѣ нѣтъ,
Громкій огень серце жетъ,
Сбыткуе мя кто можетъ.... (стр. 19).

Или вотъ нѣсколько строкъ изъ стихотворенія г-жи Кригеръ-Добрянской, посвященнаго обстоятельному и весьма трогательному описанію любви и изображенію вліянія ея на человѣка:

Хоть колько бѣдствъ и мученій
Терпитъ прѣзрѣнный драгой,
Всѣ напасти наградятся
Ужъ минутою одной,
Той минутой, коль драгая
Только взглянетъ на него,
Забываетъ всѣ напасти
Страданія своего (стр. 76).

Подобныхъ стиховъ не мало найдется во всемъ сборникѣ; не думаемъ, чтобы подобные куплеты когда-либо пѣлись въ народѣ; они, конечно, никогда и не пѣлись, да и пѣться не будутъ. Особенно хороши въ такомъ же родѣ стихотворенія: «Псаломъ 132» —передѣлка изъ псалтиря, надъ которой, не смотря на явную книжность, значится «собр. М. Джуни въ Керестурѣ» и еще стихотвореніе на стр. 59 «Подувай витрику», подписанное А. Д. Впрочемъ, если откинуть въ сторону требованія метра, риѳмы и другихъ глупостей, которыя только сковываютъ свободу «поэтической» мысли, то тогда, пожалуй, и среди этихъ «wierszydeł» мы найдемъ не мало интересныхъ, напримѣръ, на стр. 68 недурно стихотвореніе:

Подкарпатскіе русины
Оставте глубокій сонъ;
Народный голосъ зоветъ васъ... и т. д.

Стихотворенія въ этомъ родѣ [1]) полны искренняго одушевленія; прочее же—все произведенія гг. Терезіи Подгаецкой, А. Іанкура, Воробья, А. Д., Николая Нодя, П. Кузмяка, вышеназванной г-жи Кригеръ-Добрянской и др. риѳмотворцевъ.

Другая большая группа—народныя пѣсни, которыхъ въ сборникѣ довольно много. Здѣсь мы находимъ пѣсни малорусскія, сербскія и словацкія. Обратимся сначала къ послѣднимъ.

Если взглянемъ на этнографическую карту Галицкой и Угорской Руси, то замѣтимъ, что съ юго-запада русскіе граничатъ съ словаками, причемъ весьма трудно провести между ними какую либо строго опредѣленную границу [2]). Кромѣ того, словаки разсѣяны островами среди сплошнаго русскаго населенія. На югѣ, въ Бачкѣ, населенной отчасти православными словаками (которые именуютъ себя русскими только на основаніи вѣроисповѣданія), находятся спорадически разбросанные поселки сербовъ, переходящіе далѣе на югъ въ сплошную массу. При такой близости народностей, при постоянномъ общеніи, не мудрено, что пѣсни свободно циркулируютъ въ сродномъ населеніи, тѣмъ болѣе, что пограничные говоры русскихъ и словаковъ такъ близки одинъ къ другому, что нѣтъ возможности точно разграничить ихъ.

Русскіе вообще, а галичане и угроруссы въ особенности, какъ замѣтили Головацкій, Деволланъ и др. изслѣдователи края, отлича-

[1]) Напримѣръ, на стр 7 и 72.

[2]) Многіе пытались провести границу хотя бы между сплошнымъ населеніемъ словацкимъ и русскимъ, напр. Шафарикъ, Головацкій, Чернигъ, Бидерманъ и недавно г. Петровъ, но ихъ показанія мало согласны между собой.

ются особой переимчивостью; словаки же наоборотъ—отличаются удивительной стойкостью и не только сохраняютъ свою народность, но такъ вліяютъ на сосѣднихъ русскихъ и мадьяръ, что тѣ скоро забываютъ свой родной языкъ. Одинъ мадьярскій писатель по этому поводу говоритъ: «горе мадьярскому или нѣмецкому селу, гдѣ когда нибудь поселятся словаки, ибо они совершенно вытѣснятъ оттуда другія народности» [3]). Случается слышать, что если въ мадьярской деревнѣ поселится нѣсколько семействъ словаковъ — то скоро вся деревня уже говоритъ по словацки. Говорить на словацкомъ языкѣ почитается у русскихъ хорошимъ тономъ: объ этомъ неоднократно упоминаютъ и Головацкій и другіе. Этимъ и объясняется отчасти распространенность словацкихъ пѣсенъ въ средѣ русскаго населенія, которая и побудила г. Врабеля включить ихъ въ свой сборникъ, нѣсколько исказивъ ихъ языкъ и переписавъ кириллицей.

Такова, напримѣръ, пѣсня «Бѣлоградъ, Бѣлоградъ...» (стр. 151), къ которой можно указать варіантъ у Головацкаго I, 151, 157, и въ «Sborniku Slow. nar. pisni»... vyd. Matice Slov. sv. I. 1870 г., у Деволлана, стр. 107, у Дешко, 674, № 10. Затѣмъ на основаніи языка можно считать заимствованными у словаковъ пѣсни на 98, 110, 148, 149 и др. стран. и также приложенныя въ концѣ сборника (стр. 156—164) «весельны», т. е. свадебныя пѣсни и многія другія, по преимуществу записанныя въ Бачкѣ среди православнаго словацкаго населенія.

И къ этимъ пѣснямъ можно указать не мало варіантовъ, какъ въ вышеназванномъ сборникѣ Словацкихъ пѣсенъ, такъ и у другихъ народовъ. Такъ, напримѣръ, рекрутская повинность вызвала много пѣсенъ, описывающихъ наборъ рекрутовъ, стараніе послѣднихъ укрыться отъ властей, слезы и горе родныхъ. Въ сборникѣ Врабеля, на стр. 80, находимъ пѣсню «У недѣлю рано паробка поймали», записанную въ Керестурѣ, къ которой можемъ указать, помимо малорусскихъ и угрорусскихъ варіантовъ у Чубинскаго (V т., стр. 297, 466, 977, 982) и у Деволлана (стр. 98—100), варіанты и сходные мотивы въ великорусскихъ пѣсняхъ (Пермскій сборникъ, т. I, стр. 113, № 6 и записано мной въ Новгор. губ. 2 варіанта) и въ бѣлорусскихъ, въ сборникѣ Гильтебрандта (Памятн. народн. творч. Сѣв.-Зап. края) на стр. 2, 40, 59, 96, 140, 170, 177 и у Носовича, стр. 277.

---

[1]) Фейеръ въ мадьярскомъ переводѣ „Энциклоп. словаря“ Гюбнера подъ словомъ „Magyar orszag“,

Затѣмъ въ сборникѣ г. Врабеля находимъ не мало и дѣйствительно малорусскихъ, скорѣе галицкихъ пѣсенъ. Такъ, напримѣръ, два варіанта извѣстной шуточной пѣсни о капризной попадьѣ «Журилася попадонька»... почему то помѣщенные редакторомъ сборника въ разныхъ мѣстахъ—на стр. 19 и 32. Къ этой пѣснѣ можно указать не мало варіантовъ, напримѣръ, у Деволлана 155 стр., у Гловацкаго II, 565 и др., причемъ эти послѣдніе являются полнѣе пѣсни, напечатанной г. Врабелемъ.

Укажемъ еще пѣсню о несогласной спорщицѣ женѣ (стр. 40), имѣющую массу варіантовъ во всѣхъ малорусскихъ сборникахъ. Далѣе отмѣтимъ пѣсню, несомнѣнно народную, объ отравленіи невѣрнаго любовника (стр. 45), которая пользуется большой популярностью. Лучшіе ея варіанты въ сборникѣ Чубинскаго, т. V, стр. 429 и Деволлана—стр. 40—41, также см. «Пинчуки» Этнографическій сборникъ Булгаковскаго, 1890 г. стр. 83; у Головацкаго, т. I, стр. 202. Изъ великорускихъ разработокъ той темы укажемъ на пѣсни въ сб. Шейна, 1870 г., стр. 327, № 56 и 57 и у Сахарова «Сказанія Рус. народа, III, 206, и въ «Бѣлор. п.» Шейна 235, № 410. На эту же тему одинъ изъ классическихъ польскихъ поэтовъ, Іосифъ Залѣсскій—słowik ukraiński, какъ называлъ его А. Мицкевичъ, написалъ стихотвореніе [1]), представляющее почти буквальный переводъ народной малорусской пѣсни.

Далѣе, на стр. 35, имѣемъ интересный варіантъ къ малорусскимъ версіямъ темы «сестра убиваетъ брата». Пѣсни на такую тему мы находимъ у всѣхъ славянскихъ народовъ. «Сестра островница» Српске нар. пјесме I, № 302; также см. Archiv. f. sl. Philologie 1877, II. Band. s. 731 (письмо В. Караджича къ Я. Гримму, тамъ сходная пѣсня «На рај се не гледа»); еще—у Сахарова» Сказанія рус. Народа, III, 202; «Бѣлорусскія пѣсни» Шейна, стр. 234, № 409. Укажемъ хотя на сербскую версію въ сборн. Вука Караджича; тамъ сестра убиваетъ брата, чтобы свободно жить съ любовникомъ. Укажемъ на малорусскую версію—у Чубинскаго, т. V, 432 стр., и на польскую—въ изданіи покойнаго О. Кольберга «Zbiór wiadomości do antropologji krajowej», томъ III, часть II, стр. 268. Имѣемъ мы разработку этой темы и въ пѣсняхъ сродныхъ народовъ, напримѣръ у литовцевъ. Приведемъ здѣсь одну изъ послѣднихъ, нигдѣ еще не напечатанную. Она записана въ Виленской губ., Трокскаго уѣзда, Кронской волости.

[1]) Poezye I. Zaleskiego, wyd. r. 1851, str. 154. „Ukaranie".

O ąnt kalno, ąnt aukštojo
Alenėlė linas rovie
Ir atjojo jenerolas,
Jenerolas, gražus ponas:
—Padėk dievs, Alenėlė,
—Alenėlė linas rauti!
„O taj diekui, jenerolaj,
„Jenerolaj, gražus ponaj“.
—Alenėlė, graži pana,
—Ar eisi tu uz manę.
„Jenerolaj, gražus ponaj,
„Nevelyje mani brolis“.
—Alenėlė graži pana
—Nutrotike savo broli.
„Jenerolaj, gražus ponaj
„Aš ne turiu tokiu žoliu
—Alenėlė, graži pana,
—Tu nueike i sodeli
—Taj ten rasi tokę žolę
—Labai aukštai išbujojus
—Baltu žiedu pražidejus,
—Ir nuskinke tu tą žolę,
Ir ušvirke su arbata
Ir supilke i sklenice
—Ir nuneške i seklice.
Da nejšgėrė ne i pusę
Ir numire mano brolis.
„Jenerolai, gražus ponai
„Dabar mudgu ženikimės“.
—Alenėlė, graži pana,
—Nutratijai savo broli
—Nutrotisi tu ir manę.
„Reiks man dabar ubagauti
„Už broleli poteriauti[1]).

То есть въ русскомъ переводѣ:

Ой на горѣ на высокой
Аленушка ленъ таскала
И пріѣхалъ генералъ,
Генералъ, красивый панъ
—Богъ помочь, Аленушка,
—Аленушка, ленъ таскать,
„Вотъ спасибо генералъ,
„Генералъ, красивый панъ.
—Аленушка красавица,
—Не пойдешь ли за меня?
„Генералъ, красивый панъ,
„Запрещаетъ мнѣ братъ.
—Аленушка красавица,
—Отрави, своего брата.
„Генералъ, красивый панъ,
Я не имѣю такого зелья.
—Аленушка красавица,
—Ты пойди въ садикъ,
—Тамъ найдешь такую травку,
—Очень высоко разросшуюся,
—Процвѣтшую бѣлымъ цвѣтомъ.
—И сорви ты ту траву
—И свари ее съ чаемъ
—Слей въ стаканъ
—И снеси во свѣтлицу.
Еще не выпилъ и половины—
И умеръ мой братъ.
„Генералъ, красивый панъ,
„Теперь мы оба повѣнчаемся“.
—Аленушка красавица,
—Погубила ты своего брата—
—Погубишь и меня.
„Нужно и мнѣ теперь нищенствовать
„И за братца молиться.

Пѣсня эта записана на плохомъ литовскомъ языкѣ съ явными позднѣйшими чертами и испорченнымъ полонизмами языкомъ. Сходные мотивы въ литовскихъ пѣсняхъ можемъ указать въ «Литовскомъ

[1]) Пѣсня эта взята изъ рукописнаго сборника Э. А. Вольтера извѣстнаго изслѣдователя въ области литовско-латышской этнографіи и языка.

сборникѣ» и въ трудѣ г. Э. Вольтера «Матеріалы по этнографіи латышей вытебской губ.» изд. Русск. геогр. обществомъ. Этотъ циклъ пѣсенъ «объ убійствѣ брата сестрой» сроденъ съ цикломъ пѣсенъ «о кровосмѣшеніи», которымъ посвящено изслѣдованіе г. Драгоманова [1]) гдѣ находимъ подробное указаніе на литературу вопроса.

Затѣмъ отмѣтимъ още на стр. 37 сборника г. Врабеля варіантъ на тему «свекровь убиваетъ невѣстку». Эта пѣсня имѣетъ многочисленные варіанты славянскіе и литовскіе и стоитъ въ тѣсной связи съ извѣствыми пѣснями о «Князѣ Михайлѣ» или «о короличкѣ», которымъ посвящено изслѣдованіе И. Жданова [2]). Угрорусскіе и малорусскіе варіанты у Купчанко I, 541 и др.; у Чубинскаго V, стр. 709—10, 711—78 и др.; у Головацкаго I, 81 и др. у него же III, 253—4; пѣсня изъ шаришскаго уѣзда съ сильнымъ словацкимъ характеромъ. Къ пѣснѣ помѣщенной на стр. 38 «о дѣтоубійствѣ можно указать варіантъ у Головацкаго II, 699 и сходный мотивъ у Купчонко—но здѣсь уже дѣйствующимъ лицомъ является поповна, да и весь характеръ пѣсни иной.

Обратимъ вниманіе еще на пѣсню стр. 43; варіантъ къ ней—въ сборникѣ Купчанко, стр. 407, № 61. Пѣсня у г. Врабеля является только центромъ дѣйствительной полной пѣсни, лишеннымъ поэтическаго запѣва и заключенія. У Купчанко пѣсня разсказываетъ, что парубокъ замѣчаетъ между двумя горами зарю, но то не заря взошла, а прошла за водой его милая. Онъ догоняетъ ее и проситъ:

„Дивчино моя, напій ми коня — Як буду твоя, напою ти два
—Не напою, бо се бою; бошь ем не твоя; — Съ кедровоі керниченьки з нового ведра

Пѣсня въ сборникѣ Врабеля представляетъ отрывокъ параллельный вышеприведенному. Далѣе у Кунчанко заключеніе, котораго нѣтъ у Врабеля: парубокъ зоветъ дѣвушку къ себѣ, она отказывается, говоря, что онъ любитъ другую. Пѣсню эту сходно съ версіей г. Врабеля поютъ и въ Бачкѣ и въ Сербіи. Извѣстны и великорусскіе варіанты ея, напр. пѣснь «Поулицѣ мостовой»... Впрочемъ ее

[1]) Въ Запискахъ юго-западн. отд. русск. геогр. общества, т. I, также акад. А. Н. Веселовскій: „Андрей Критскій въ легендѣ о кровосмѣсителѣ въ сказаніяхъ объ Ап. Андреѣ, Журн. Мин. Нар. Пр., т. CCXXXIX іюнь, стр. 231; и Н. Костомаровъ: „Легенда о кровосмѣсителѣ“ Современникъ 1860 г. III т.

[2]) Въ „Живой Старинѣ“ 1891 году I и II вып. Здѣсь много параллелей славянскихъ и зап. европейскихъ, но вомногомъ нельзя согласиться съ выводами автора.

можно считать не заимствованной, а общей многимъ народомъ, такъ какъ она развивается на общемъ символѣ «вода—любовь», черпать, пить воду—любить», поить—дарить любовь (напр. объ этомъ см. у Потебни въ «Объясн. мр. пѣс., II, стр. 497—502) [1]).

Къ пѣснямъ «Ой ты дѣвчино заручена» стр. 56) и «Набережку стояла, свои бѣлы ножки вмѣвала (стр. 113) укажемъ варіантъ у Головацкаго, II т., стр. 716 и тамже—стр. 566.

Замѣчательна пѣсня (стр. 125), видимо заимствованная у словаковъ, на что указываетъ языкъ ея: происходитъ наборъ рекрутовъ на службу «чисару» т. е. цезарю=императору (такъ передѣл. нѣмецк. Kaiser), у отца старика нѣтъ сыновей а только три дочери, и онъ предлагаетъ имъ идти на войну. Старшая дочь отказывается, средняя—также, а младшая рѣшается идти на войну.

Якъ ей власи стрѣгали,
Оба шестри плакали;
Якъ на коня шедала,
Отецъ и мацъ плакала;
Якъ до войну ступила—
Тристо нѣмцовъ забила,

За что «панъ чисаръ» взялъ ее за себя замужъ. Пѣсня эта является интересной параллелью къ нашимъ великорусскимъ былинамъ о дѣвушкахъ-паленицахъ [2]).

Особенно близкіе варіанты имѣемъ въ сборникахъ: Sušil. Moravské národní písně 1860. I. 106—7 (3 варіанта) и Bartoš. Antologie z národnych písní česko-slovenskich. Возможно, что пѣсня эта заимствована не у словаковъ, а изъ первоисточника, которымъ г. Созоновичъ считаетъ сербскія пѣсни. (Созоновичъ. L. стр. 171).

Интересна пѣсня о Кошутѣ (стр. 143). Русское и вообще славянское населеніе не сочувственно отнеслось къ возстанію мадьяръ и поддерживало австрійскаго императора. Русскія войска радостно привѣтствовались мѣстнымъ населеніемъ, бывшимъ подъ игомъ мадьяръ (см. пѣсню у Деволлана стр. 161—2). Хорваты также выступили на помощь имперіи подъ предводительствомъ извѣстнаго бана Еллачича. Это время оставило слѣды и въ пѣсняхъ народныхъ. У Врабеля читаемъ:

Добрѣ было въ Угерской краинѣ
Доки бывалъ Кошутъ у Будинѣ,
Якъ ся Кошутъ выбиралъ зъ Будина—
Остань здрава Угерска краина.

---

[1]) И въ его же сочин. „О нѣкоторыхъ символахъ въ слав. нар. поэзіи стр. 12.

[2]) Этимъ пѣснямъ посвящено изслѣдованіе г. Созоновича: „Пѣсня о дѣвушкѣ воинѣ и былина о Ставрѣ Годиновичѣ“ Варшава 1886 г.

У Деволлана имѣемъ также пѣсню въ этомъ родѣ:

Сидитъ Кошутъ на высокой драбинѣ,
Пише письма по Угорской краинѣ,
Ци на жалость, ци на велькій зармутокъ.
(смутокъ?)
Шкода, Боже, семь Кошутовъ вербунокъ
Шкода, Боже, и Кошутаго самого,
Што винъ утѣкъ изъ орсагу своего [1]).

Варіантъ этой исторической пѣсни имѣемъ еще у Дешко, стр. 675 № 13. Въ сборникѣ г. Врабеля много пѣсенъ подходящихъ къ типу коломыекъ. Въ концѣ сборника находимъ нѣсколько свадебныхъ пѣсенъ, но и они почти всѣ заимствованы несомнѣнно у словаковъ, что видно изъ ихъ языка. Болѣе полное и обстоятельное описаніе свадебныхъ обрядовъ Угорской Руси и пѣсни, ихъ сопровождающія мы имѣемъ у Купчанко, у Головацкаго (т. III, стр. 399—441) и въ журналѣ «Живая Старина» (вып. III и IV 91 года), гдѣ они гораздо обстоятельнѣе записаны.

Теперь обратимся къ третьей, довольно значительной группѣ пѣсенъ—къ пѣснямъ сербскимъ, попавшимъ въ сборникъ г. Врабеля.

Рецензентъ «Wisły», болѣе строгій и придирчивый, чѣмъ свѣдущій, заявилъ, что всѣ пѣсни, записанныя въ Коцурѣ, Бачъ-Керестурѣ, въ Спишѣ и Бачкѣ, словацкія. Отчасти онъ былъ правъ, но — только отчасти. Если мы внимательно всмотримся въ пѣсни «Бачваньски» и др., не принимая въ расчетъ, гдѣ онѣ записаны, а судя по содержанію и языку, то замѣтимъ, что большая ихъ часть—передѣлки или переводы, болѣе или менѣе удачные, сербскихъ пѣсенъ, частью народныхъ, частью литературныхъ. Быть можетъ самъ г. редакторъ сборника, быть можетъ его сотрудники перевели эти пѣсни на угрорусское нарѣчіе—но возможно, что эти пѣсни дѣйствительно записаны въ народѣ: вѣроятны оба предположенія.

Русскія поселенія въ Угріи доходятъ до Мишковца и до Гейо-Керестура; съ другой стороны, въ Бачкѣ, населенной отчасти православными словаками, разбросаны спорадически поселенія сербовъ, доходящія почти до Будина: такимъ образомъ, разстояніе между крайними пунктами русскаго и сербскаго поселенія—около 100 съ небольшимъ верстъ; если-же примемъ въ расчетъ постоянное движдніе русскихъ въ Будинъ на заработки по дорогѣ отъ Мишковца къ Будину, то намъ ни сколько не покажется удивительнымъ и страннымъ предположеніе чисто народнаго, непосредственнаго заимствованія пѣсенъ русскими у сербовъ.

[1]) Орсагъ=мадьярское orszag=государство; отсюда и польское orszak.

Если мы начнемъ просматривать съ первыхъ страницъ сборникъ г. Врабеля, то на 11 стран. наталкиваемся на пѣсню, видимо заимствованную у сербовъ—впрочемъ, и озаглавленную «Хорватска». Дѣйствительно, мы находимъ у сербовъ народную пѣсню того же содержанія. Сравнимъ эти двѣ пѣсни и убѣдимся, что пѣсня у Врабеля—переводъ сербской. Вотъ онѣ обѣ: у Врабеля

А чія то городина,
Чія суть ворота?
Чія же есть дѣвчича,
Что близъ оболока?
Отцова есть городина,
Мамины ворота,
А моя есть та дѣвчина,
Что близъ оболока.
Прескочу я городину,
Прескочу ворота;
Поцѣлую дѣвчиноньку,
Что близъ оболока... и т. д.

а сербская пѣсня поется такъ:

Чија ли је тараба [1])
Чија ли су врата,
Чије ли је оно луче,
Што кроз прозор гуче?
Татина је тараба,
Мамина су врата,
А моје је оно луче,
Што кроз прозор гуче.
Прескочићу тарабу,
Отворићу врата,
Пољубићу оно луче,
Што кроз прозор гуче. И т. д.

Изъ сравненія ясно видимъ, что русская пѣсня—не пересказъ, не новая разработка общей темы, а переводъ сербской и притомъ не на народный языкъ угрорусовъ, а на великорусскій, съ сохраненіемъ нѣкоторыхъ фонетическихъ особенностей сербскаго оригинала; кромѣ того, далѣе въ русской пѣснѣ находимъ слово польубецъ [2]), оставленное переводчикомъ явно для риомы, и внизу въ примѣчаніи разъясняется, что молъ это—по великорусски поцѣлуй, на угрорусскомъ нарѣчіи—побочканье, а по мадьярски—csók.

На страницѣ 27 находимъ переводъ сербской пѣсни—уже литературнаго происхожденія:

„Држте чаше сви у руци,
А ти, газда, вино вуци....“

и притомъ довольно нескладный; приведемъ первые стихи для сравненія:

Держте чарки всѣ въ рукахъ,
А ты, газдо, вина давай....

Затѣмъ въ пѣснѣ, помѣщенной на стр. 36 «Иуслыши Боже желанія наши», записанной, по замѣчанію собирателя, въ Бачкѣ, находимъ характерный сербскій припѣвъ:

---

[1]) Тараба=заборъ.

[2]) Польубецъ отъ польубити=поцѣловать.

„И око, и чело;
Буди намъ веседо".

обличающій ея происхожденіе.

Немного далѣе, на стр. 39, находимъ пѣсню, производящую впечатлѣніе не народной:

Куда гляну—всягды темно,
Про меня нѣтъ свѣтила;
Моя мила—она сама
Свѣтлость отъ мя отняла и т. д.

Даже съ перваго взгляда видно, что эти стихи—вовсе не стихи, ибо идутъ прямо наперекоръ русскому ударенію; «словено-россійскій» языкъ этого стихотворенія указываетъ на его литературное происхожденіе, или, по крайней мѣрѣ, на обработку; очевидно, что здѣсь приспособлено и передѣлано что то чужое. Что же?—прочтя эти строки, всякій сербъ или знакомый болѣе или менѣе съ сербской поэзіей вспомнитъ навѣрное извѣстные стихи князя Михаила Обреновича:

Кудъ погледам—свуд је тамно,
За ме нема светила:
Моја драга,—она сама
Светло ми однела. И т. д.

и тогда ясно будетъ, что при различномъ ударенiи въ сходныхъ словахъ искаженные на русскій ладъ стихи потеряли метръ.

Также несомнѣнно сербскаго происхожденія, и притомъ не народнаго, пѣсни, находящіяся на стр. 53 и 54 сборника Врабеля; первая изъ нихъ такъ и озаглавлена «Сербска», другая же имѣетъ помѣтку, что записана г. И. Поливкой въ Сѣдлискахъ, что указываетъ на ея распространенность въ средѣ народа. Затѣмъ на той же 54 стр. укажемъ на пѣсню видимо, по языку, русскую, но озаглавленную «хорватска», какова она и есть на самомъ дѣлѣ; сербская народная пѣсня поется:

О јесење дуге ноћи,
Рек'о драги, да ће доћи.... и т. д.

въ русской же передѣлкѣ имѣемъ:

Ой осеньски долги ночи,
Миленькій малъ ко мнѣ дойти.... и т. д.

Изъ сравненія видимъ, что сербскій оригиналъ куда выше «русскаго» искаженія.

Обратимся теперь къ пѣснѣ на стр. 72 (сербска) «Студеный мя дождикъ пере»...—Это переводъ стихотворенія извѣстнаго сербскаго поэта Дьюры Якшича [1]), переводъ весьма неумѣлый, такъ какъ даже

[1]) Дьюра Якшичъ особенно выдѣляется среди сербскихъ поэтовъ бурнымъ и смѣлымъ вдохновеніемъ, свободнымъ и широкимъ полетомъ мысли. Кромѣ стихотво-

въ такомъ простомъ и краткомъ стихотвореніи переводчикъ не съумѣлъ избѣжать ошибокъ. Напримѣръ, въ четвертомъ, заключительномъ куплетѣ читаемъ:

Наточи мнѣ стаканъ вина
Изъ подъ мура твоѣ? (т. е. изъ подъ стѣны?)

тогда какъ въ сербскомъ оригиналѣ читаемъ «изъ *подрума* твог», т. е. изъ пивницы, изъ погреба. Очевидно переводчикъ или не понялъ слова «подрум», или — прочелъ его невѣрно съ перестановкой средины слова, да такъ цѣликомъ и вставилъ свою ошибку въ русскій переводъ, о чемъ свидѣтельствуетъ и примѣчаніе его на той-же страницѣ «*изподъ-мура*, сербскій изразъ значитъ: изъ пивницы».

Далѣе сравнимъ также пѣсню на стр. 86 у Врабеля съ сербской, таковаго-же содержанія. Вотъ начало русской:

Я сирота и каждый мя жалуе,
Что не знаю *де* мой милый ночуе.

Гдѣ онъ днюе и *де* ночку ночуе,
И котру онъ другу милу любуе .. и т. д.

Сравнимъ это начало съ сербской народной пѣсней—

„Сирота сам и сваки ме жалује,
Што ја не знам где мој драги даньује,

Где даньује, где ли ноћу ноћуе,
И коју онъ другу драгу милује... и т. д.

и сравненіе опять окажется далеко не въ пользу русскаго перевода, который изрядно нескладенъ и неуклюжъ, сравнительно съ сербскимъ оригиналомъ.

Затѣмъ на страницѣ 93 наталкиваемся на стараго знакомаго,— на пѣсню

Хозяину благій,
Гостолюбче драгій,
Дай мнѣ чарку полну.... и т. д.

сербскій оригиналъ которой, довольно популярный, принадлежитъ перу одного изъ старыхъ сербскихъ писателей-романистовъ — перу Милована Видаковича [1]). Его романы имѣли широкій кругъ чита-

---

реній эпическаго и лирическаго содержанія, полныхъ истинной художественности, онъ писалъ драмы, а прозой—новеллы. Всѣ его произведенія собраны и изданы подъ редакціей проф. Вуловича въ 10 выпускахъ 1885 г. Изъ старыхъ критиковъ его извѣстны: Дьюра Малетичь, отнесшійся слишкомъ строго и придирчиво къ поэту (Видовъ данъ 1863 г.) и Глаша Гершичь, болѣе благосклонный (Матица Сербска 1866 г.). О немъ же—статья Вуловича при послѣднемъ изданіи сочиненій. Много стихотвореній Якшича стали достояніемъ всего народа

[1]) Род. 1780 г. въ нынѣшней Сербіи, ум. 1844 г. Романы его: „Прекрасный Іосифъ", „Усамлѣный юноша", „Велимиръ и Босилька", „Благовонный кринъ", „*Велимиръ у Елисіюму*", „Млади Товія", „Касія царица", „Симонъ и Милена",

телей, и нѣсколько стихотвореній, разбросанныхъ въ этихъ романахъ, особенно излюбленныя народомъ, сдѣлались достояніемъ массъ.

Также отчасти сербскаго происхожденія и тѣ пѣсни, которыя помѣщены въ сборникѣ г. Врабеля, въ отдѣлѣ народныхъ, «записанныхъ на Бачванскомъ и Земплинскомъ діалектѣ»; таковы пѣсни на страницахъ 106, 113, 115, 138, 145, 150 и др. Кромѣ того, достаточно заглянуть въ сборникъ «Бачванске песме», изданный въ Новомъ Садѣ, чтобы отыскать и указать еще варіанты къ народнымъ пѣснямъ сербскаго происхожденія. Болѣе придирчивый критикъ могъ бы набрать не мало сербскихъ оригиналовъ и параллелей къ угрорусскимъ пѣснямъ, изданнымъ г. Врабелемъ, познакомившись съ содержаніемъ сербскихъ народныхъ пѣсенниковъ, подъ заглавіемъ «Лира», которыхъ много печатается и въ Новомъ Садѣ, и въ Бѣлградѣ, и въ Панчевѣ...

Чрезъ ихъ посредство, вѣроятно, и знакомился народъ съ пѣснями Якшича, Видаковича, кн. Михаила Обреновича, которыя намъ удалось отмѣтить въ «Русскомъ Соловьѣ».

Наконецъ, отмѣтимъ еще и одну чисто великорусскую пѣсню, случайно попавшую въ этотъ сборникъ. Записана она—въ значительно искаженномъ и помятомъ видѣ: это извѣстная—

Чарочка моя—серебряная,
На золотомъ блюдѣ поставленая... (стр. 82).

которую поютъ и въ Угорской Руси, но только на нѣсколько иной мотивъ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе «Русскаго Соловья». При его разношерстномъ составѣ онъ даетъ много интереснаго—здѣсь мы находимъ много варіантовъ и версій древнихъ, общеславянскихъ народныхъ пѣсенъ, которые мы указали выше; на основаніи данныхъ этого сборника мы можемъ судить о степени словацкаго и сербскаго вліянія, какъ въ сферѣ языка, такъ и въ сферѣ темъ народныхъ пѣсенъ угроруссовъ. Многое въ этомъ отношеніи бывшее неизвѣстнымъ и сомнительнымъ — выясняется благодаря труду г. Врабеля. Конечно діалектологическія данныя этого сборника имѣли бы большую цѣнность и достовѣрность, если бы г. редакторъ и гг. собиратели пѣсенъ не гнались за «литературнымъ», великорусскимъ правописаніемъ, а приняли болѣе подходящую «кулішовку», какъ это сдѣлали гг. Ан-

„Ива Загорица". Всѣ эти романы очень слабы, но заслуживаютъ вниманія какъ самыя распространенныя книги наряду съ сочиненіями С. М. Сарайліи.

тоновичъ и Драгомановъ, Чубинскій и нѣкоторые другіе. Было бы, безъ сомнѣнія, лучше, еслибъ они также не наложили своихъ рукъ на текстъ пѣсенъ, кой гдѣ, очевидно, подправленный. Но все же и теперь изъ этого сборника можно извлечь кой что для характеристики южныхъ угрорусскихъ говоровъ.

Одинъ изъ главныхъ недостатковъ сборника — отсутствіе какой либо классификаціи пѣсенъ, хотя бы по содержанію; впрочемъ это слабое мѣсто почти всѣхъ сборниковъ народныхъ пѣсенъ. Правда, въ «Русскомъ Соловьѣ» оглавленіе составлено въ алфавитномъ порядкѣ запѣвовъ, но нужно помнить, что часто одни и тѣ же запѣвы мы находимъ у пѣсенъ разнообразнѣйшаго содержанія и предугадать дальнѣйшее развитіе темы по запѣву — невозможно, хотя нѣкоторые изслѣдователи народной малорусской поэзіи и утверждали, что запѣвъ есть *зерно*, изъ котораго развивается дальнѣйшая пѣсня [1]), но какъ развивается?—это пока вопросъ и не одна изъ теорій, даже выставленная покойнымъ А. Потебней [2]) не можетъ быть названа вполнѣ удовлетворительной. А. Потебня полагалъ, что въ основаніе классификаціи народныхъ пѣсенъ слѣдуетъ класть единство мотивовъ, образовъ и размѣровъ [3]).

Изданъ сборникъ г. Врабеля изящно, на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ, но портятъ общее впечатлѣніе многочисленныя опечатки—на 150, въ 12°, страницахъ мы находимъ ихъ 53. Къ сборнику приложенъ портретъ покойнаго угрорусскаго патріота, свящ. А. Духновича [4]).

Пожелаемъ же угрорусскому народу не остановиться на пути къ возрожденію; надѣемся, что появятся и еще сборники пѣсенъ угрорусскихъ крестьянъ, но уже болѣе серіозно редактированные. Полные этой надежды, повторимъ вмѣстѣ съ угроруссомъ стихи (стр. 74):

...Господь дасть намъ благодать: Огень вѣры не погасъ,
Слава Богу, еще въ насъ Сила вѣры спасетъ насъ...

сплотитъ въ одно цѣлое и дастъ силы бороться съ усилившейся въ послѣдніе годы мадьяризаціей угорскихъ славянъ.

Владиміръ Перетцъ.

---

[1]) Такъ утверждаетъ А. Н. Веселовскій, „Прилож. къ XXXVII т. Записокъ Ак. Н.“, № 4, стр. 203.

[2]) Въ Зап. Акад. Наукъ, т. 37, приложеніе 4. Отчетъ о присужд. нагр. гр. Уварова, стр. 64—152, (разборъ пѣсенъ Я. Головацкаго).

[3]) Тамъ-же, 103, 104 и „Объясн. малорус. и сродн. пѣсенъ“, I и II.

[4]) О немъ см. „Славянск. Извѣстія“, 1891 г.

Наша національная сила—козаки. (Наброски). М. Н.— Кіевъ. 1892 г.

Цѣль настоящей статьи, вышедшей недавно въ свѣтъ отдѣльной брошюрой, опредѣляется самимъ авторомъ въ предисловіи, гдѣ онъ говоритъ: «среди военныхъ взглядъ на козаковъ самый разнообразный; нѣкоторые склонны козакамъ, въ средѣ конницы, давать мѣсто какъ чему то придаточному, менѣе чѣмъ второстепенному... Не легко читаются такія мнѣнія, какъ въ послѣднемъ номерѣ «Военнаго Сборника»! (февральская книжка, стр. 377). Въ виду этого г. М. Н. разсматриваетъ дѣйствія козаковъ, когда имъ приходилось принимать участіе въ столкновеніяхъ съ непріятелемъ въ войнахъ послѣдняго времени, указываетъ на преимущества этой конницы сравнительно съ регулярной и въ доказательство приводитъ не только свои личныя наблюденія, но также мнѣнія русскихъ и западно-европейскихъ военныхъ ученыхъ; наконецъ, авторъ предлагаетъ тѣ мѣры, какія могутъ служить къ поднятію и усовершенствованію «нашей національной силы». Не считая себя компетентными въ рѣшеніи военныхъ вопросовъ, мы не будемъ касаться мнѣній г. М. Н. и позволимъ себѣ указать лишь на то, что авторъ мимоходомъ только затрогиваетъ вопросъ объ историческомъ происхожденіи козачества на окраинахъ Россіи, а между тѣмъ это вопросъ очень важный, который долженъ быть поставленъ на первомъ планѣ, потому что безъ историческаго изученія развитія этой силы не будетъ понятно ни ея настоящее значеніе, ни ея роль въ будущемъ. Теперь козачество—исключительно конница, а до конца XVIII в. оно соединяло въ себѣ всѣ роды оружія: оно имѣло свою артиллерію, а конница, когда нужно было, замѣняла собою пѣхоту; былъ даже и свой рѣчной флотъ. Боевыя качества козаковъ высоко цѣнились современниками — сосѣдями ихъ. Изученіе козачества, какъ силы военной, изученіе собственно военной его исторіи еще не начато, хотя уже матеріала накопилось для этого достаточно; съ его военной исторіей тѣсно связывается бытовая и политическая; темные вопросы одной могутъ быть рѣшены разъясненіемъ другой. Поэтому мы вполнѣ раздѣляемъ и мнѣніе автора, что «всестороннее изученіе козачества необходимо», и вѣру его, что «это—сила, имѣющая еще будущность». Желаемъ, чтобы разсматриваемая брошюра г. М. Н. была началомъ этого изученія.

А. К.

Слово о погибели рускыя земли, вновь найденный памятникъ литературы XIII вѣка. Сообщеніе Хрисанѳа Лопарева. СПБ. 1892. («Памятники древней письменности» LXXXIV).

При изобиліи литературныхъ памятниковъ поучительнаго характера, несомнѣнно, страннымъ представляется почти полное отсутствіе въ нашей древней литературѣ произведеній поэтическихъ. Почти единственнымъ въ этомъ родѣ является «Слово о полку Игоревѣ». Детальныя изслѣдованія, однако, даютъ право думать о распространенности въ древней Руси «пѣсни», поэтическихъ сказаній. (Срвн. *И. Н. Ждановъ.* Русская поэзія въ домонгольскую эпоху, въ (Кіев.) «Универс. Извѣст.» 1879). Число такихъ поэтическихъ сказаній увеличилось еще однимъ, недавно найденнымъ, изданнымъ г. Лопаревымъ по рукописи XV в., хранящейся въ ризницѣ Псковскаго Печерскаго монастыря. По мнѣнію издателя, оно составлено около 1238 г. Къ сожалѣнію, сохранилась только небольшая часть памятника, только вступленіе, говорящее не о погибели Русской земли, а о могуществѣ ея отъ Владиміра Мономаха до Всеволода Юрьевича. Только въ концѣ дошедшаго отрывка говорится о «болѣзни крестьяномъ отъ великаго Ярослава и до Володимера и до нынѣшняго Ярослава и до брата его Юрья князя Володимерскаго» [1]). Этими словами и обрывается сказаніе. Что это за болѣзнь, свойственная христіанамъ? Быть можетъ, усобицы, не позволившія русскимъ сплотиться противъ враговъ и вызвавшія «погибель земли рускыя»... «Красота наша *погыбе*» —говоритъ еп. Серапіонъ о разгромѣ татарскомъ. Лѣтописецъ почти тѣми же выраженіями характеризуетъ его въ лѣтописи: «Того же лѣта (1236) *погибе солнце* по всей земли», «се створися зло (1237) въ Суждальской земли велико, яко же тако зло отъ крещенія нѣсть было, яко же бысть нынѣ». (Лѣтоп. по Лавр. сп. Спб. 1872, стр. 486 и 490, *Лопаревъ*, стр. 16, 17).

Что касается содержанія дошедшаго отрывка «Слова», то оно представляетъ несомнѣнный интересъ. «О свѣтло свѣтлая и украсно украшена земля руская, и многими красотами удивлена еси: озеры многыми уливлена еси, рѣками и кладязями мѣсточьстьными, горами крутыми, холми высокыми, дубравами частыми, польми дивными,

[1]) Послѣдними словами опредѣляется время составленія слова: Ярославъ Всеволодовичъ княжилъ въ Переяславѣ Залѣсскомъ съ 1212 по 1238, Юрій же Всеволодовичъ былъ велик. княземъ 1212—1216 и 1219—1238.

звѣрьми разлычными, птицами бещислеными, городы великыми, селы дивными, виногради обительными, домы цьрьковными и князьми грозными, бояры честными, вельможами многами...» —такими словами начинается «Слово». Далѣе рисуются предѣлы земли русской: «...то все покорено было Богомъ крестияньскому языкоу поганьскыя страны великому князю Всеволоду, отцю его Юрью князю Кыевьскому, дѣду его Володимеру Манамаху, которымъ то Половци дѣти своя ношаху въ колыбели, а Литва из болота на свѣтъ не выникываху, а Оугры твердяху каменыи городы желѣзными вороты...» Одни только нѣмцы «радовахоуся далече боудоуче за синимъ моремъ...» Даже «Жюръ Мануилъ царегородскыи опасъ имѣя поне и великыя дары посылаша к немоу, абы подъ нимъ великыи князь Володимеръ Царя города не взялъ...» [1]).

Къ тексту «Слова» г. Лопаревъ присоединилъ замѣчанія. Въ концѣ приложенъ палеографическій снимокъ всего отрывка.

Арк. Л—нко.

Книги, относящіяся къ южной Россіи, вышедшія въ концѣ 1891 г. и въ началѣ 1892 г.

Бабецкій А. В. Харьковъ наканунѣ новаго городоваго положенія. (Итоги самоуправленія). Харьковъ. 1891. 8 д. 16 стр.

Барбашевъ А. Очерки литовско-русской исторіи XV в. Витовтъ. Послѣднія двадцать лѣтъ княженія 1410—1430. Спб. 1891. 8 д. III+340 стр.

Бережковъ М. Н. Планъ завоеванія Крыма, составленный въ царствованіе государя Алексѣя Михайловича ученымъ славяниномъ Юрьемъ Крижаничемъ. (Извлеч. изъ журн. М—ва Нар. Просв. 1891 г.). Спб. 1891. 8д. 90 стр.

Бориневичъ А. С. По поводу предстоящей переписи въ Одессѣ. Одесса. 1891. 8 д. 13 стр.

Волынскій народный календарь на 1892 г. (Г. 4-й). Изд. Ѳ. Досинчука. Житоміръ. 1891. 8 д. XII+55+55 стр.

210-е засѣданіе Имп. одесскаго общества исторіи и древностей 23 окт. 1891 г. Одесса. 8 д. 7 стр.

Żadnowiecki L. ks. Starożytne szaty kościelne w dyecezyach Łuckiej i Żytomierskiej (z 4 swiatłodrukami). К. 1891. 8 д. 24 стр.

Календарь Черниговской епархіи на 1892 г. Съ портр. преосв. Веніамина. Годъ 2-й. Черниговъ. 1891. 8 д. 234 стр.

---

[1]) Мы не удерживали орѳографію памятника.

Каленченко. Хутиръ. Малороссійскій литературный збирнык̀ъ на 1891 г. 8 д. 99 стр.

Красновъ А. Н. Матеріалы для флоры полтавской губ. Результаты флористическихъ изслѣдованій полтавской губ. (Отт. изъ Трудовъ общ. испыт. природы. Т. XXIV). Хар. 1891. 8 д. 116 стр.

Лазаревскій А. А. Очерки, замѣтки и документы по исторіи Малороссіи. I. Съ 2 портретами. (Отт. изъ «Кіев. Ст». 1891 г.). К. 1892. 8 д. 129 стр.

Лащенковъ Ѳ. А., протоіерей. Очерки дѣятельности приходскаго попечительства сумской Николаевской церкви въ теченіе 24-хъ лѣтъ его существованія (1867 — 1890). (Отт. изъ газ. «Южн. Край»). Хар. 1891. 16 д. 18 стр.

Лісь А. Хроника умственнаго и нравственнаго развитія кишиневскихъ евреевъ (1773—1890) и обзоръ еврейскихъ благотворительныхъ учрежденій въ Бессарабской губ. Вып. 3-й. Кишиневъ. 1891. 8 д. 32 стр.

Новороссійскій календарь на 1892 годъ. Издаваемый одесскимъ город. обществ. управленіемъ подъ ред. А. С. Бориневича. Од. 1891. 8 д. VIII+208+158+180+V стр.

О благословеніи св. апостоломъ Андреемъ Первозваннымъ наддн̀ѣпровскихъ кіевскихъ высотъ и о предреченіи имъ основанія на нихъ великаго города (Кіева). (По сказанію начальной кіевской лѣтописи). К. 1891. 8 д. 19 стр.

Общество юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ. О постройкѣ херсонскихъ вѣтвей. Приложенія: десятоверстная карта раіона вѣтвей и 49 табл. К. 1891. 4 д. 89+34 стр.

Панъ Щипавка, або раки. Колы не брехня то правда. Разск. изъ малорос. жизни. Изд. Е. Губанова. М. 1891. 16 д. 71 стр.

Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, находящихся въ г. Кіевѣ въ частныхъ рукахъ. Серія 2-я. Вып. I. К. 1891. 4 д. 29 стр.+4 табл.+1 карта.

Сыва кобыла. Оповиданнѣ. Типомъ першымъ. Од. 1891. 16 д. 16 стр.

Słownik geograficzny królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Wydany pod red. B. Chlebowskiego, według planu F. Sulimierskiego. Nakładem W. Walewskiego. Zeszyt 133. T. XII. Варш. 1891. 4 д. 80 стр.

Шаховской М. Л. князь. Харьковская губернія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи въ 1891 г. Съ 5 картами. (Приложеніе къ отчету харьк. губ. земск. управы). Хар. 1891. 8 д. 92 стр.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ВЫШЛИ И РАЗОСЛАНЫ ПОДПИСЧИКАМЪ

43-Й и 44-Й ВЫПУСКИ

(*Кальдеръ - Каштанъ*)

НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ,

изданіе бывш. т-ва А. Габрель и К° въ Москвѣ (Больш. Никитская, Долгоруковскій пер., д. 8).

Подписная цѣна (съ пересыл.) на все изданіе (105—115 вып. или 8 том.): на лучш. бумагѣ 23 р., на обыкн. б.—25 р.; на томъ (14 вып.) въ переплетѣ: на лучш. б. — 6 руб., на обыкн. б.—4 р. 50 к.; на серію въ 10 вып.: на лучш. б.—4 р., на обыкн. б.—3 р. Отдѣльные выпуски продаются: на лучш. б.—по 40 к., на обыкн. б.—по 30 к.

Дозволено ценз. Кіевъ, 29 мая 1892 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXXVII, 1892 г. Апрѣль, Май и Іюнь.

		стр.
I.	ЮБИЛЕЙНЫЯ ПРАЗДНЕСТВА НА ВОЛЫНИ. (Впечатлѣнія очевидца)	I—IV
II.	ИЗЪ СЕМЕЙНАГО АРХИВА. I. Записки Андрея Петровича Рудыковскаго. II. Записки Евстафія Петровича Рудыковскаго (1796—1874). **В. Щербины**	1—21, 193—224, 363—398
III.	СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ. *(Продолженіе)*. **Проф. Н. Ѳ. Сумцова**	22—36, 176—192, 351—362
IV.	МАЛОРУССКІЯ ВИРШИ НРАВООПИСАТЕЛЬНАГО СОДЕРЖАНІЯ. **П. И. Житецкаго**	37—58, 157—175
V.	БАНКЕТЪ ДУХОВНЫЙ. **Мирона**	59—70
VI.	ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АВТОНОМА АКИМОВИЧА СОЛТАНОВСКАГО	71—88, 231—248, 420—437
VII.	КАРТИНЫ МОЕГО ПРОШЛАГО. *(Окончаніе)*. **Б. С. Познанскаго.**	89—104
VIII.	НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПЕРЕЖИВАНІЯХЪ ВЪ ОБЛАСТИ ВНѢШНЕЙ КУЛЬТУРЫ. **Ник. Бѣляшевскаго**	105—111
IX.	МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ († 9 МАРТА 1892 Г.). (Некрологъ). **Н. В**	112—115
X.	ПУТЕШЕСТВІЕ ИМПЕР. ЕКАТЕРИНЫ II ВЪ ЮЖНУЮ РОССІЮ ВЪ 1787 ГОДУ. *(Окончаніе)*. **Г. В. Есипова.**	225—230
XI.	РОДИНА КАЛНИШЕВСКАГО. **Ѳ Н**	249—277
XII.	PROF. M. KOWALEWSKY. MARIAGE AMONG THE EARLY SLAWS. (FOLK-LORE, QUARTERLY REWIEW OF MYTH. LOND. DEC. 1890). **В.**	278—284
XIII.	ВЪ ДВУХЪ ПАНСІОНАХЪ. (Изъ дѣтскихъ воспоминаній моей матери). **Над. М. Кибальчичъ**	323—350
XIV.	СУДЬБА ЭКЗАРХА НИКИФОРА ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ. (Историческій очеркъ). **Ѳ. Кудринскаго**	399—419
XV.	ПРОТОІЕРЕЙ С. И. ОПАТОВИЧЪ. (Некрологъ). **В. Б.**	438—443
XVI.	ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Пасхальная вирша. **В. Науменка.** б) Вирши на воскресеніе Христово. **Мирона.** в) Слѣды древнихъ поселеній. **В. Боржковскаго.** г) Цѣлебный источникъ. **В. Боржковскаго.** д) Изъ прошлаго Кіева. **А. Г—скаго.** е) Изъ прошлаго Кіево-Печерской Лавры. **А. Г—скаго.** ж) Кіевскій магистратъ запрещаетъ	

стр.

сотнику торговать въ лавкахъ (1760). **А. А.** з) Сонъ, стихотвореніе кіевскаго студента к. 40-хъ гг. **В. Н.** и) Миссіонеры, распространявшіе унію на Украинѣ въ 1776 г. Протоіерея **П. Орловскаго.** і) Нѣсколько данныхъ о мѣст. Ратно. **Б.** к) Коринѳскій митрополитъ Митрофанъ въ Кіевѣ (1728—33). **А. А.** л) Передача иконостаса изъ Кіево-Кирилловской церкви въ с. Бортничъ (1796 г.). **А. А.** м) Изъ архивныхъ мелочей. Сообщилъ **В. Н. Сторожевъ.** н) Письмо гетмана Мазепы къ ближнему окольничему Л. Р. Неплюеву (1689). **А. Голомбіевскаго.** п) Подольская легенда о Бунякѣ. **В. А.** р) Игры молодежи въ деревнѣ Леоновкѣ, кіевскаго уѣзда. **Юр. Каковскаго.** с) Изъ кіевскаго прошлаго. **А. Голомбіовскаго.** т) Сотникъ Павелъ Гудимъ противодѣйствуетъ переходу козачьяго двора въ мѣщанскія руки (1748 г.). **А. А.** у) Къ исторіи заселенія Новороссіи. ф) Письмо гр. П. В. Завадовскаго. х) Преданіе и пѣсня объ экзаменѣ дяка въ старинной Малороссіи. Сообщ. **В. Боржковскаго.** 116—130, 285—298 . . 444—458

XVII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Матеріалы для біографіи Гоголя. В. И. Шенрока. Томъ первый. **Е. Пѣтухова.** б) Дневникъ антропологическаго отдѣла Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при московскомъ университетѣ, выпуски 3, 4 и 6. **В. А.** в) Н. П. Загоскинъ. Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи. Казань. **Н. В.** г) Живая Старина. Вып. II—IV. **В. Я.** д) Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1888-й г. **В. Науменка.** е) В. Е. Бучневичъ. Кременчугъ и посадъ Крюковъ. **Ѳ. Николайчика.** ж) П. В. Шейнъ. Матерьялы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края. **М. В.** з) Извѣстія таврической ученой коммиссіи № 14. **И. Каманина.** и) Русскій Соловей, народная лира или собраніе народныхъ пѣсней на разныхъ угро-русскихъ нарѣчіяхъ. Собралъ и издалъ М. А. Врабель. **Владиміра Перетца.** і) Наша національная сила—козаки. (Наброски). М. Н. **А. К.** к) Слово о погибели рускыя земли, вновь найденный памятникъ литературы XIII вѣка. **Арк. Л—нка.** л) Обозрѣніе журналовъ. м) Книги, относящіеся къ южной Россіи, вышедшія въ концѣ 1891 г. и въ началѣ 1892 г. . . . . 131—156, 299—322, 459—478

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича.
2) Акты Бориспольскаго мѣйскаго уряда 1612—1699.
3) Главный фасадъ развалинъ Мстиславова храма.

на обѣдъ до Грузкой, а по обѣдѣ оттуду поехавши, пріехалъ къ перевозу передъ заходомъ слонца, где Грабовскій и компанѣйскій асаулъ случились со мною. Перевозились черезъ Сеймъ полтори години, а пріехали въ Мутинъ уже ночной добы.

16. Пятокъ. Зъ Мутина отправленъ козакъ Роменскій въ Роменъ, черезъ которого писалемъ до жени своей о своемъ прибуттю въ Мутинъ и ps.—о нѣкоторихъ интересахъ, полѣценнихъ до справленя Мартинови. Поехавши рано оттуду, приехалемъ, передъ полуднемъ, въ Тулиголови, где 1) засталемъ въ імбарѣ горѣлки полъ-4 куфи; 2) салъ 2; 3) шинкарь тулиголовскій 2 пчоли купилъ за 7 зол; 4) отобралъ у Лозовского Романъ зол. 70, должнихъ за позиченніе Юрченкомъ у Сулаку; 5) свиней старихъ 60, подсвинковъ 40, поросятъ зъ 50. Поехавши оттуду, пріехалемъ позно у пасѣку Уздицкую, буде миль 2, где пчоли по лѣчбѣ на точкахъ показалось 184, а 6 въ погребѣ пало, але и змежду сихъ болшъ 20 будетъ худихъ Зъ пятка на суботу, въ ночѣ годин: „—“, родился въ Ромнѣ синъ мой Семенъ.

17. Субота. Рано, у квартерѣ, Івана Степановича Бранчанина видѣлемся и просилемъ его о людяхъ моихъ уздицкихъ, чтобъ ихъ защищалъ. Поехавши зъ Уздицѣ рано, пріехалемъ до Калюжновского млина, где въ шинку Перехриста незасталемъ, поехавшого вслѣдъ за якимсь паробкомъ, бывшимъ у его и обокравшомъ его и утекшомъ. Въ футорѣ Калюжновскомъ былемъ и увѣдомилемся что 16 четвериковъ жита въ ямѣ тамъ есть и что цѣлину, облугъ, на просо виорано. У Сварковъ на обѣдъ пріехалемъ, куда потомъ и отецъ Островскій пріехалъ. Войту о закупкѣ млиновъ княжихъ и о покупкѣ сѣна говорилемъ. Пріехалемъ у Глуховъ и былемъ у п. судіиной, немошествующей на кашель. Леонтія Янковского, будто въ інтересномъ дѣлѣ, привезено въ колегію. Господаръ Василь донеслъ, что Юрченко взялъ грошей 99 р.

18. Неделя. У ясневелможной рано былемъ, а по службѣ, и на обѣдѣ, где брегадиръ, прокуроръ, сотникъ Мануйловичъ зъ женами были и обѣдали. По обѣдѣ былемъ у прокурора и до ночи просидѣлемъ. Савѣцкій Стефанъ и сотникъ сенецкій Криштоповъ

пріехали въ Глуховъ тожъ позивать мене якобы, а сей отъ походу отпрашуватись.

19. Понеделокъ. Получилемъ зъ Ромна вѣдомость, что синъ мнѣ родился Семенъ. Черезъ Лескового, сина сторожа роменского, писалемъ, въ Ременъ до родителей, сожительници моей и до Якова о рознихъ дѣлехъ и о приборѣ въ походъ. Зъ княземъ Четвертенскимъ и п. Стефаномъ Миклашевскимъ видѣлемся. Обѣдалисмо у брегадира всѣ и до ночѣ прогуляли, а въ ночѣ были у прокурора и позно розехались. Привезени зъ Ромна статуи числомъ „—“ и отослани въ Сварковъ.

20. Вовтор. У п. судіиной енер. былемъ, где и ясневелможная изволила быть. Ясневелможная дала моей женѣ перстень зъ изображеніемъ Пресвятой Богородици, и писма къ ней и къ родителю казала написать. Гаврило зъ зваромъ родиннимъ посланъ въ Чернѣговъ, до швакгровъ и теши. Обѣдалисмо у сотника глуховского. Ездилемъ до огорода Бѣлополовского, где липину и кленину казалемъ по поясъ поурѣзовать, а оттуду заехалемъ до Сухарева и тамъ мало посидѣвши, пріехалемъ домой. Началемъ лѣкарства весняное заживать, прежде пявокъ.

21. Середа. Отправленъ козакъ зъ узваромъ пріездившій, чили рачей зъ листовною вѣдомостю о сину моемъ, въ Ременъ и черезъ его писма, отъ ясневел. и отъ мене до родителей и жени моей, послали и перстень отъ ясневел. Іванъ, Кгузенковъ зять, посланъ зъ писмомъ и бутилкой водки до п. Григоріевой Журавковой, въ Новгородокъ. Денегъ Юрченко привюзъ 101 р., а передомъ далъ господареви 99 р., итого 200 р., зъ которихъ взялемъ у его и у господара 150 р. до себе. 2 куфи горѣлки онъ же Юрченко привюзъ зъ Каменя, зъ которихъ сего жъ часу куфу и дано Грицку Перехристу на вишинкъ. П. Нестеровичъ зъ Ромна пріехалъ зъ узваромъ до ясневел. и до господина брегадира, у которого и былисмо. Бранчинъ былъ у мене и просилъ о сѣножатѣ Уздицкой. Стаховичъ обѣдалъ и ночовалъ со мною.

22. Четверъ. Обѣдали: п. Павлова, Островскій и Бяловскій, а п. Несторовичъ отнюсши къ ясневел. узваръ, тамъ и обѣдъ ку-

шалъ. Зъ Ромна старшина нѣкоторая пріехала зъ денгами въ колегію, за медъ зборній проданний собранними. П. Михайло Скоропадскій зъ своею женою поехалъ въ Нѣжинъ. Ночовалъ Стаховичъ со мною. Былемъ у ясневел. у вечеру.

23. Пятокъ. Листъ до родителя посланъ зъ прошеніемъ о посланню передомъ въ Царичинъ чловѣка якого для уготованія судна волного. Архипу поздавани всѣ рѣчи потребніе въ походъ. Обѣдалъ у насъ п. Стаховичъ, п. Нестеровичъ, попъ Островскій и Бяловскій. Зварили пива варъ. Ездилелъ въ городъ и зъ п. Левенцемъ посидѣлемъ, а мимоездомъ видѣлемъ сенецкого сотника и Савѣцкого, подъ дворомъ войсковимъ сидѣвшихъ. Пересталемъ брать нѣкгуловъ, передъ пявками принимаемихъ.

24. Субота. Пявки приставлялемъ къ мѣстцу геморгоидалному. Савѣцкій и сенецкій сотникъ были у брегадира и жаловались въ своихъ претенсѣяхъ. Обѣдали у мене хоружій пол. нѣжинского, Троцкій и Стаховичъ. Савѣцкій зъ Сенецкимъ, бувши тутъ у мене, примиреніе получили. У п. судіиной былисмо зъ п. Несторовичомъ, по вечернѣ, и, посидѣвши мало, восвояси отишлисмо.

25. Неделя. Обѣдалисмо у ясневолможной, где и господа копеисти были и кушали. Получилемъ писмо отъ сожительници своей, въ которомъ обявляетъ, что къ прійдучой неделѣ актъ крестиний синови нашому отложенъ. П. Федоръ дядько пріехалъ зъ Прилуки. Стаховичъ ночовалъ зъ нами.

25. Понеделокъ. Сторожъ чорнускій отправленъ зъ листами до родителя, семи моей и Якова Дуброви. Обѣдалисмо у ясневел. зъ п. Федоромъ, а по обѣдѣ у Левенца были. Гаврило зъ Чернѣгова повернулся зъ писмами ответними швакгровъ моихъ, въ якихъ о своемъ пріездѣ обявляютъ, и что зъ тещею мѣютъ роздѣлатися. Сотникъ сенецкій и Савѣцкій были у мене рано и сенецкій получилъ у мене писмо, за собою до родителя писанное о походѣ. Несторовичъ (черезъ которого писалемъ до родителя, цедулою, о розговорѣ нашемъ, бывшомъ зъ п. Федоромъ объ уступцѣ нѣкоторихъ добръ родителеви), сенецкій сотникъ и Савѣцкій поехали въ Роменъ. Ездилемъ до брегадира и тамъ позабавившись, до дому позно

пріехалемъ. Попъ Островскій пяній приходилъ до насъ и тутъ, по своемъ достоинству, трактованъ былъ де-чимъ. Посланъ указъ въ полкъ лубенскій о прибытіи сюда родителскомъ и протчей старшини.

27. Вовтор. Рано зъ Калюжненками приходилъ ко мнѣ канцеляристъ Романовичъ, требуючи отъ мене отвѣту на ихъ чолобитте. Былемъ у правителей и о томъ розговарилемъ, где и Олховского, зъ С.П.Бурху пріехавшого, видѣлемъ. Да зъ нимъ же Чернѣцкій Петро пріехалъ зъ Москви, которій донеслъ, что вовна въ манѣфактури продалася, пудъ по 2 р. и по гривнѣ. У ясневелмножной кушалисмо и ей велможность опроводилисмо за городъ, ехавшую до Гамалѣевки. Надзиратель Прокопій Ігнатовичъ билъ у мене и посидя, отийшолъ. Зъ полковой нѣжинской канцеляріи пріехалъ Салогубъ зъ інструкцѣею о походѣ, чтобъ намъ выходить въ оній зд 25 апріля, которому на тое отъ себе и росписку далемъ. Уже позно въ вечеру Стаховичъ Андрей, канцеллярист, поехалъ въ Кіевъ. Николай злотникъ былъ у мене и говорилъ о шаблѣ покойного п. судіи прилуцкого, у его обрѣтаючойся. Розмѣняли пѣратинскіи медовие зборщики таляри мнѣ битіе по рублю таляръ, а всѣхъ таляр. 158, змежи якими 2 надачи, а взяли рублей у мене 156 и теперъ, зъ давними талярами, всѣхъ таляръ 165., и тотъ мѣшокъ запечатавши, вложилемъ въ шкатулку.

28. Середа. П. Федоръ дядко подарилъ мнѣ небожчика п. судіи прилуцкого шаблю, въ якой небожчиковского срѣбра 24 лоти и полтора золотника, а п. Федорового срѣбра 4 лоти безъ золотника. Опанасъ, бувшій староста лучанскій, пріехалъ зъ Москви и за гроши взятіе за вовну мою 6 пуд., привезлъ лѣкарства мнѣ штукъ 10, отъ лѣтери А до лѣтери К. Обѣдалъ со мною князь Четвертенскій и по обѣдѣ отехалъ. Андрей Еропкинъ, зъ Цариграда отъ господина Румянцова посланний въ С.П.Бурхъ, проехалъ Глуховъ. П. Федоръ дядко отехалъ въ Прилуку. Гудименко Грицко просилъся на службу ко мнѣ и послишавши о смерти отца своего, отехалъ въ Роменъ, черезъ котораго писалемъ до родителя и до Якова о походѣ, и о сенецкомъ до род. Божко, сторожъ пѣратинскій пріехалъ зъ писмами отъ родителя и Якова.

29. Четверъ. Романъ, стар. тулиголовскій, бувши тутъ, сказалъ, что горѣлки есть 5 куфъ. Кутневскій бувъ рано и отехалъ. Ездилемъ въ канцеллярію енер. и тамъ зъ Іваномъ Максимовичомъ увидѣвшись, отехалемъ домой. Обѣдали у мене попи и Троцкій. Винялемъ зъ скринѣ на горѣ свѣчки восковіе, хустку зеленую и мѣшечокъ цѣномину повний. Ездилемъ въ городъ и билемъ у п. Левенца, оттуду въ колегіи, где зъ Лучинимъ, управителемъ почепскимъ, видѣлемся, и о водцѣ Максимовичу Федору, посланной отъ мене, разговарували, и отехалемъ домой, а тутъ въ церквѣ п. судіиной бувши, до п. судіиной зайшолъ и тамъ мало посидѣвши, отишолъ домой.

30. Пятокъ. Садовникъ и войтъ сварковскіе были; войтъ купчіе на огороди зъ собою привезлъ и отдалъ мнѣ. Подорожніе до Ахтирки и до Чернѣгова получилемъ. Бувъ у склепу и вина понасипалъ у одно пуздро и 1 бутилку. Виехалемъ зъ Глухова до Гамалѣевки и пріехалемъ по заходѣ слонца, и тутъ ночовалемъ.

Май. 1. Субота. Александеръ і Михайло, слуги панеи, ездившіе до Ямполя въ інтересѣ панскомъ, сказали, что видѣли тамъ брегадира и протчіихъ колеистовъ, туда жъ ездившихъ за скарбомъ, будто винятомъ отъ простого человѣка, але нѣчого незискавши, назадъ вернулись. П. Василь Романовичъ былъ у Гамалѣевцѣ и со мною видѣлся. Поехалемъ оттуду и пріехалемъ въ Глуховъ, где пана Андрѣя швакгра, пріехавшого зъ Чернѣгова, засталемъ. Ездилемъ до брегадира и просилемъ его въ Роменъ на крестини.

2. Неделя. Билъ у брегадира и оттуду до церкви поехали. Едучи до церкви въ каретѣ зъ правителями, видѣлемъ листъ Милорадовича, въ якомъ онъ зъ Сулаку, 10 марта, обявляетъ—о непомислномъ тамъ своемъ пребываніи. По службѣ Божой, зъ брегадиромъ былемъ у прокурора, где брегадиръ обѣщался поехать въ Роменъ, на крестини, быть воспріемникомъ сину моему. Отправилемъ черезъ лубенского сторожа писма, въ Роменъ, до родителя и сожителници, о прибитіи ясневел. и брегадира, и до Петра Петровича, и п. Скоропадского, о ихъ прибуттю туда жъ. Буйволъ чудеса дѣлалъ.

3. Понеделокъ. Ездилемъ до Сваркова, где указалемъ, якъ еренжерей дѣлать. Пріехалемъ на обѣдъ въ домъ и обѣдалисмо зъ п. Андрѣемъ, швакгромъ, и Бяловскимъ. Былемъ у прокурора и просидѣлемъ до вечора и его жъ увенеровалемъ отъ швакгровъ. Демянъ пріехалъ зъ Гамалѣевки, отъ ясневелможной, и сказалъ, что завтра будетъ въ Глуховъ сюда, а отсюду мѣетъ въ четверъ виехать, зъ Глухова, на ночъ въ Мутинъ. Зъ паномъ Андрѣемъ, швакгромъ, разговаривали о своемъ интересѣ, которій отложилъ до пріѣзду пана Якова. Войтъ глуховскій Іванъ Ивановичъ, братъ Александра, померъ. Конотопъ городъ вигорѣлъ зъ многими домами и 3-ма церквами.

4. Вовторокъ. Ясневелможная пріехала зъ Гамалѣевки въ Глуховъ. Зъ С.П.бурху указъ сенатскій въ колегію прийшолъ о висилки пановъ бунчуковихъ въ Гилянъ, чего ради и брегадиръ поездъ свой въ Роменъ отставилъ и съ тимъ Арсеніева ко мнѣ прислалъ. Войту Забарѣ наказъ въ 12 пунктахъ далемъ, и Андрѣю теслѣ. У ясневел. былемъ, у вечеру, и у брегадира. Асаулъ гонцювскій Михайло Кириловъ, Черняховскій и Шостакъ лубенскіе, пріехали въ Глуховъ, позванни салдатомъ отъ колегіи по дѣлу Леонтія Янковскаго.

5. Середа. Ездила ясневелможная рано до брегадира и я при ней. Обѣдалисмо дома зъ швакграми. Почепскіе коменданти были у насъ и дворъ шарфовский отдали свѣтлѣйшому князю п. п. швакгри.

6. Четверъ. У ясневелможной кушалисмо, также брегадиръ и полковникъ чернѣговскій. По обѣдѣ, пожекгналемъ ясневел. и дала 469 зол. У брегадира былемъ и писма за мною получилемъ до енерала Матюшкина, брегадира Левешова, и полковника Яропкина. Швакгри мои, въ разговорѣ зо мною, уступуютъ села Крисіокъ мнѣ, а болшъ нѣчого.

7. Пятокъ. Московское пуздерко насипали водкою мастихиною. Пожекгналемъ швакгровъ своихъ, а оставилемъ Демяна для того, чтобъ онъ увѣдомился у нихъ, когда будутъ въ Роменъ. Пріехалемъ въ Туліголови, где наказъ давши Роману въ 7 пунктахъ, отехалемъ въ Мутинъ. Зъ Мутина послалемъ 20 зол. до Лозовского,

зъ якими жеби и отъ себе 7 копъ доводячіеся отослалъ въ Тулиголови до Романа. Перевюзшись черезъ Сеймъ, поехалемъ почтою на Конотопъ, куда отъ перевозу будетъ болшъ 20 верстъ, а оттуду до Карабутова верстъ 20, а оттуду до Хмѣлова 20 верстъ, и зъ Хмѣлова до Ромна 20 же верстъ.

8. Субота. Пріехалемъ въ Роменъ на обѣдъ, гдѣ засталемъ пана Федора и пана Тарновского, и п. судіину прилуцкую, а по обѣдѣ Бурковскій пріехалъ. Тарасъ молодикъ показалъ реестри стаднини и статку въ Криворудскомъ футорѣ, где показалось по ищисленіи его: кобилъ 71, лошаковъ третяковъ 15, стрижаковъ 21, четвертаковъ 17, третячокъ 14, стрижачокъ 20, опрочъ нинѣшнихъ лошатъ, итого, опрочь дригантовъ, 158; а зъ рогатого: коровъ 91, телятъ малихъ 46, воловъ 42, бичковъ назимковъ 40, телицъ 28, и того всѣхъ, опрочъ бугаевъ, поголовья рогатого—247. Максимъ староста перервинскій донеслъ на картѣ, что тамъ обрѣтается жита немолоченого 2 скирти, пшеницѣ осмачокъ 3, овса осмачокъ 5, проса ямъ 3.

9. Неделя. Синъ мой Семенъ крещенъ зосталъ протопопою роменскимъ отцемъ Василіемъ Савѣцкимъ, а воспріемниковъ било двѣ пари: панъ Федоръ, дядко прилуц., зъ родителкою, да п. Бурковскій Андрѣй зъ п. судіиною прилуцкою, дядиною. П. Михайло Скоропадскій зъ своею панею пріѣхалъ въ Роменъ. Селецкій, за тютюнъ посилавшійся въ Полщу, привезлъ лѣкарства разного штукъ зъ 12. Плетюнка пріехалъ зъ Сухоносовки и явился тутъ. Поднієхомъ при немаломъ собраніи гостей.

10. Понеделокъ. Гостѣ у насъ всѣ обѣдали. Гостѣ всѣ порозездилися. Плетюнку отправилемъ зъ словесною інформаціею. Козакъ, стойчикъ полковий, посланъ въ Глуховъ зъ писмами отъ п. Михайла до прокурора, а отъ мене до господара и до Кондзеровского. Архипъ пріехалъ зъ Смѣлого и обявилъ, что купили мнѣ воловъ 8. Родитель о Перервинцяхъ говорилъ мнѣ, чтобъ тамъ всѣмъ мнѣ владѣти.

11. Вовторокъ. Рано, Козелъ хлопецъ зъ почтаремъ поехали въ Глуховъ, зъ писмами въ розныхъ інтересахъ. Вина, 60 кварть

зъ чимсь, волоского купилемъ, по 3 шаги кварта. Козакъ дунайскій отъ князя Четвертенского зъ Глухова присланний зъ писмомъ, отправленъ и чрезъ него послалемъ до прокурора листъ и баранковъ 2, до князя листъ и баранковъ 1, до господара листъ. Покроилъ швецъ чоботъ мнѣ паръ 4 и юпку зъ сафяну. Родителка бунтъ сафяновъ видала привозу Адамового. П. судіиная прилуцкая даровала мнѣ 500 зол. и пуздерко зъ мисками и тарѣлками мѣдними. Гаврилови предложилемъ ити въ дорогу передомъ зъ возами.

12. Середа. Ездилемъ за Сулу и тамъ осмотрѣвши коней своихъ всѣхъ ижджалихъ, поехалемъ до табору, где вози мои воловіе, которихъ осталось 17, а воловъ при иихъ всѣхъ 75; да при тому жъ обозѣ Несторовичевыхъ 2 воза, а Якова 1; да съ того жъ обозу 3 вози воловихъ передомъ вылучили зъ харчею, чтобъ зъ мною ишли. Пуздра пересипали и до Монастирища ездили, где полтора пуздра родителка велѣла насипать. Панъ Андрѣй братъ даровалъ мнѣ коня верхового, сивого. У лазнѣ милемся.

13. Четверъ. Гаврилу листи подавалемъ отъ мене писанніе, до коменданта царичанского, до Полянского, до Волинского губернатора и до Горки, архіерея астраханского. Федоръ Юрченко, явившись тутъ, далъ еще грошей 60 р., а такъ отдалъ уже 260 р., а ще мѣлъ зъ Глухова прислать 40 р., черезъ которого о томъ до Василя господара писалемъ и до п. судіиной. Леско сторожъ посланъ въ Смѣлое за стрелцями. Перебралемъ писма, купчіе и всѣ иншіе крѣпости вложилемъ въ зеленую скринку. Пуздра винніе и бутилокъ лутшого вина 7, а подлѣйшого 8, позапечатовали. Пару болдинокъ Гаврилу на дорогу далемъ. Ему жъ Гаврилу облѣкъ его на 28 р. отдалемъ. Зъ Чорнухъ отъ Звѣраки присланъ листъ и въ ономъ декретъ на лѣсъ и ниви поповскіе, закрѣпленний рукою отца Ѳомы Збриского, протопопи пѣрат.

14. Пятокъ. Коваль сторожъ до Тарнавскаго посланъ, о его прибытіи сюда. Якову на расходи 90 зол далемъ. Сухоносовскимъ мужикамъ по копѣ читиромъ далемъ. До Плетюнки писмо писалемъ и до Звѣраки отвѣтъ. Божко въ Перервинцѣ посланъ за козаками курѣнчиками. Швакгри мои оба, Андрей и Яковъ Полуботки, пріі-

ехали сюда. До Лубенъ посланъ листъ и 4 р. въ аптеку и рецептъ. Спалню у Василя глинского взялемъ, а ему свою далемъ.

15. Субота. Швакгри мои Полуботки отехали въ Коровинцѣ, нѣчого неучинивши. Юско Залускій и Казѣмиръ Шпаковскій послани въ Царицинъ и Астрахань передомъ, за уготованнемъ судна водного, о чомъ и я до коменданта царичанского писалемъ. Слюсаръ, що зъ Астраханѣ принюсъ 2 фузѣя, чили ручницѣ, зъ gвѣнтами, мнѣ зробленнніе, за которіе ему далемъ толко 2 зол., до давно даннихъ грошей. П. Семенъ братъ подарилъ рогъ на порохъ. Родитель подарилъ мнѣ въ дорогу два конѣ, сивого, прозиваемого смѣлянского, и чалого прилуцкого. Казанъ котляри, зробивши, принесли у 12 фунт. Стрелцѣ изъ Смѣлого, а козаки зъ Токаровъ по 3 чловѣка, пріехали, со мною мѣючіе пойти въ походъ. До родителя съ колегіи указъ принесенъ ехать самому въ Глуховъ, а до асаули Семена, Василя Дяченка и Петрановского салдатъ пріехалъ, взять ихъ въ Глуховъ же.

16. Неделя. Тройца Св. Прапорщикъ Волжинъ пріехалъ въ Роменъ и обѣдалъ съ нами. П. Нестеровичъ посланъ отъ насъ до швакгровъ Полуботковъ, въ Коровинци, зъ уговоромъ о нашемъ дѣлѣ. Почтаръ, зъ Козломъ хлопцемъ, повернулся зъ Глухова. Наказъ пунктами Никитѣ Плетюнцѣ составилемъ, въ 30 пунктахъ.

17. Понеделокъ. Ездилисмо за Сулу и тамъ служби Божой вислухавши, обѣдалисмо. Вѣдомо учинилося, что Грицько Гудимъ поехалъ до Рибного, зъ дядкомъ своимъ, купеческимъ промисломъ, зъ горѣлкою, для чого дядиная его въ турму была посажена, а потимъ и випущена зостала. Зъ аптеки отъ Ісаака Івановича Іохемса привезени лѣкарства, за 4 р. купленніе и заплаченніе уже именно: Spir. Cachlearia ttij. Elixir. propriett ttij и въ слоику прошку (про?)носного часть. Отъ п. Тарнавского до родителя принесенно писмо, въ которомъ обявляетъ о себѣ, что мѣетъ ити въ походъ, а для опроваженя его до обозу далъ бы сотникъ пѣратинскій 4 козаковъ, просить. Пріехалисмо зъ женою въ городъ и тутъ ночовалисмо.

18. Вовтор. Возки виправилисмо въ походъ, а приставъ—Яковъ Дуброва. Возковъ глабчастихъ, по два конѣ—3, а палубовъ, по 2 жъ конѣ—3, Палубецъ зъ суклями, у 2 жъ конѣ, палубецъ на 2-хъ колесахъ, спалня 2 конѣ, верховихъ 4 зайвихъ, а зъ обозомъ, верхахи, поехали: Яковъ Алексѣецъ, Мартинъ, Лесько кухаръ, Литвишко, Максимъ Коржовскій, да зъ ними жъ, при Якову, скринка зъ денгами, а въ ней чер. 40, тал. (битыхъ?) 150, руб. 100. П. Нестеровичъ, ездившій до швакгровъ, повернулся зъ Грунки и о ихъ укоризненномъ предложилъ виговорѣ. Родитель въ дорогу далъ мнѣ 200 р. За фузѣи слюсареви заплатилемъ. Слугамъ далемъ по 2 р., а машталѣру 2 р., другому 3 р. Отецъ Островскій пріехалъ въ Роменъ. Пунктовъ 35 составивши господареви въ наказъ, отдалемъ до рукъ паней.

19. Середа. Молебенъ о путешествіи моемъ въ церквѣ, отцемъ Савѣцкимъ и другими, отправленъ. Родитель подарилъ мнѣ перстенъ шмаракгдовий зъ 6 діяментиками, на благословеніе; такъже и кулбаку нѣмецкую. У лазнѣ милемъся. Вѣжевскому на росходъ далемъ грошей 4 р. Ораповскій отъ швакгровъ Полуботковъ повернулъся зъ листомъ до отца протопопи причиннимъ—бить ему въ Коровинцяхъ. Григорий Тишенко принеслъ печатку мою на сегнѣту, у Шліонску здѣланную, за которую будто заплатилъ за злото и за камень, 10 твардихъ а за роботу 5 чвертокъ, а всѣхъ грошей налѣчилъ 9 р. безъ полкопи. Виездъ опродѣленъ бувъ мой зъ Ромна, въ походъ, у вечеру, а на ночъ за Сулу, а потимъ отложенъ на завтрейший ранокъ. О братови п. Семенови родителіе со мною розговорували и листъ отъ нихъ написалемъ до ахтирского полковника. Рекоммендаціи листовніе отъ родителя 10, до рознихъ персонъ, о мнѣ.

20. Четвер. Конѣ рано заложени были до виезду моего, а потомъ знову виложени. За перстенъ, на которомъ печатка моя зъ гербомъ, заплатилемъ Манжосу 7 р. Ораповскому далемъ 5 таляр. бытихъ. Родитель взялъ себѣ печатку тую и далъ мнѣ каменецъ красній четвероуголний, которій я далъ тому жъ Григорію Манжосу, жебы въ Шліонску вирѣзано на ономъ печатку мою зъ та-

ковимъ компартиментомъ, яковій на сталной моей есть печатцѣ, на що далемъ ему червоного, 2 таляр. бытихъ и рубля грошей, и для образца, випечатавши на паперѣ, печатки мою и родительскую, оніи емужъ далемъже. — Виездъ въ походъ зъ Ромна. Виехалемъ зъ Ромна по обѣдѣ, въ походъ настоящій Гилянскій, а опроважали мене: родитель, родителка, протопопъ и другихъ много очинъ присутствуючихъ, даже до села Герасимовки, где годинъ скилка простояли, а наконецъ пожекгнавшись, отехалемъ въ Коровинцѣ на ночъ, а съ нами: жена моя, братъ съ братовою, Василь глинскій, Зарудніе Федоръ и Андрѣй, Столповскій, которій и отедетъ, Федко и другіе; а пріехалисмо въ Коровинцѣ на ночъ,

21. Пятокъ. Рано поехавши зъ Коровинецъ, пріехалисмо до Будокъ о полдни, куда будетъ миль зо три добрихъ, и тамъ обѣдалисмо и ночовалисмо. Тамже зъ отцемъ Островскимъ, трижди подпивавшомъ, тѣшились. Іванъ, конюшій родителскій, пріехалъ зъ Ромна и привюзъ бутилу вина венкгерского доброго. Черезъ козака коровинского писалемъ до родителей листъ, жекгнаючи ихъ и просячи о молитви. Сватба била въ Питербурху: цесаревна Анна Петровна отдана за голштинского князя Фридерика, а якимъ способомъ що было, тогда зри юня 13 числа.

22. Субота. Служби Божой вислухалисмо у Будкахъ и по службѣ поснѣдалисмо. Братови п. Андрѣеви даровалемъ шаблю свою и оную казалемъ отдать женѣ моей до его рукъ. Помѣнялисмося съ ними кулбаками, ему жовтую далемъ, а себѣ кгранатовую. Пожекгналемся съ нимъ, братовою, также и зъ своею женою и, поехавши зъ Будокъ, черезъ пѣщаній брудъ, где гребля на Сулѣ, пріехалемъ степомъ до Грунѣ, куда будетъ миль 3 добрихъ и оттуду виехавши, недоежджаючи Михайловки, постояли въ полѣ малое время, поколь братъ п. Семенъ, приостановившийся въ Будкахъ, нагналъ насъ, а оттуду поехавши, пріехали до Михайловки, отъ Грунѣ зъ милю добрую отстоячихъ, и тамъ заехалемъ до швакгровъ Полуботковъ и видѣлемся съ ними, также и зъ п. Андрѣевою и п. Антоновою и, малое время позабавивши у ихъ, поеха-

лемъ до Лебедина, у милю отстоячого, и, оний переехавши, на степу, недоежджаючи городка Олешнѣ, ночовали, якъ би у полъ 2 милѣ.

23. Неделя. Рано вставши барзо, поехалисмо и минувши Олешню, пріехали въ Ахтирку, отстоящую отъ Лебедина у 4 милѣ, и стали на пастовнику. зъ пріезду, п. полковника ахтирского. У князя былемъ зъ братомъ и зваромъ родиннимъ поклонилемся ему; да онъже далъ за мною писма до Матюшкина, Кропотова, и Яропкина. А по обѣдѣ, у полковника просидѣлемъ, и оттоль зъ Стефаномъ Гамалѣею и Самойловичами пріехалемъ къ себѣ и тутъ о дѣлѣ брата зъ нимъ розговоровши, и зъ лука пострелявши и вина випивши, отправилемъ его. Князь давалъ читать обявленіе сенатское о Ѳедосію Яновскомъ, архіепископу новогородскомъ, первомъ вицепрезиденту синодалному, который за нѣкоторіе укоризненніе слова противъ монаршей персони и другіе причини, лишенъ епархіи и синодалного мѣста, а сосланъ въ силку въ монастиръ Корѣлскій, близъ Двини реки устя.

24. Понеделокъ. Слишно намъ стало, что у Василія Даниловича умеръ синъ, куда полковница ахтирская и п. Сгефанъ Гамалѣя ездили. По прошенію п. Стефана Самойловича, отъ п. полковника ахтирского къ намъ присланного, поехалисмо на обѣдъ. У п. полковника ахтирского зговоръ здѣлалисмо: дочь ихъ Параскевію за брата п. Семена, при битности зъ ихъ сторони его: п. полковника, самой п. полковниковой, Стефана Гамалѣи, обоихъ Самойловичовъ, Федора Гамалѣи и прочіихъ, а зъ нашей: насъ, Василя Жуковского, Федора и Андрѣя Зарудныхъ, где и хустки всякому зъ насъ подавала панна, а оной братъ далъ дуката золотого у нѣсколко червонихъ. П. полковникъ ахтирскій даровалъ мнѣ фузѣю хорошую. Отехалисмо отъ п. полковника, шумни, до себе.

25. Вовтор. Билисмо у князя Голѣцина и обявили ему о учинившойся сватбѣ нашой, которою онъ насъ поздравлялъ и пожегналисмо его. Обѣдалисмо у п. полковника и до вечора прозабавили шумни. Зъ Ромна емщикъ пріехалъ зъ 2 бутилами вина, одною водки и зъ хлѣбомъ и листами родителя, родителки и жени

моей. Сторожъ п. полковника нѣжинского пріехалъ зъ Нѣжина и о ясневелможной сказалъ, что тамъ теперъ обрѣтается.

26. Середа. Заехалисмо рано до п. полковника на чай, по которомъ и водки по нѣсколко чарокъ випили. Онъ же зъ панею своею подарилъ мнѣ слоикъ кристалний, полнъ мира святителя Христова Николая чудотворца, а брату п. Семену шаблю, полскимъ манѣеромъ зробленную. Отехалисмо предъ обѣдомъ зъ Ахтирки, а ехали поузъ левади тютюннніе государеви, очинъ великіе и поузъ мури превеликіе, израдно зъ рѣзаного дерева подѣланніе, а пріехалисмо на обѣдъ, у двѣ милѣ отъ Ахтирки, къ урочищу и потоку, прозиваемому Веселая. Оттуду писалисмо до родителей и моей жени о сватбѣ и о протчемъ зъ комплементами, а зъ тимъ отпустилисмо Грицка коваля, сторожа роменского да Залюбовского, да имъ же и листъ п. полковника ахтирского, писанний о той же сватбѣ, вручилисмо. Поехавши оттуду, переехали село прозиваемое Купіоваха, до ратуша ахтирского належачое, а отъ Ахтирки въ трохъ миляхъ отстоящое, а оттуду еще миль зо двѣ поехавши, а не доежджаючи Богодухова, сталисмо на ночлѣгъ въ полѣ, противъ села Губаровки, якое намъ въ правомъ боцѣ було.

27. Четверъ. Рано отъ ночлѣга поехавши, пріехалисмо на обѣдъ въ мѣстечко сотенное полку ахтирского, прозиваемое Богодуховъ, и тамъ у сотника Федора Павловича сталисмо на квартерѣ и кушалисмо, а Богодуховъ отъ Ахтирки въ 6 миляхъ, а отъ Купіовахи въ 3 миляхъ отстоитъ, где поневажъ дожчъ началъ ити, того ради и переночовать тамъ резолвовалисмося. Черезъ сторожа ахтирского, опровадившаго насъ до Богодухова, писалисмо листи я и братъ, до п. полковника ахтирского, зъ благодареніемъ, за угощеніе и зъ комплементомъ о сватбѣ. Да черезъ того жъ писалемъ до родителя и вѣдомость о Феодосію приложилемъ. Сотники полку лубенского, глинскій Афанасій и лукомскій Кодинецъ, и Прийма, атаманъ лубенскій, опровадивши свои сотнѣ до обозу, повернулись и били тутже у насъ. Слуга Холодовича, воронѣжского сотника, посиланний къ нему зъ дому зъ запасомъ, повернулся зъ Дербенѣ, и обявилъ, что тамъ Шафкалъ и Усмей стали

противность свою показовать. Черезъ его жъ писалемъ до родителя, что писмо отъ атамана смѣлянского къ его особѣ писанное, читалемъ.

28. Пятокъ. Глинскій сотникъ Афанасій обѣщалъ прислать въ слѣдъ за мною обухъ. Рано простившись мы зъ нимъ и зъ сотникомъ богодуховскимъ и женою его, виехалисмо оттуду и переехали греблю на рѣчцѣ Мерлѣ, близъ Богодухова текучой; уехали миль зо двѣ и на степу обѣдъ имѣли, а по обѣдѣ поехавши, прибули къ городку полку харковского, прозиваемому Вулшаная, которое отъ Богодухова остоитъ въ 3 миляхъ, а оттуду верстъ за 4 проехавши, приехали къ селу, прозиваемому Кутъ и оній обминувши, приехали до села називаючогося Пересѣчнее, въ 4 верстахъ отъ Кута отстоящое; оттуду якъбы у милю доехали села полковничого прозиваемого Синоницювка и проехавши оное село, якъбы у полъмилѣ отъ оного, пріехали къ монастиру харковскому, въ якимъ архимандритъ Ефремъ, постриженецъ нѣжинского монастира, а монастиръ, едучи къ Харкову, у лѣвой руцѣ на горѣ стоитъ, сооруженъ зъ древяною церковію. Минувши оній, якъби у 2 версти, сталисмо въ полѣ при дубровѣ, на ночлѣзѣ, а лошадѣ въ сѣнокосъ Лаврентія Шидловского пустилисмо. На становиску обѣдномъ купилисмо, за копу, 4 спинки осятровихъ у донцовъ, да оніе жъ донци говорили намъ, что 3000 донцовъ пошло въ Гилянскій походъ уже тому недель зо двѣ. Грошей еще 3 рублѣ Вѣжевскому далемъ на росходи.

29 Субота. Отъ ночлѣга поехавши, прибыли рано до Харкова, отстоящого отъ Олшаной въ 3, а отъ Богодухова въ 6 миляхъ, который имѣетъ свое расположеніе нехудое, бо на пригорбку стоитъ, рѣчка зъ пріезду нашего, подъ городомъ течетъ Лопатень, а зъ другой сторони другая рѣчка Харковка. Приехавши въ городъ, службы Божой вислухалисмо и въ церквѣ увидѣлисмося зъ п.п. Борзнами. По службѣ Божой заехалисмо до п.п. Миклашевскихъ и зъ ними повидѣвшись, виехали зъ Харкова. Купили въ Харковѣ вина волоского кварть 8 по 3 алт. а особливо 3 кварти за приговорку Василя Жуковского. Псехавши зъ Харкова, поми-

нулисмо шляхъ у право до Печенѣгъ, а влѣво дорогу до Салтова взялисмо и миль зо двѣ проехавши, стали на обѣдъ, не доежджаючи якъби у полъмилѣ Барабашевихъ байраковъ. Тамже бунчуковіе Костенецкій и Грабовскій приходили до насъ. По обѣдѣ поехавши, прибили на ночлѣгъ до селця чили деревнѣ, прозиваемой Баба, владѣнія Петра Матвѣевича Апраксина, до Салтова належачого, а отстоящого отъ Харкова въ 4 миляхъ добрихъ, и сталисмо при селѣ на лукахъ боярскихъ. Увѣдомилисмося, что Семенъ Лизогубъ сего дня обѣдалъ у Салтовѣ у прикажчика тамошнего.

30. Неделя. Мужикъ тамошнего села, войтъ въ заводъ зъ нами увойшолъ за тое, что на онихъ лукахъ стоялисмо, и до Салтова побѣгши, прикажчику тамошнему іноземцу наговорилъ, которій заразъ пріехавши въ село первей, посилалъ, еще ноччю, своихъ мужиковъ конѣ наши отокрасть, а когда осмотрѣлись наши и недопустили того, потомъ самъ приходилъ и межи возами нашими ходячи, нѣчого нѣкому несказавши, отийшолъ, а прислалъ потимъ уже въ день того села войта и зъ нѣмъ чловѣка скилка, явне грабить конѣ, чого наши недопустили, и тогда жъ оттуду поехали, а пріехали подчасъ служби въ Салтовъ мѣстечко, отстоящое отъ того села въ 5 верстахъ, а отъ Харкова 5 миляхъ, и тамъ же, въ Салтовѣ, зъ Кандибою, Новѣцкими и прочими бунчуковими, повидѣлемся; и оттуду заразъ поехавши и переехавши мостомъ черезъ рѣку Донецъ, стали на семъ боцѣ, у версту отъ Салтова, на обѣдъ, и тутъ зъ своимъ обозомъ и зъ п. Михайломъ Скоропадскимъ совокупилемъся, где и Семенъ Лизогубъ и прочіе бунчуковіе и полки стояли. Прикажчикъ салтовскій недоволенъ будучи тоей своей зачѣпки, писалъ листъ до Семена Лизогуба, ускаржаючись на мене, будто я ставши на лукахъ боярскихъ, зовсѣмъ оніе спустошилъ и за то бы я награжденіе учинилъ, якое писмо прислалъ ко мнѣ Лизогубъ черезъ середнего Бутовича и на оное отвѣтъ учинилемъ, оправдаючи себе. Видѣлемся зъ Семеномъ Лизогубомъ и прочіими бунчуковими. Поехавши по обѣдѣ, заехалисмо на дорозѣ до Баска (?) наказного полковника чернѣговского, и тамъ пива напившись, отехали, и присмотрувались, якъ честь отдавалъ полкъ чер-

нѣговскій бунчуковимъ. Рушивши оттуду, всѣ ми пріѣхали къ байраку, отъ дороги у правой сторонѣ будучому, и тутъ ми сами, зъ прочіими бунчуковими, заехали къ намъже и напившись, пива, меду и вина, нѣкоторіе зъ нихъ поехали далѣй, якъбы верстъ у 3, до рѣчки, називаючойся Костумля, перенориними идучой и тамъ перебравшись черезъ рѣчку, стали отъ Салтова въ двѣ милѣ. Панъ Федоръ дядко позабавилъ у насъ и розговорувалъ о шваграхъ моихъ, намѣрившихъ болшъ 1000 р. дать намъ денегъ по духовной небожчика тестя. Пріездилъ къ намъ Себастяновичъ прилуцкій и Яковъ, судденко глинскій, и посидя мало, отехали. Да онъ же сказовалъ, что Лизогубъ устроилъ генералѣтетъ: обознихъ двохъ Кандибу и Тарасевича, судію Кочубея Василя, писара Якубовича Якова, асауловъ—Гречаного и Жураховского, хоружого—Сулиму.

31. Понеделокъ. П.п. Миклашевскіи пріехали къ обозу нашему и повидавшись съ нами, поехали къ обозу енералному и тамъ стали. Писма черезъ брата п. Семена писалемъ до родителей, ясневелможной, брегадира, прокурора, моей жени, п. Андрѣя брата, п. Петра Апостола, п. Якова Полуботка, п. полковника ахтирского о нашемъ обращеніи, и о другихъ рознихъ потребахъ. Зъ п. Василемъ глинскимъ поминялисмося на конѣ, я у его вороного его взялемъ, а ему сивого гудимовского, жебы дома отдано писалемъ до жени. Братъ п. Семенъ, Василь Жуковскій, Федоръ и Андрѣй Зарудніи и при нихъ слуги мои Тарасъ и Максимъ Коржовскій и зъ кареткою машталѣръ Іванъ и зъ возкомъ и одноконнимъ палубцемъ, поехали назадъ, а не ехали на Салтовъ того ради, что п. Андрѣй Миклашевскій остереглъ насъ, будто прикажчикъ салтовскій зъ позволенія Лизогубового намѣренъ насъ зграбить, когда будутъ ворочатись назадъ. По отездѣ ихъ, ездилисмо до табору и тамъ были у Лизогуба и Бурковского и, позабавившись нѣкоторое время, отехали домой назадъ къ своему обозу. Тогда жъ у насъ гасло пятниця, тоесть Параскевея, на памятку п. Михайловой. Обозъ п.п. Гамалѣевъ стародубовскихъ прийшолъ и сталъ зъ нами тутже. У ночѣ дожчъ превеликій ишолъ по сторонамъ правимъ, и насъ гарадза зачепилъ, зъ блискавицею и отчасти громомъ.

73.

Самойлиха обѣщаетъ, что передастъ внуку отъ умершаго сына Ефима причитающуюся часть имущества, когда онъ достигнетъ совершеннолѣтія.

Року 1654, месеца февраля 7-го дня.

На вряде местском, передо мною Иесифом Андъриевичом и при мне едностайне засѣлыми бурмистрами, ставшы очевисто Грицко Киселенко зъ жоною своею Фесею, бывъшею Евъхимихою роспиралися зъ Самойлихою и з сынами ей Матфием и Якимом (о) позосталое убозстве сына ей Евъхима, которое позостало дитяти его а внукови Самойлишиному, Данилови; домагалася матка у бабки, абы тое убозство отдали дитяти. Теды на тое баба не позволила и мовила, же в тот часъ отдам, якъ внукъ зъросте; а по мне сыны мои повинны отдат, то ест меновите: коня, жупан, вола, я сама повинна тое внукови Данилови отдат, а по мнѣ сыны мои Матфий и Яким повинны тое все отдате. О што просили нас уряду, абы было для памети до книг записано—што есть записано.

74.

Раздѣлъ имущества между Остапомъ Подгайненкомъ и сестрами его Татьяною и Овдею.

Anno 1654, miesiąca maia 3 dnia.

Iż była ugoda, przed nami, przede mną **Siemienem Swietliczнym** setnikiem [1]) y Daniłą Szepielenkiem atamanom horodowym y przy mną iednostainie zasiadłymi burmistry Iwanem Timoszenkiem y Hrickom Małyszenkiem, y Sawką Zacharczenkiem, y Miskiem Chodorkowskim, Ostapa Podhainenka yz siestrami swemi, dwoma Tatianu, a druhoiu Owdieiu, o oyczyznowski dom y sad sławnei pamięci Andreia Banbiereka, tedy Tatiana poszła zamąż za Harasima Iesifowicza, za bywszego wuyta; tedy pozywał Iiesif yz synem Ha-

[1]) Второй по времени сотникъ бориспольскій Семенъ Свѣтличный.

rasimem Podhainięka przed panow sędziow woyskowych, tedy Iiesifowi nakazano było extraktem od oiczyzny wystąpic. Tedy ten Ostap tego wysłuchawszy y opelewał do jego mosci pana hetmana dobrodzieia naszego wielkiego y pozwał Iesifa yz synem do Czehiryna, do pana hetmana. A gdy przyiechali z sobą do Czehiryna y przyszli do pana hetmana, tedy iego mosc pan hetman odesłał do panow sędziów, aby ich sprawy wysłuchali y rossądzili. Co też panowie sędziowie rozsądzili y dekretem przykryli, że sestram Ostapowym trzecia częsc w sadu obom, a dwie częsci y dwor ze wszystkim budynkiem y z sadem, y z polem Ostapu, iako oyczyzna iego własna, y dekretem nakazana od panow siędziów woyskowych, co też w tym dekrecie napisano y do nas, aby trzecią częsc ubozstwa z sadu oyczyzny dano dziewkam y spłacono. Tedy ja, Siemien Swietlicznyi, setnik, y ia Charko Kuranda wuit, ia, setnik, posłałem, dwoch towarzyszow na imia Antona Harasimięka y Dawyda Wiernięka, a woit dwoch burmistrow Iwana Timoszęka y wysz mianowanych ynych burmistrow o szacunek sadu tego Podgainego. Tedy sad oszacowali kop 90 z. polskich; tedy za trzecią czesz y oddał brat Ostap siestram pieniędzy Iiesifu y synowi iego Harasimu częsc tego, co przynależało na Harasimichu, siestru iego Ostapa. Iiesif Andrzeiewicz y syn iego Harasim żadnego przystępu niema miec do niego, do Ostapa, ni żony ich, ni dzieci, ni też krewnyie ych, iako blizkiie, tak dalekiie, ni do oyczyzny iego sławnei pamięci oyca iego Banbieręka żadnego przystępu, okrom Ostapa; wolno temu Ostapu ten dwor yz sadem, y z polem przedac, darowac y na cerkow oddac, y samemu obładac, iako w oyczyznie; co też y Iiesiofowi synowi dosyc się stało Harasimowi, od mała do wielika od Ostapa oyczyźny iey. A co się została siestra mnieysza, tedy przy nim ma mieszkac Owdia, y ubuzztwo, co na niey przynależyt oyczyzny, to do wzrostu iey y do oddania zamąż iey trzymac, a oddawszy zamąż ią, to oddac ma Ostap supełnie oyczyzne iey; a oddawszy ią zamąż y oddawszy, co na niei przynależy oyczyznu iey, to wolnym ma byc Ostap wiecznymi czasy y od tey, co y ta mnieisza Owdia siestra do dwora, ni do sadu, ni do pola, niema miec żadnego przystempu, tylko Ostap Podhainy.

Co obie stronie stanowszy przed nami prosili, aby do xiąg zapisano mieskich Baryszpolskich, co iest y zapisano anno die et ut supra.

75.

Раздѣлъ имущества между Гришкомъ и его мачехою Ивановою Кравчихою.

Року 1655, маръта дня 8.

Перед нами акътами места Баришъполя, в ратуши Баришпольским, Харку Курандѣ войтѣ, и перед нами засѣлими бурмистрами Грицку Малашенку, Миску Ходорковъским, Савцѣ Захарченку, Ивану Томиленку, ставшы очевисто Иванова Кравчиха из пасынкомъ своим, и скаржилас на пасынка своего Гришка, котрой укривдил еи в позосталой худобе небожчика мужа ее второго малженства в рупесках рухомых и лежачих; що теж мы выслухавшы обех контроверсій обох сторон, и углядевшы тое, наказали есмо, абы двадцат гроший дал за зелѣза, косу, по полуосмачка муки пшеничной, серповъ два, а въ засѣвку озимом третая част, его два работника мают бути, не еден. Што тежъ для лепшей вѣре и памети далиесмо се писанѣ с подписом рукъ наших и печатей наших року и дня выше мено(ван)ых.

76.

Вдова Федориха Коломейчиха продала свой домъ Ивану Панушку.

Року Божего 1655, августа дня второго.

Передо мною Харком Курандою войтомъ и при мнѣ будучими бурмистрами Грицку Малишенку, Ивану Тимошенку, Савцѣ Захарченку, Миску Ходорковским, ставши очевисто Федориха Коломейчиха вдова, и оповѣ(ди)ла ясне и явне, иже продала дом свой власный, нигде, ни вчом не заведеный, из огородомъ и якъ се в собѣ маетъ, на улици Вишенской за золотих полодинадцати Ивану

Панушку, котри то домъ волно ему самому, жонѣ, детем и приятелем его уживат, также волно продати, дати, даровати; а я вѣчне не маю жадной справи болше мѣти, так тежъ и приятелѣ моѣ вѣчне. Счо тежъ стороне обѣ просили нас, абы то было и до книг месткихъ записано; счо есть записано року и дня вишеписаного.

77.

Ониско Пусѣй продалъ свою ниву Трохиму Турукалу.

Року 1655, августа 2.

Передо мною Харком Курандою войтом и засѣлими бурмистрами Грицку Малишенку, Савцѣ Захарченку, Миску Ходорконъском, ставшы очевисто Ониско Пусѣй и оповѣл явне, жемъ продал ниву из цѣлиною в меже Михалевой пану Турукалу Трохиму, за суму певную за 20 шест, вѣчне, которую ниву волно ему самому и потомком его уживат вѣчне, также продат, дарова(т); а я и потомки моѣ не мают справы до тои нивы мѣти. Счо теж стороне обѣ просили нас, абы то было и до книг местких принято и записано; счо ест принято и записано.

78.

Тимошъ Олешневичъ продалъ свой домъ Андрею Мохомору, цехмистру кушнерскому.

Року 1655, августа дня десятого.

Передо мною Харком Курандою, войтом, и при мнѣ будучими бурмистрами, Грицку Малишенку, Ивану Тимошенку, Миску Ходорковскимъ, ставшы очевисто славетный пан Тимошъ Олешневичъ ку записаню до книг мескихъ и оповѣл ясне и явне, ижем продал дом свой власный нѣкому нѣ въ чомъ не заведенный зе всимъ будинкомъ, як ся в собѣ мает, за суму певную, за сто злотихъ и са десятъ пану Андрѣю Мохомору, цехъмистру кушнерскому и бра-

тие его всей в цеху кушнерском знайдуючых ся, вѣчне, а я Тимош выше менованый, от того дому вѣчно зрекаюс не мѣти жадного приступу, такжс жона и приятелѣ моѣ до того дому; а пану Андрѣю вишс менованному и братиѣ его волно продат, дати и даровати и як хотѣть найлѣпше на свой пожиток оборочат. Счо тежъ стороны обѣ просили нас, абысъмо тое до книг местских казали писать—счо ест принято и записано року и дня вышменованихъ. Котрий то дом мѣлемъ такжс за гроши своѣ власны, от пана Северина Висоцкого, бывший Матюшкевичовский, стоячи перед Товстонышина, а обмеж у того Олешкевича.

79

Мировая сдѣлка между Фескомъ Меселіемъ и Юскомъ Рыжимъ по дѣлу объ убійствѣ сына Феска, Омелька.

Року 1656, ноебра дня (?)

Перед нами Харком Курандою войтом, и при мнѣ будучыми бурмистрами Григорию Малишенку, Ивану Тимошенку, Савце Захарченку, Марку Ходорковским, становшы очевисто Феско Меселій, челядник пана Пекунацкаго, поведал перед нами справу свою, которую мѣл з Юскомъ Рижом, о побитя сына его на имя Омелки, такжс и перед его милостю паном судиею енералним Антоном Ждановичом, войска его царское милости зволанного от его милости пана гетмана, и просил поневаж оную успокоил и поеднал справу, абы то было и до книгъ месткихъ записано. Где ми сами, особи вишс менование при тим будучие, иж тая справа през пана судю, пана Стефана Сулимы, пол. пер.[1]), пана Григория Забузского, пана Богдана Калениченка, пана Тимоша Цицоренка, сотники Баришполские, и Семена Светлечного и Антона Гарасименка и инших особ немало, на тот час будучих, поеднаня сталос, и актор з позваным простилис во всем, так в накладах яко и инших речах, хоч смерт, любо

[1]) Степанъ Сулима, сынъ гетмана Ивана Михайловича Сулимы, убитъ въ 1659 г.

живот был сыну Юска Рижого, просто Юску Рижому мет поменененого Феска во всем досит ся стало Юску Рижему; котрий то Юско Рижий просил нас, абы тое было до книг меских записано—счо тежъ мы особы виш менованые доводне тую справу виразумѣвшы и дознавшы, иж так ест, а не иначей, поневаж скуток и еднаня сталос во всим Юску Рижому, иж Юско Рыжий, анѣ сынъ, анѣ жаден с приятелей, чоч бы за намовою людскою были, (до) тоеи справы не повинен мѣти жадного дѣла и приступу часы вѣчными. Счо тежъ ми тую згоду и еднаня казалесмы и до книг меских записат, и ест записано рока и дня вышменованого.

80.

Костюкъ Залозненко продалъ свой домъ Федору Рымарю.

Року тисеча шест(сот) патдесят седмого, месеца сентебра дня осмогонадцатъ.

Передо мною Григорим Линником войтом и при мнѣ будучими бурмистрами Васку Великим, Миску Ходорковским, Ивану Тимошенку, станувшы очевисто Костюк Залозненко признал ясне и явне, жем продал домъ свой власный не ценный и нѣкому нѣвчом не заведенный, стоячий в межу дому Ивана Денисенкова, за суму певну, за коп тринадцат личбы литовское, Федору Рымару, зе всим будынком, як ся в собѣ мает, и з огородом; которим тим домом Федору, як хотѣт, ведлугъ пожитку своего оборочат, также волно продати, дати и даровати; я Костюк, жона и всѣ приятелѣ моѣ не мают мѣти и мочи не будут жаднего дѣла и приступу часы вѣчными. Счо теж стороны обѣ просили нас, абы тое было до книг меских записано.

81.

Герасимъ Есифовичъ продалъ свой домъ свояку Грицьку Яременку.

Року тисеча шестсотъ пятдесят осмого, дня двадцат третего миеця марта.

На вряде меском пере до мною Григоромъ Линником войтом и при мнѣ будучими бурмистрами Васку Великом, Миску Ходорковъским, ставшы очевисто Гарасим Есифович, вызнал ясне и явне, же я у свояка своего Грицка Яременка узялем коп девят за дом, которий то двом сестрам належал; пре то през декрѣт правный, я, яко старшый, спустилем свояку своему, то ест меншои свести своей, за суму вышменованую; прето вѣдомо чиню, же ея дом ис полем, що до того дому належит; теды ему волно тим домом, и полем, и садом, якъ хотѣт оборочат, продати, даровати, дати и на церков отдати, и якъ хотѣтъ на свой пожитокъ оборочатъ. А я Гарасим, жона, дѣти и приятелѣ моѣ, часы вечными до того двора и поля, саду, не мают мѣти жадного дѣла и приступу, под винами на вряд будучий зло(тых) сорок, и под обовязками правными. Теди сторона обѣ просили нас, абы тое було и до книг нинешних меских принято. Прето мы бачачи реч слушную казалисмо и записат—и ест записано.

82.

Марья Ярмолиха продала свой пляцъ Левону Филоненку.

Року тисеча шестсотъ пятдесят девятого, месеца септеврія дня 20.

Перед нами Иваном Тимошенком войтом, из бурмистрами Миску Ходорковским, Иваномъ Тихим, ставшы очевисто, Маря Ярмолиха, ку записаню до книг мескихъ нинешних визнала ясне и явне, жемъ продала иляц свой власный, стоячий напротивко двора Миска Ходорковъского бурмистра, за золотых пят Левону Филоненку на вечност, ему самому, жонѣ, дѣтем и приятелем, а я Маря Ярмолиха,

до того пляцу юж не маю мѣти и мочи не буду жадного дѣла и приступу часы вѣчними. А для памяти казалисмо до книг меских записат и ест записано, року, месеца и дня више менованого.

83.

Постановленіе Гоголевскаго уряда о признаніи невиновнымъ въ кражѣ Никиты Бориспольца.

Року Божего тысеча шестсот шестдесятого месеца февраля 20-го дня.

Перед нами въ ратушу Барышполским, передо мною Иваном Тимошенком. войтом, з бурмистрами также из нами заселыми, паном **Василіем Волочаем**, сотником войска его царского величества запорозского, Барышполским, и при товариствах двох, зосланых з мѣста Гоголева, зосланых з Микитою Барышполчем для вшелякого даня вѣри, который ставшы Мыкита, обывател Гоголевский, показовал нам правный декрет с подписами руки и печатми, который декрет так ся в собѣ мает: „Мы, врад мѣста Гоголева, чиним вѣдомо сим нашимъ урадовным писаням, тепер и напотом будучим паном врадом, якого колвекъ стану, так свѣцкого, яко и духовного, аже притрафился был злий казус на Микиту Барышполчака от Грицка Сиварского пасынка, о поволаня злодейства; который то менованый Грицко, юж будучий в подозреню на злодействе, пойманый в першом разу в Барышполю, а для першого разу врад уволнившы его, аби не был каран на горлѣ, а тепер другий и третый раз потknулся, въ Ядловце и в Гоголевѣ чтири воли украл; а будучы за третим разом злодейства, приведенный будучы перед уряд наш Гоголевский, повидѣл на правѣ же з Микитиноѣ направы волы крав. Мы, врад, записавшы, казалисмо его до вязеня дати и того за поруку кого поволан, а ведлуг права на горло осудившы оного злочинцу; а гди раз и другий был справованый от мистра, в тие слова повѣдал, як и вперед повѣдал, а кди юж был веден на смерть, отволал Микиту повѣдаючы, жем то з иншых людей намовы пово-

лал, Микита нѣчого, нѣкды о том не знает. Що мы вряд видячи, же невинное поволаня и неславу нанес оный злочинца, так на его самого, дѣти, яко и на всѣ приятели, казалисмо оного Микиту, яко невинного, нѣ в чом не подойзреного уволнити, и писаня ему дати, варуючы, абы нѣхай не важилсе словами ущипливыми доганяты и бе́зчестити так его самого, яко и всѣх приятелей, любо на подпивку, любо в дорозѣ, або на ярмарку и индей гдѣ ено трафится; а хто бы мѣл наименшим ущипливым словом вишменованому Миките, такового доводом и донесенем скарги до вряду, якогож колвек притрафится, повинен будетъ очищати и навязки платит сто коп на вряд, и увязеню седѣт неделю, для того що обезчестил в невинности. Що для лѣпшое вѣри, и писаня далисмо с подписом рукъ, под печатю; котороесмы прочитавшы, ведлугъ прозби, казалисмо до книг меских нашихъ Гоголевских записати слово у слово". В котором-то декретѣ тии подписи рукъ в том декрете: Петро Хоначевский наместник Гоголевский. Артем Гнѣвуш, сотник Гоголевский. Федор Кашуба, атаман городовый зо всѣмъ товариством, Данило Кега (?) войтъ зо всею громадою. И при том вписаню, были зослани Семен Гриненко, Грицко Пархоменко. Прето на жадания пана Микиты Барышполченка и ведлуг (права) в книги ест вписано, для вшелякого даня вѣры ест вписан.

84.

Оришка Савчиха продала свой домъ Харьку Кроткѣ.

Року тисеча шестсот шестдесятого месеца февруария дня двадцат четвертого.

На вряде меском перед нами Иваном Тимошенъкомъ войтомъ з бурмистрами Миску Ходорковъским, Иваном Тихим, постановившыся очевисто Савчиха Оришка, визнала ясне и явне до книгъ меских нинешъних, жемъ продала дом свой власный непенный и нѣкому нѣ в чом незаведеный, стоячий напротивко огорода Курандина, Харку Кротце за золотых одинадцат, зо всѣмъ будинкомъ,

як ся в собе маетъ. Которому то тенъ домъ от мене проданый, волно продат, дати и даровати и якъ хотѣт ведлуг пожитку своего оборочат; а я сама, дѣти моѣ и приятелѣ до того дому не мают мѣти и мочи не будут жадного дѣла и потреби часы вѣчными. Прето стороне обе просили нас, аби тое било до книг меских принято и записано—и ест принято и записано, року, месеця и дня вишъменованого.

85.

Ганна Ярошиха продала свой домъ Дмитрію Нечипоренку.

Року тисеча шестсот шестдесятого месеца февраля дня 20 шестого.

Передо мною Иваном Тимошенком войтом, з бурмистрами, Луцку Полуляховым, Иваном Тихим, Миском Ходорковъским, ставши очевисто Ганна Ярошиха, визнала ясне и явне, жемъ продала дум свой власный не пенный и никому, ни в чом не заведеный, стоячий в межу двора Процикова, за певную сумму за зло (тых) осм Дмитру Нечипоренку, которому волно продат, дат и дароват, и якъ хотѣт ведлуг пожитку своего оборочатъ; а я не маю до того дому не маю мити жадного дела часы вечными. Прето сторони обѣ просили нас, аби тое було записано, и ест записано року, месеца и дня (вишменованого).

86.

Приговариваются къ смертной казни Юско Баюрченко и зять его Ярошъ Семеничъ за кражу лошадей.

Року тисеча шестсот шестдесятого месяца июля дня двадцат семого.

Перед нами, въ ратушу Барышполским, Григорим Малишенком войтом, Панком Черевченкомъ, Матвѣемъ Шулгою, Герасымом Дюгтаромъ, и при бытности пана Данила Кулика Гордѣенка и иных

товаришахъ на справу нижей менованую в сем року заселыми, ставши очевисто Процик Евсѣенко, Яким Шинкар, Григорий Верещака и козаки полку Переяславъского мѣста нашего Барышполя, ускоржалися на Юска Баюрченка злочинца, у которого Процикъ Евсѣенко в Переяславѣ у Павла шинкара з конем постигнул, которого в том же Переяславлю до вязеня оддал; который Юско доброволне узнался, же коней двое я сам узяв, на болоню под мѣстом сивого, а гнѣдий за мною бѣгъ. Потим през декрет того враду Переяславля на Юска злочинцу бил выдан, бил трикрот тягненый. Который Юско на Яроша Семенича зятя своего поволал: же Ярошъ, зят мой, до того мене привѣлъ и намовил, и взял коня Якимова, то не вѣдаю где, и оддал ми у озера Княжицкого, а Верешчачина коня отдал против Нестеровки, у Петровицю. Прето ми, суд, ведлуг жалобы козаков вишъменованих, схиляючися до права посполитого в статуте земском и в порадке права майдебурского описаного, сказуем оного Юска Баюрченка злочинцу, такъже и Яроша Семенича зятя своего, который его до того приводил и самъ много шкод людем в краню коней починил; так Яроша, вишъмененого злочинцу, ми, суд, сказуем на муки и на смертъ, абы ведлугъ роботы плату взяли и с тим на суд Божий стали; бо еслибы хто украл, жеби злотих три стояло, або вышей, мает бути обѣшон, если теж укралбы, жебы стояло полкопы, мает бути нацехован. Прето водле роботы своей Юско злочинца и Ярош, будучий поволан од шурина своего, же ся ему в тым товаришыл, в краденю коней, мают плату на своем тѣли и здоровя понестѣ; а для лѣпшое вѣри и далшои памяти, казалисмо оных злочинцов справу до книг меских Барышполских записат, и ест записано et ut supra.

87.

Семениха Бульская признаетъ, что она оклеветала дѣвку Зѣню.

Року тисеча шестсотъ шестдесятого мѣсяця августа дня двадцат пятого.

Передъ нами врадомъ месткимъ Барышполским Григориемъ Малышенкомъ войтом, Панком Черевкомъ, Иваномъ, Матвѣемъ Шул-

гою, Яковомъ Яцюченком бурмистрами, лавою зуполна засѣлою и з нами засѣлими, паномъ Данилом Куликомъ атаманомъ городовымъ, ставши очевисто Матвѣй Коломыецъ, также и Семениха Булская, помовила була пяная Матвѣеву братану дѣвку Зѣню нецнотливыми речами, которой казалисмы Булской, аби того доказова(ла), же помовила була пре то пана Матвѣя Коломийца за тую дѣвку о проступок свой з людми зацными, передъ нами судомъ просила и тие нецнотливые слова у своѣ уста побра(ла), тыми словы мовячи: же я не говорила ти, алеж брехала, и на тим пана Матвѣя поеднала, же Матвѣй Коломиец, жона, также дѣвка вишей имено(ваная) до Семена Булского, анѣ до жоны юж не мают мѣти жадного дѣла и потребы вѣчными часы, а Булская не маетъ жадныхъ похвалок и тых... *(актъ не оконченъ).*

88.

Фесько Матвѣенко продалъ свою хату брату своему Ивану Матвѣенку.

Року 1661, генвара 4-го.

Перед нами Григорием Малишенком войтом, з бурмистрами Михаиломъ Шулгою, Герасимом Дохтаром, Яковомъ Яцутенком, Максимом Поташным, ставши очевисто Фесько Матвѣенко, визналъ ясне, явне и доброволне, жем продал хату свою власную, батковскую, за суму певную, за коп повчварта, Ивану Матвѣенку, брату своему, на вѣчное и спокойное ему держаня; ему волно тую хату, от мене купленую, продат, дароват, на церковь отдат и якъ хотѣть оборочать; а я тое хаты вѣчнесь зрекаю не мити до тое хаты жадного дѣла вѣчными часы. Прето стороне обе просили нас, аби тое було и записано, и ест записано.

89.

Михайленко хотѣлъ два раза получить деньги съ Веремѣя рѣзника за скотъ.

Року тисеча шестсот шестдесят первого месеця анварія дня 21.

Передо мною Дмитром Светухою полковником наказным войска его корол. милости запорозского и судею войска его кор. милости Переяславским и при мнѣ будучих особъ, славетных панов, паном Исидоромъ Поклонченкомъ атаманом, Григорием Малишенкомъ войтомъ з бурмистрами, актовалас справа Веремѣмъ розником поводом и Гаврилом Михайленком, а то в тен способъ: аже Веремѣй винен был долгу тому Михайленку за розный товар, за который товар Веремѣй все отдал тому Михайленку од мала до веля; на которое то отдане долгу ставив людей много, а меновите на вряде мѣскому Веремѣй во всем уистился; а Гаврило Михайленко невинне у того Веремѣя набралъ товаров розных на коп сто и едну, ведлугъ реестру и слушной рахубы; который Михайленко, ведлугъ жалоби адверсира своего, до того браня, которое Веремѣй меновал, не узнался, але в томъ ся далъ Михайленко до книгъ мескихъ записати в тен способъ: же мыс во всем з Веремѣмъ погодили, же юж не маем еден до другого, не маем мѣти жадного дела. Прето мы казалисмо тои угоды записаной в книгах шукат, счо ся жадным способом тое не показало, але през свою мову власную во всей винѣ зостал; бо и жаден з уряду на то не признал, тилко признали, же рахубу на то чынили, а в том южъ и сам Михайленко признал ся, же раховалесмо на ратушу, въ томъ ся Веремѣй нами, вряломъ, сведчил, и того доводил Веремѣй, яко повод, людми одними, то есть ставил Андрѣя Лисого, для подпори справы своей, котрый под сумленем, перед нами врадом признал: же у мене Гаврило Михайленко за вола едного два разы плату брал. Также Иван Перестрит, также под сумленем признал: же я два разы тому Михайленку за гречку платил. Прето мы, суд, прихиляючыс до права посполитого в статуте земском и в порядку права майдебурского записаном, наказуемъ декретомъ нашым, абы Михайленко, яко южъ

презвѣджоный в своей речи през вѣды повода своего Веремѣя, во всем, от мала до велика, тые сто коц и едну отдал и наклады правные поворочал, и за свое кламство и нецноту, караня однѣс, яко упалий у своій речи и перекопаный сведками. Счо для лѣпшои вѣри и далшой памети тепер и напотом будучым, казалѣсмо тот декрет нашъ принят до книг меских Баришполских, абы болшъ южъ не мѣли еден до другого жаднои справи часы вѣчными; которий мы приняли, который ест слушне и досконале во всем писаный. Дѣялос року, месеця и дня вишъменованого.

Тимже паном уставуем, пану Веремѣю и пану Гаврилу Михайленку, заруку, ежели бы который мѣлъ тую справу счати, любо сами, або хто колвек с приятелюв, або похвалку пяный, або тверезый чынити,—на такового укладаем вины на его милост пана гетмана таляров 100, на пана полковника—таляров 100, на сотника злотых 100, на вряд меский злотых 100; которая зарука жадными людмы перекопаная не минет, конечъне.

90.

Петро выдѣляетъ имущество своей невѣсткѣ.

Року 1661, месеца мая 25 дня.

Ознаймуемъ и записуемъ симъ записом нашимъ в книги мѣские, ижъ Петро Осиповъ братаничъ отправлялъ невистку свою, и дай юй третину во всюмъ господарствѣ и набытку вѣчными часы, жебы южъ болшъ межи собою не турбовалис, тилко еще в новину мает дати ис поля невѣстци своей десят коп жита, а болшей тое отдавшы, жебы юж вечными часы не турбовалис; тилко вона била винна золотихъ осмънадцет; прето девер еѣ, Петро, пренялся тое отдат, на которие осмнадцат золотих покинула она шмать не дѣланую, прето, аби южъ вѣчными часы не турбовалис. Дѣялося въ ратуши, року и дня вишеписаного.

91.

Прохоровскій житель Кирикъ Фесенко и Кіевскій житель Денисъ Купріенко помѣнялись лошадьми.

Року 1661, июня дня 26.

Перед нами Григорием Малишенкомъ войтом, з бурмистрами Матвѣю Шулгѣ, Гарасиму Догтару, ставшы очевисто Кирикъ Фесенко, обывател Прохоровскій, и Куприенко Денис, обывател Киевскій, ставши очевисто вызнали ясне, явне и доброволне, ажесмы ся конми фримарчили, я Кирил вишменованый менялем коня вороного на три ноги белоконытого, лѣтомъ осмим добеглого, на молочня, за которим еще взялем додатку копъ десят личбы литовских и грошей литовсъских. Прето я пану Денису Купреенку шлюбую, же не ест краденый, а ежели бы мѣл хто знатися до того коня, где бы мѣл пан Денис копу тратит, а я поднѣмаюс своих коп двѣ там ставит, а пану Денису волно тим конем, яко хотѣт оборочат, волно продат, дароват и фримарчит. А для лѣпшое вѣри и памяти казалесмо тое до книгъ меских записат.

92.

Максимъ Москаль изъ Кіева признаетъ, что укралъ деньги у Кіевскаго мѣщанина Ефима Саливонова.

Року Божего 1661, июня 31.

Пред нами Григориемъ Гаркушою, сотникомъ Баришполским и при мнѣ будучими паном Григорием Малишенкомъ войтомъ из бурмистрами, ставшы очевисто Евхимъ Саливоновъ мешчанин Киевъский, ускаржался нам на Максима москаля Киевъскаго, которий у мене взяв грошей пят талярий литовскихъ а рудих копѣкъ коп 12, которого найшолемъ въ мѣстѣ вашомъ. Которого, на прозбу его, оддали до вязеня; которого москаля отдавшы, тен Евхим из мѣста нашого пошол, отдавшы до везенія; а бачачи же тот покинул того вязня, посилаемо до Киевского маестрату, ознаминивъши

о томъ вязню и о той справѣ. Маестрат на нашу волю спустил. Прето мы чинимъ его от везеня волним, а тому москалеви за свое таковое турбованя волно як хотѣт чинит з тим Евхимом. Еднак признался тот москал сам в дому пана сотника виш (мѣнованого) и при Гнату началном чоловѣку и при иныхъ людяхъ зацных, же взял тие гроши. Що ми для памяти казалисмо записат.

93.

Полковникъ Борисполськiй Григорiй Горкуша забираетъ хуторъ въ Требуховѣ, оставшiйся выморочнымъ послѣ смерти Кирика, его жены и сыновей.

Руку тисеча шестсот шестдесят втораго, месеца февруария дня 20 четвертаго.

Я Григорый Горкуша, полковникъ на тотчас будучый Барышпольский, маючы повѣсть о кгрунтѣ, лежачомъ в селе Требуховѣ, который пустовалъ през час немалый, то ест отумерщина, аже тот Кирикъ вимер из жоною и всѣмъ щадкомъ, а за их души жадных не було офер до Господа Бога, прето я, уподобавши тотъ кгрунтъ, а бачачы, (иж) жадные их покревние до того кгрунту не находятся, умыслилемъ, абы за ихъ души был служоный сорокоуст, то ест за самого Кирика, за жону его и за сынов его два, то ест за 4 души уедналемъ отца Симеона священника Требуховскаго за копъ 14 за тие чотири души, а на церковъ Божию далем коп шест, то ест далем за тот кгрунт Кириковский всеѣ сумы коп двадцат личбы литовское, при людяхъ зацныхъ и вѣри годныхъ, то ест при пану Николу, сотнику броварскомъ, при пану Матвѣю Молявченку, сотнику Дудерковъскому, и при пану Лукъяну Слушченку . . . . . , при пану Яцку Антоненку, и упросилисмо их милости пановъ магистрату, абы тую мою куплю приняли и записалы до книгъ меских, для вшелякого даня вѣри каждому враду тепер и на потом будучим. Що пан Григорий Малишъ, войт, з бурмистрами, на прозбу мою тую, мою куплю казал до книг меских записат; а минѣ

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

„**Кіевская Старина**“ выходитъ въ 1892 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Открыта подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1892 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „**Кіевская Старина**“, Кузнечная, № 14.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 и 1891 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—91 г. по **1 р.**

Издатель **К. М. Гамалѣй.** За редактора **Е. Кивлицкій.**

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го декабря 1891 года.